

**Костанайская академия МВД Республики Казахстан
имени Шракбека Кабылбаева**

На правах рукописи

УДК 343.98+351.74 (470+574)

ББК 67.99(2)94+67.99(2)116.31(2 рус+2 казах)

К – 21

Карл Ардак Маратович

**«ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ
МЕРОПРИЯТИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН»
(сравнительно-правовое исследование)**

Специальность: 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность.

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
профессор кафедры оперативно-разыскной
деятельности в органах внутренних дел Санкт-
Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних
дел Российской Федерации
Шахматов Александр Владимирович

Душанбе
2025 год

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ И СИСТЕМЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН.....	20
§ 1. Определение понятия оперативно-розыскных мероприятий.....	20
§ 2. Подходы к формированию системы оперативно-розыскных мероприятий в законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан	57
Глава 2. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ	85
§ 1. Теоретическая модель законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий.....	85
§ 2. Совершенствование законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий, основанных на ограничении конституционных прав личности ..	119
§ 3. Пути оптимизации законодательного регулирования общих оперативно-розыскных мероприятий.....	152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	186
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ИСТОЧНИКОВ).....	194
ПЕРЕЧЕНЬ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ	233
Приложение № 1.....	237
Приложение № 2.....	240
Приложение № 3.....	241

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертации. Оперативно-розыскная деятельность, реализуемая посредством разрешенных национальными законодательствами оперативно-розыскных мероприятий (далее по тексту вариативно «оперативно-розыскное мероприятие» или «ОРМ») является одним из наиболее эффективных и результативных механизмов противодействия преступности. Географическая сопряженность Российской Федерации и Республики Казахстан с неизбежностью детерминирует взаимное проникновение криминала, его трансграничный характер, в том числе связанный с рисками совершения преступлений одновременно на территории обоих государств. Это в обязательном порядке ставит вопрос о необходимости максимальной организационной согласованности действий оперативных подразделений обоих государств, а также о максимально возможном сближении законодательства, регламентирующего оперативно-розыскную деятельность.

В настоящее время взаимодействие между Российской Федерацией и Республикой Казахстан развивается в рамках Содружества Независимых государств, Евразийского экономического союза, Организации Договора о коллективной безопасности. Данные международные организации играют большую роль в развитии разносторонних сфер, в сохранении стабильности жизнедеятельности граждан, а также в создании внутренних законодательств для их гармонизации в государствах-членах Союза. В укреплении взаимодействия двух государств важную роль играет их безопасность, а одной из основных угроз является преступность, которая влияет на прочность социально-экономического, политического и культурного базиса обоих государств.

Открытость границ между странами порождает не только положительные тенденции, связанные с возможностью реализации сотрудничества в самых различных сферах, но и отрицательные моменты в лице организованных и транснациональных преступлений. С развитием информационных технологий появляются новые преступления и способы их совершения, совершенствуются и модифицируются

методы и средства сокрытия следов преступлений. Преступность является одним из самых значимых дестабилизирующих факторов и приобретает характер реальной угрозы национальной безопасности государств. Так, за 2021-2024 гг. на территории Российской Федерации коэффициент тяжких и особо тяжких преступлений на 100 тысяч населения был зарегистрирован 393 [282, 284], в Казахстане – 197 [288]. Раскрываемость по данным категориям преступности за этот же период времени в Российской Федерации составила 39 %, в Казахстане – 60 %. Это свидетельствует о сравнительно невысокой раскрываемости преступлений в обоих странах, что в свою очередь, и предопределило востребованность исследования правового регулирования оперативно-розыскных мероприятий в Российской Федерации и Республике Казахстан.

Внимание к различным аспектам правоохранительной деятельности не ослабевает, что во многом связано как с постоянным изменением криминальных процессов, так и с ежегодным возрастанием требовательности к соответствующей деятельности со стороны государства и общества. Учитывая то обстоятельство, что в последнее время многие государства столкнулись с такими глобальными проблемами, как терроризм, экстремизм, незаконная миграция, распространение наркотических средств и др., роль оперативно-розыскных мероприятий постоянно возрастает. Параллельно в постоянном режиме актуализируется вопрос относительно параметров законности ОРД, поскольку и технический прогресс, и общая тенденция более пристального внимания к проблеме прав человека неизбежно продуцируют те или иные коллизионные аспекты при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Очевидно, что для более эффективной ОРД нужна гармонизация российского и казахстанского законодательства в сфере оперативно-розыскной деятельности, поскольку строгая регламентация осуществления оперативно-розыскных мероприятий в большинстве случаев не допускает широких границ усмотрения правоприменителя, какой бы значимой не представлялась задача противодействия преступности. Поиск путей сближения законодательных предписаний поможет законодательно урегулировать оперативно-розыскные мероприятия в Российской

Федерации и Республики Казахстан, что будет способствовать дальнейшему укреплению взаимоотношения оперативных сотрудников двух стран. Совместная работа оперативных сотрудников, в свою очередь, даст возможность создать рабочий механизм оперативно-розыскной деятельности. В связи с этим есть необходимость в разработке предложений и рекомендаций по гармонизации законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий Российской Федерации и Республики Казахстан на основе выявленных в ходе сравнительно-правового исследования общих и отличительных признаков, требований и условий, а также синтезирования наиболее эффективных способов нормативной фиксации, имеющих в оперативно-розыском законодательстве России и Казахстана.

Степень научной разработанности избранной темы. В теории оперативно-розыскной деятельности проблемы совершенствования правового регулирования оперативно-розыскных мероприятий нашли отражение в работах таких российских и зарубежных ученых как В.М. Аتماжитова [70, с. 24], Ю.С. Блинова [139, с. 762], В.Г. Боброва [76, с. 64], О.А. Вагина [176, с. 19-23], К.К. Горяинова [86, с. 576], Е.С. Дубоносова [93, с. 379], Н.С. Железняк [98, с. 332], С.И. Захарцева [260, с. 397], А.П. Исиченко [78, с. 119], В.Ф. Луговика [115, с. 96], В.И. Михайлова [120, с. 96], Ю.Ф. Кваши [107, с. 1725], И.А. Климова [109, с. 383], С.С. Овчинского [124, с. 415], В.Н. Омелина [126, с. 145], А.Л. Осипенко [213, с. 83-90], В.В. Петрова [129, с. 131], Р.Х. Рахимзода [269, с. 581], Р.Р. Рахмаджонзода [132, с. 60], Д.В. Ривмана [133, с. 235], Г.К. Синилова [134, с. 48], К.В. Суркова [270, с. 432], А.Е. Чечетина [147, с. 232], М.А. Шматова [151, с. 228], А.В. Шахматова [274, с. 438], А.Ю. Шумилова [158, с. 128] и др.

Рассматривая работы авторов Республики Казахстан о проблемах совершенствования законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий стоит отметить С.Ж. Галиева [84, с. 29], В.И. Григорьева [87, с. 76], Е.Е. Каймульдинова [264, с. 213], С.В. Паташкова [128, с. 259], В.С. Плетнева [130, с. 192], О.Е. Сапарина [83, с. 96], Ж.М. Чокина [121, с. 164], А.Д. Шаймуханова [273, с. 42] и др.

В этих работах исследователи, рассматривая частные случаи, решали более общие вопросы и проблемы оперативно-розыскных мероприятий, начиная от определений конкретных мероприятий, заканчивая общей классификацией и отношений со смежными действиями. Результаты исследований, несмотря на схожую цель, могли как дополнять, так и противоречить друг другу. В каждом из этих исследований отражается специфика научных школ и исследовательских традиций, требующие приведения их результатов в единую систему. Кроме того, в силу недостаточной координации тематики проводимых исследований, некоторые из оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных оперативно-розыскными законами Российской Федерации и Республики Казахстан, могли изучаться одновременно несколькими независимыми исследователями, тогда как другие мероприятия остались без научного внимания. При этом вопросы, связанные с необходимостью гармонизации оперативно-розыскных мероприятий, оперативно-розыскного законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан до настоящего времени обособленному исследованию не подвергались.

Связь исследований с научными программами или темами. Данное научное исследование проводится в рамках приказа первого заместителя министра внутренних дел № 109 «О создании рабочей группы по выработке предложений по совершенствованию законодательства в области оперативно-розыскной деятельности» от 12 февраля 2025 года и плана основных организационных мероприятий по совершенствованию оперативно-розыскной деятельности и последующего инициирования вопроса о внесении изменений в Закон Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 сентября 1994 года.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью диссертационного исследования является сравнительно-правовое исследование вопросов правового регулирования оперативно-розыскных мероприятий в Российской Федерации и Республике Казахстан для достижения максимально возможной гармонизации нормативного определения их понятия,

системы, оснований и условий осуществления в обоих государствах. Для достижения поставленной цели в диссертационной работе предполагается решить следующие исследовательские задачи:

– проанализировать имеющиеся подходы и определения понятия оперативно-розыскного мероприятия, предусмотренные в законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан и теории оперативно-розыскной деятельности;

– исследовать систему оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренную законодательством Российской Федерации и Республики Казахстан;

– сформировать теоретическую модель гармонизации законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий в России и Казахстане;

– провести сравнительно-правовой анализ регулирования различных видов оперативно-розыскных мероприятий в законах Российской Федерации и Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности»;

– сформулировать предложения по совершенствованию законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий, сопряженных с ограничением конституционных прав личности, в России и Казахстане;

– определить пути оптимизации законодательного регулирования общих оперативно-розыскных мероприятий в обоих странах.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с проведением оперативно-розыскных мероприятий, а также обуславливающие необходимость и достаточность их регламентации в профильном законодательстве об оперативно-розыскной деятельности Российской Федерации и Республики Казахстан.

Предметом исследования выступают нормы профильного оперативно-розыскного законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан, нормы модельного оперативно-розыскного законодательства, а также

законодательства зарубежных стран, регламентирующего вопросы осуществления ОРД; правовые акты конституционного контроля (преимущественно Конституционного Суда РФ) по вопросам соблюдения законности в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий; результаты проведенного социологического исследования среди оперативных работников России и Казахстан, а также результаты, полученные другими авторами по смежной проблематике; теоретические, правовые проблемы и закономерности законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий, а также практика их применения в Российской Федерации и Республике Казахстан.

Методологическую основу исследования составил диалектико-материалистический метод научного познания. Для достоверного и полного исследования темы и выявления значимых результатов были использованы общенаучные и специально-научные методы, среди которых: сравнительно-правовой, социологический, анализ, синтез, дедукция, индукция, аналогия, описание, метод правового моделирования, контент-анализа и другие.

Теоретической основой исследования послужили научные исследования известных ученых в области теории государства и права, логики, уголовного и уголовно-процессуального права, административной деятельности, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности.

Нормативную базу исследования составили Конституции Российской Федерации и Республики Казахстан, уголовное, уголовно-процессуальное, оперативно-розыскное законодательство, а также иные законодательные акты, регламентирующие отношения в сфере оперативно-розыскной деятельности, Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», международно-правовые акты в сфере оперативно-розыскной деятельности, ратифицированные обоими странами.

Эмпирическая база исследования. Исследование основано на анализе результатов социологического опроса, проведенного среди 440 сотрудников оперативных подразделений МВД Российской Федерации и Республики Казахстан, результатах исследований, проведенных другими авторами по аналогичной или

смежной проблематике; на изучении позиций Конституционного Суда РФ по вопросам законности осуществления оперативно-розыскных мероприятий (в Казахстане соответствующая практика до настоящего времени отсутствует).

Научная новизна определяется тем, что впервые проведено сравнительное исследование законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий в Российской Федерации и Республике Казахстан на монографическом уровне. Сформулировано авторское определение понятия «оперативно-розыскное мероприятие», рекомендованное к включению в оперативно-розыскное законодательство России и Казахстана; определены признаки и сформулировано определение понятия «система оперативно-розыскных мероприятий»; выявлены методологически значимые направления гармонизации оперативно-розыскного законодательства обеих стран, в том числе, с обособлением отдельных групп норм, касающихся оперативно-розыскного иммунитета, условий проведения оперативно-розыскных мероприятий в случаях, не терпящих отлагательства, а также формирующих основные вопросы реализации принудительного механизма при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий. Особый акцент произведен на необходимости оформления сбалансированного аксиологического сопровождения ОРД и каждого в отдельности оперативно-розыскного мероприятия, в том числе посредством дополнения действующего законодательства. Сопоставительный анализ различных видов оперативно-розыскных мероприятий позволил выявить наиболее оптимальные конструкции, а также подлежащие к устранению коллизии, что позволило достичь искомых результатов в поиске гармонизирующих инструментов, в равной степени востребованных в ОРД России и Казахстана.

Положения, выносимые на защиту:

1. С учетом необходимости обособления понятия «оперативно-розыскное мероприятие» от иных структурных элементов оперативно-розыскной деятельности (организационных, управленческих действий, методов, приемов и средств осуществления ОРД) обоснована необходимость его легального определения в оперативно-розыскном законодательстве России и Казахстана

следующим образом: *«действия, иницируемые и проводимые уполномоченными на то субъектами в соответствии с требованиями нормативных правовых актов, основанные на применении гласных и негласных методов и средств и направленные на получение и реализацию информации, необходимой для достижения целей и задач ОРД»*. При этом с учетом специфики казахстанской модели регулирования в Законе РК «Об ОРД» данное определение должно быть дополнено формулировкой *«...не подпадающие под признаки негласных следственных действий»*.

2. Использование в профильном законодательстве Об ОРД перечневого метода закрепления оперативно-розыскных мероприятий препятствует их оценке в качестве самостоятельной системы ввиду невозможности четкого сопоставления общих и специальных признаков. В этой связи обоснована необходимость преодоления полной (в российском варианте) и частичной (в казахстанском варианте) анонимизации понятий отдельно взятых оперативно-розыскных мероприятий, не сопряженного с раскрытием тактических аспектов ОРД. Соответственно, систему оперативно-розыскных мероприятий можно определить как *законодательно оформленную и исчерпывающую комплектацию различных видов разрешенных оперативно-розыскных мероприятий, имеющих качественно отличное содержание, основания и условия их осуществления, не находящихся в отношении соподчинения и предполагающих возможность их комбинации при реализации ОРД*.

Оформление системы оперативно-розыскных мероприятий позволит закрепить классификационные признаки непосредственно в структуре профильного законодательства об ОРД, среди которых наиболее значимыми являются: 1) «форма проведения оперативно-розыскного мероприятия» - в рамках которого выделяются: а) только гласные; б) как гласные, так и негласные; в) только негласные); 2) «свобода инициирования и проведения» (условия проведения), обособляющий две группы оперативно-розыскных мероприятий: а) свободно иницируемые и проводимые, не требующие решения руководителя оперативного подразделения или санкционирования со стороны суда (в российском варианте) или прокурора (в казахстанском варианте)); б) иницируемые и проводимые с

ограничениями (требующими надлежащих методов согласования и санкционирования).

3. Модель законодательного регулирования осуществления оперативно-розыскных мероприятий должна строиться по пути достижения баланса между преодолением необоснованных элементов анонимизации отдельных элементов ОРД и исключением рисков чрезмерного раскрытия ее процессуальных и тактических аспектов. В современных условиях развития ОРД в России и Казахстане с целью создания оптимальной модели законодательного регулирования требуется решение следующих вопросов: 1) закрепление легального определения понятия «оперативно-розыскное мероприятие»; 2) оформление в рамках отдельных статей профильных законов об ОРД каждого оперативно-розыскного мероприятия с легальной дефиницией и уточнением оснований и условий его инициации и проведения; 3) обособление норм, касающихся осуществления оперативно-розыскных мероприятий в случаях, не терпящих отлагательства; 4) синтез основных положений, касающихся оперативно-розыскного иммунитета в рамках отдельной статьи профильного закона об ОРД; 5) четкое оформление принудительных мер в оперативно-розыскных законодательствах Российской Федерации и Республики Казахстан.

4. В рамках специальных вопросов модели законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий в профильном законодательстве об ОРД Российской Федерации и Республики Казахстан необходимо:

– для нейтрализации рисков снижения инициативности, а также применения мер дисциплинарной и иной правовой ответственности к руководителям оперативных подразделений, требуется уточнение оснований (в рамках отдельных инструкций), по факту которых допускается проведение оперативно-розыскных мероприятий в случаях, не терпящих отлагательств;

– при конструировании самостоятельной статьи (по аналогии с уголовно-процессуальным законодательством), содержащей перечень основных субъектов «оперативно-розыскного иммунитета», следует учесть специфику оперативно-

розыскного иммунитета адвоката и его ограниченность исключительно *обстоятельствами, составляющими адвокатскую тайну*. Для казахстанского законодателя весьма востребовано решение относительно прозрачности проведения специальных оперативно-розыскных мероприятий в отношении прокурорских работников, поскольку именно они являются субъектами санкционирования данных оперативно-розыскных мероприятий, что свидетельствует о возможности *специфического конфликта интересов*.

– учитывая явно выраженную потребность принудительных механизмов при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, которые до настоящего времени не урегулированы в оперативно-розыском законодательстве России и Казахстана (в последнем случаи имеют место фрагментарные решения), обоснована возможность применения метода «отрицательного признака», предполагающего законодательное указание на меры принуждения, которые недопустимы в рамках осуществления оперативно-розыскных мероприятий (соответственно, все остальные принудительные меры будут презюмироваться как допустимые).

5. Регламентация в ФЗ «Об ОРД» и Законе РК «Об ОРД» оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением конституционных прав человека, имеет характер явного (в казахстанской модели) и контекстного (в российской модели) обособления от иных мероприятий, что обусловлено особым механизмом их инициирования и проведения. В рамках оперативно-розыскных мероприятий данной группы целесообразны будут следующие изменения и уточнения:

– переименование двух сопоставимых оперативно-розыскных мероприятий, именуемых «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (ФЗ РФ «Об ОРД») и «негласное проникновение и (или) обследование места» (Закон РК «Об ОРД») на «оперативный осмотр», который определить как *оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в гласном и негласном не процессуальном осмотре объектов с целью обнаружения документов, следов, предметов, в отношении*

которых есть основание предполагать их отношение к преступной деятельности, а также получения иной информации, необходимой для решения задач ОРД;

– уточнить в Законе РК «Об ОРД» и рекомендовать к обособлению в ФЗ РФ «Об ОРД» самостоятельного оперативно-розыскного мероприятия, именуемого *«оперативный досмотр»*, которое определить как *оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в принудительном гласном не процессуальном досмотре объектов, лиц, имущества с целью обнаружения документов, следов, предметов, в отношении которых есть основание предполагать их отношение к преступной деятельности, а также получения иной информации, необходимой для решения задач ОРД;*

– в ФЗ РФ «Об ОРД» объединить мероприятия по «прослушиванию телефонных переговоров» и «снятию информации с технических каналов связи» в одно мероприятие с наименованием *«контроль сети электросвязи»*, определив его как *оперативно-розыскное мероприятие, осуществляемое негласно при помощи специальных технических средств для получения информации, передаваемой лицами по сетям электросвязи* (в Законе РК «Об ОРД» произвести изменения корреспондирующего характера путем переименования негласного контроля, перехвата и снятия информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи на *«негласный контроль сети электрической связи»* с аналогичной дефиницией);

– в ФЗ РФ «Об ОРД» закрепить самостоятельное оперативно-розыскное мероприятие *«электронное наблюдение»* ввиду отсутствия действующих нормативных конструкций, позволяющих без допущения нарушений осуществлять соответствующие действия.

6. Казахстанская практика регламентации осуществления оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (специальных оперативно-розыскных мероприятий) требует применения отдельных оптимизационных процедур, которые необходимы для повышения гарантий законности ОРД:

– целесообразно отказаться от «синтезированных» оперативно-розыскных мероприятий, включающих в себя два и более самостоятельных мероприятия, каждое из которых фактически предусматривает необходимость самостоятельного санкционирования и оценки с точки зрения законности его осуществления (включение негласного проникновения и (или) проникновения, проводимых «при необходимости» в ряд других оперативно-розыскных мероприятий);

– исключить чрезмерную фрагментацию отдельных оперативно-розыскных мероприятий в случаях, когда их осуществление организационно-технически исполнимо в рамках другого мероприятия (в частности, обособление такого отдельного мероприятия как «негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами»);

– установить непосредственно в Законе РК «Об ОРД» более или менее четких ориентиров, касающихся сроков проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы граждан;

– исключить допустимость осуществления оперативно-розыскных мероприятий в отношении жилых помещений без соответствующего санкционирования (в российской модели все вопросы, связанные с обследованием жилых помещений, относятся к строго санкционируемым).

7. В рамках регламентации иных («общих») видов оперативно-розыскных мероприятий имеют место более выраженные элементы гармоничности законодательного регулирования, которые возможно усилить за счет включения следующих изменений и дополнений:

– устранения существующего в Законе РК «Об ОРД» пробела, связанного с отсутствием оперативно-розыскного мероприятия, обладающего признаками *оперативного эксперимента*, путем его отдельного выделения и определения как *оперативно-розыскного мероприятия, заключающегося в моделировании и наблюдении ситуации, позволяющей органам, осуществляющим ОРД, производить контроль известного и неизвестного лица с целью пресечения*

преступления (данная дефиниция может быть рекомендована и для ФЗ РФ «Об ОРД»);

– для уточнения признаков оперативно-розыскного мероприятия, именуемого как «контролируемая поставка», следует определить его (как в российском, так и в казахстанском варианте) как *оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в негласном контроле за поставкой и перемещением товаров, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, в целях выявления причастных к ним лиц и пресечения преступления;*

– оперативное внедрение (в казахстанском варианте – «внедрение») следует определить как *оперативно-розыскное мероприятие, основанное на конспиративном вводе сотрудника оперативно-розыскного органа или лица, оказывающего ему конфиденциальное содействие в криминогенную среду или на соответствующие криминогенные объекты в целях сбора сведений о лицах, фактах и об обстоятельствах, необходимых для решения задач ОРД;*

– поскольку полиграфологическое исследование не обладает признаками самостоятельного оперативно-розыскного мероприятия ввиду его верифицирующего, а не поисково-выявительного характера, его следует законодательно закрепить в качестве разновидности опроса.

8. В действующих законодательных моделях закрепления оперативно-розыскных мероприятий отсутствуют достаточные элементы аксиологического сопровождения ОРД, которые должны иметь отражение при инициации и проведении каждого оперативно-розыскного мероприятия. Ввиду повышенной степени конфликтности ОРД законодательство России и Казахстана нуждается в ряде гармонизирующих решений: 1) выработка самостоятельных этических стандартов («этических кодексов»), адресованных оперативным сотрудникам, в которых определялись бы нравственно-ценностные установки поведения при иницировании и проведении отдельных оперативно-розыскных мероприятий; 2) в целях обеспечения баланса интересов ОРД и законных интересов граждан и организаций, а также снижения рисков чрезмерного вмешательства в поведенческие механизмы контролируемых лиц при проведении оперативного

эксперимента в УК РФ следует включить общий состав преступления, предусматривающий ответственность за провокацию преступления (по аналогии со ст. 412-1 УК РК «Провокация преступления»); 3) нейтрализация уголовно-правового конфликта, который может возникнуть при причинении вреда охраняемым интересам граждан и организаций в ходе осуществления ОРД, для чего УК РФ следует дополнить новым обстоятельством, исключающим преступность деяния, - причинение вреда при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий с необходимым набором условий правомерности (по аналогии со ст. 35 УК РК).

Теоретическая значимость диссертационного исследования вытекает из актуальности темы, новизны ряда теоретических положений, определяется также прикладным значением выводов, предложений и рекомендаций автора, возможностью правового закрепления; состоит в дальнейшем развитии науки оперативно-розыскной деятельности, в частности её разделов, включающих учение о правовой основе оперативно-розыскной деятельности и теории оперативно-розыскных мероприятий в Российской Федерации и Республике Казахстан.

Практическая значимость определяется возможностью использования разработанных положений, выводов и рекомендаций в практической деятельности правоприменителями при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Также результаты диссертации могут быть востребованы в научно-исследовательской и образовательной деятельности при подготовке научной, учебной и методической литературы по использованию специальных знаний.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Предмет и содержание исследования соответствует паспорту специальности: 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность, утвержденному Высшей аттестационной комиссией при Президенте Республики Таджикистан.

Личный вклад соискателя учёной степени. Личный вклад соискателя учёной степени в исследование заключается в том, что основные идеи, имеющие

теоретическую и практическую значимость, выносимые на защиту положения, выводы и обобщения, практические рекомендации могут иметь существенное значение для развития и совершенствования оперативно-розыскного законодательства Российской Федерации, Республики Таджикистан и Республики Казахстан. Научные публикации и выступления автора на различных научно-практических и научно-теоретических конференциях международного и республиканского уровня подтверждают его компетентность в исследуемых в диссертации вопросах.

Степень достоверности, апробация и внедрение результатов исследования. Диссертация обсуждена на заседании кафедры оперативно-розыскной деятельности Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева.

Основные положения диссертационного исследования получили апробацию в научных публикациях исследователя в научных журналах: «Труды Академии МВД Республики Таджикистан» (2019); Международный научный журнал «ҒЫЛЫМ – НАУКА» Костанайская академия МВД Республики Казахстан им. Ш. Кабылбаева (2019); «Вестник Сибирского юридического института МВД России» (2019); «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» (2019); «Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России» (2019); «Журнал правовых и экономических исследований» (2022); «Pakistan Journal of Criminology» (2024); «Образование. Наука. Научные кадры» (2024).

Результаты диссертационного исследования нашли свое отражение в сообщениях и докладах автора на международных научно-теоретических конференциях: «Оперативно-розыскное противодействие организованной преступности» «Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения-2019» (г. Гатчина, 17.05.2019 г.); «Криминалистика – наука без границ: традиции и новации» (г. Санкт-Петербург, 01.11.2019 г.); «Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности» (г. Санкт-Петербург, 28.11.2019 г.); «Деятельность оперативных подразделений: теория и практика» (г. Санкт-

Петербург, 29.11.2019 г.); «Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований» (г. Санкт-Петербург, 06.12.2019 г.); «Парадигма современной науки глазами молодых» (г. Костанай, 12.04.2021 г.); «Шумиловские чтения – 2022» (г. Москва, 25.10.2022 г.); «Организация и деятельность органов внутренних дел на современном этапе: проблемы и пути решения» (г. Костанай, 24.10.2024 г.)

Результаты диссертационного исследования внедрены и используются в практической деятельности Постоянной комиссии Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ по вопросам обороны и безопасности, Объединенной комиссии при Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам; Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности; Департамента по противодействию экстремизму МВД Республики Казахстан; Департамента криминальной полиции МВД Республики Казахстан; Управления криминальной полиции Департамента полиции Жамбылской области; в образовательном процессе Санкт-Петербургского университета МВД России; Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева; Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова.

Публикации по теме диссертации. По теме диссертации были опубликованы 20 научных статей, в том числе 8 из них в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации, Высшей аттестационной комиссией при Президенте Республики Таджикистан и Комитетом по контролю в сфере образования и науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, а также входящих в международные информационные ресурсы Web of Science (Clarivate Analytics) и Scopus (Elsevier), 12 – в других изданиях.

Структура диссертации соответствует целям и задачам исследования. Состоит из введения, двух глав, объединяющих пять параграфов, заключения, списка используемой литературы, перечня научных публикаций соискателя

ученой степени и трех приложений. Наименование и последовательность глав и параграфов определены логикой исследования и порядком решения поставленных задач. Общий объем диссертации составляет 249 страниц.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ И СИСТЕМЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

§ 1. Определение понятия оперативно-розыскных мероприятий

Оперативно-розыскное мероприятие является ключевым, системообразующим понятием для теории и практики оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), поскольку сама непосредственно оперативно-розыскная деятельность фактически представляет собой результат суммирования отдельных оперативно-розыскных мероприятий, которые осуществляются последовательно, одновременно или параллельно в зависимости от решаемых задач. Именно по этой причине и в российском, и в казахстанском профильном законодательстве, регламентирующем правовой статус и параметры оперативно-розыскной деятельности, сама оперативно-розыскная деятельность определяется не иначе, как совокупность осуществляемых оперативно-розыскных мероприятий. Так, непосредственно в ст. 1 Федерального Закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» указывается, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется «посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий» [13]. Аналогично, в определении п. 15 статьи 1 Закона Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон РК «Об ОРД»), ОРД – это «научно обоснованная система гласных и негласных оперативно-розыскных, организационных и управленческих мероприятий...» [14]. Здесь сразу обнаруживается определенная специфика в российском и казахстанском варианте дефиниции, поскольку в формулировке казахстанского законодателя оперативно-розыскная деятельность предполагается как совокупность оперативно-розыскных, организационных и управленческих мероприятий (при явном акценте на оперативно-розыскных). Вместе с тем, это различие можно причислить исключительно к терминологическим, не

затрагивающим непосредственно содержания и сущности оперативно-розыскной деятельности, поскольку проведение любого оперативно-розыскного мероприятия (или их совокупности) неизбежно связано с принятием организационных и управленческих решений.

Институт оперативно-розыскных мероприятий традиционно причисляется к перечню наиболее значимых инструментов противодействия преступности, причем его значение неизменно по причине того, что ОРМ способствуют выявлению, пресечению, раскрытию преступлений, то есть их объективизации для правоприменительной практики правоохранительной органов. Известно, что большинство преступных посягательств по их характеру «тяготеют» к скрытому механизму совершения, что предполагает приложение максимальных усилий для сокрытия как самого преступления, так и его следов, результатов преступной деятельности, соучастников и т.д. При этом специфика оперативно-розыскной деятельности заключается также в необходимости обеспечения гарантий защиты конституционных прав и свобод личности. Оперативно-розыскная деятельность неизбежно сопровождается определенным конфликтом интересов (точнее – частных и публичных интересов), поскольку предполагает определенную меру допустимости вмешательства в частную жизнь граждан. С учетом того, что оперативно-розыскные мероприятия в своей сумме и составляют саму сущность оперативно-розыскной деятельности, то, соответственно, содержание каждого отдельно взятого мероприятия должно иметь четко очерченные законом «границы» допустимого вмешательства в частную жизнь граждан, которые позволят снизить конфликтогенность оперативно-розыскной деятельности.

Аргументация относительно того, что непосредственно четкость той или иной законодательной дефиниции является безусловной гарантией для того, чтобы оперативно-розыскные мероприятия приобретали качество законности, обоснованности, эффективности была бы безосновательной. В целом, следует признать, что четкие дефиниции в большей степени необходимы для того, чтобы упорядочивать нормативный правовой материал, формировать аксиологию оперативно-розыскной деятельности. Отсутствие четкой дефиниции далеко не

всегда означает, что то или иное конкретно взятое явление (процесс) не может обладать необходимыми параметрами качества и эффективности. Вместе с тем, следует отметить, что и российский, и казахстанский профильный закон об оперативно-розыскной деятельности не содержат отдельной дефиниции, отражающей признаки понятия «оперативно-розыскное мероприятие». В казахстанском варианте имеются только отдельные дефиниции в отношении понятий «общее оперативно-розыскное мероприятие» и «специальное оперативно-розыскное мероприятие», а также раскрываются понятия отдельных ОРМ. При этом оба законодателя идут по пути перечневой фиксации оперативно-розыскных мероприятий, то есть исключительно по пути детализации видовых частных характеристик отдельных ОРМ.

Полагаем, что такое положение вещей вряд ли можно признать благополучным. Несмотря на то обстоятельство, что, как мы уже указали, наличие точной дефиниции еще не является гарантией упорядоченности в понимании того или иного правового явления, тем не менее, в контексте понятия «оперативно-розыскное мероприятие» фактор легального законодательного определения нам представляется не лишним. Во-первых, наличие общего понятия, в рамках которого выделяются те или иные частные разновидности относится к сфере общей научной методологии (индуктивно-дедуктивный метод познания действительности). Соответственно, при наличии общих параметров оценки понятия «оперативно-розыскное мероприятие» можно производить оценку конкретных ОРМ в плане их соответствия данному общему понятию. Во-вторых, специфика оперативно-розыскной деятельности заключается в том, что аксиологический (ценностный) аспект имеет в ней весьма высокое значение. Вокруг него формируется непосредственно правовая культура и правосознание правоприменителя, что нельзя игнорировать. Наконец, в-третьих, любые правовые явления и процессы постоянно находятся в динамике, что предполагает и возможность появления новых ОРМ. В этом случае соответствие нового вида ОРМ содержанию общего понятия «оперативно-розыскное мероприятие» представляется значимым нормативно-методологическим аспектом. Так, в

частности, при консолидированной оценке результатов опроса практических работников (оперативных сотрудников) России и Казахстана, 49 % из них указали на то обстоятельство, что перечень имеющихся в законодательстве форм оперативно-розыскных мероприятий не соответствует потребностям правоприменительной практики (Приложение № 3).

Примечательно, что практика законодательной фиксации легальной дефиниции понятия «оперативно-розыскное мероприятие» не является характерной для большинства стран ближнего зарубежья. Учитывая то обстоятельство, что до настоящего времени (хоть и в меньшей степени, чем в более ранние периоды) нормы модельного законодательства сохраняют свое значение в вопросах формирования национальных законодательств, следует отметить, что 6 декабря 1997 года на десятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ был принят модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – модельный закон «Об ОРД»). В дальнейшем, в связи с необходимостью адаптации законодательного материала к новым потребностям оперативно-розыскной практики, 16 ноября 2006 года на 27-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ была принята новая редакция модельного закона об ОРД. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что в модельном законе содержится дефиниция понятия «оперативно-розыскное мероприятие», однако подобная практика получила трансформацию в национальные законодательства только единичных стран СНГ (Республики Беларусь и Республики Таджикистан).

Профильный закон, регламентирующий оперативно-розыскную деятельность в Республике Беларусь, определяет оперативно-розыскное мероприятие как «способы действия, применяемые органом, осуществляющим ОРД, при выполнении задач ОРД в целях получения сведений в соответствии с настоящим Законом» [17]. В свою очередь, профильный закон об ОРД Республики Таджикистан по аналогии с модельным законом, приводит понятие «оперативно-розыскные мероприятия», то есть исключительно во множественном числе: «установленная национальным законом система мер, осуществляемая гласно и

негласно уполномоченными государственными органами в целях решения задач ОРД» [15]. Очевидно, в строгом смысле слова, к теоретическому ориентиру для формулирования искомой дефиниции «оперативно-розыскное мероприятие» последнее определение отнесено быть не может. В целом, приведенные выше дефиниции являются крайне лаконичными и не содержат традиционного для большинства понятий перечня признаков. То есть при наличии цели обособления понятия «оперативно-розыскное мероприятие», отсутствует фиксация признаков соответствующего понятия, что может быть объяснено высокой вариативностью самих оперативно-розыскных мероприятий.

С одной стороны, чрезмерный акцент на терминах может привести к своего рода правовой схоластике, которая не способна привести к более или менее эффективному результату. Так, в частности, А.Е. Чечетин считает, что оперативно-розыскные действия как родовое понятие включают в себя меры и мероприятия [146, с. 27]. В этом смысле определение понятия «оперативно-розыскное мероприятие» через словосочетание «система мер» представляется не в полной мере методологически верным.

Очевидно, необходимость в наличии точного законодательного термина того или иного понятия должна быть объективной. Полагаем, что в представленных вариантах дефиниций отсутствует та необходимая составляющая понятия, которая бы свидетельствовала о реальной функциональности соответствующих формулировок. Иными словами, высокая степень обобщенности, абстрактности формулировок создает такую ситуацию, при которой отсутствие легального понятия «оперативно-розыскное мероприятие» не может быть расценено в качестве заметного законодательного пробела.

Необходимо отметить, что в Законе РК «Об ОРД» до 7 декабря 2009 года также содержалось законодательное определение оперативно-розыскного мероприятия. Оно приводилось в следующей формулировке: «это действия органов, осуществляющих ОРД, в пределах своей компетенции, направленные на решение задач, предусмотренных статьей 2 настоящего Закона» [14]. В целом, подобная формулировка мало отличалась от тех, которые были приведены ранее,

что, в целом, подтверждает наше предположение о том, что роль соответствующего понятия в большей степени является фиксирующей, нежели определяющей (детализирующей, описывающей и т.д.). На наш взгляд, не стоит исключать и значения такой функции законодательного термина, как фиксация понятия, поскольку она подчеркивает его самостоятельность в общем терминологическом ряду. При этом понятие «оперативно-розыскное мероприятие», безусловно, является не вспомогательным (инструментальным), а системообразующим во всей структуре оперативно-розыскной деятельности.

Что касается решения казахстанского законодателя относительно изъятия из текста профильного закона самостоятельной дефиниции «оперативно-розыскное мероприятие», то соответствующее решение не было аргументировано в пояснительных записках к закону и других актах официального комментирования законодательных изменений. В качестве наиболее вероятной причины подобного решения можно предположить то обстоятельство, что в казахстанской законодательной модели появилось групповое деление оперативно-розыскных мероприятий на общие и специальные. Однако классификация понятия не является источником признака соответствующего понятия.

В целом, оценивая уровень конкретизации понятий и терминов, который в настоящее время сложился в законодательной практике России и Казахстана, мы полагаем, что наличие системообразующего термина (к которому относится понятие «оперативно-розыскное мероприятие») непосредственно в тексте профильного закона является обязательным. В анализируемом аспекте это предопределяется еще и тем, что понятие «оперативно-розыскное мероприятие» является фактически «монопольным», поскольку оно формируется и определяется исключительно для потребностей оперативно-розыскной деятельности. Соответственно, его использование в иных, смежных отраслях научного знания (например, в области уголовного процесса) является производным от того понятия, которое выработано в структуре оперативно-розыскной деятельности.

Вопрос о степени необходимости отдельной дефиниции понятия «оперативно-розыскное мероприятие» является дискуссионным и, как мы уже

отметили, имеет различное законодательное решение в странах ближнего зарубежья. Именно отсутствие единообразного подхода относительно непосредственно факта фиксации данного термина в профильных нормативных правовых актах порождает теоретические исследования относительно реальной целесообразности соответствующего легального понятия [67, с. 8].

Известно, что развитие науки хоть и находится в неизбежной взаимосвязи с состоянием нормативного правового материала, но не ограничивается теми конструкциями, которые включены в законодательный материал. Соответственно, понятие «оперативно-розыскное мероприятие» уже неоднократно становилось предметом анализа, выявления наиболее значимых, конститутивных признаков с предложением тех или иных авторских формулировок. Причем, изыскания исследователей концентрировались именно на определении оперативно-розыскного мероприятия в единичном аспекте (а не через систему соответствующих мероприятий, которые фактически и образуют сущность оперативно-розыскной деятельности). Значительный вклад в понятие оперативно-розыскного мероприятия внесли такие авторы, как В.М. Аتماжитов, В.Г. Бобров, В.В. Дюков, В.И. Елинский, А.М. Ефремов, Н.С. Железняк, С.И. Захарцев, Ю.Ф. Кваша, А.Г. Лекарь, В.Н. Омелин, Д.В. Ривман, К.В. Сурков, А.Е. Чечетин, М.А. Шматов, А.Ю. Шумилов и другие. Следует признать, что в значительной части исследований понятие «оперативно-розыскное мероприятие» анализировалось преимущественно в инструментальном аспекте (например, применительно к отдельным его разновидностям или в контексте оценки тех или иных критериев его проведения и т.д.). Однако наибольшую ценность, как правило, представляют такие понятийно-категориальные конструкции, которые достигают достаточно высокого уровня абстрактности и универсальности. Иными словами, термин (понятие) должен быть сконструирован таким образом, чтобы в нем воплощалось все множество видовых проявлений данного понятия.

Для целей настоящего исследования мы избрали в сравнительном аспекте два монографических исследования (докторские диссертации), в которых понятие «оперативно-розыскное мероприятие» разрабатывалось с учетом всех требований

методологии обоснования и выработки понятий. Так, по мнению А.Е. Чечетина, оперативно-розыскное мероприятие – это закрепленные на уровне федерального закона и «проводимые уполномоченными на то субъектами в соответствии с требованиями нормативных правовых актов действия, основанные на применении как гласных, так и негласных средств и методов, направленные на непосредственное выявление и использование фактических данных, необходимых для решения задач ОРД» [149, с. 20]. В данном определении можно обнаружить следующие основные признаки понятия, которые, по мнению процитированного автора, следует отнести к сущности понятия «оперативно-розыскное мероприятие». Во-первых, это четкая законодательная основа (в российских правовых реалиях – законодательные акты федерального уровня). Во-вторых, субъектный фактор, который заключается в том, что оперативно-розыскные мероприятия осуществляются исключительно специально уполномоченными субъектами. В-третьих, отражается объективно имеющая место комбинация гласных и негласных средств и методов. В-четвертых, акцентируется поисково-выявительный характер оперативно-розыскных мероприятий, которые направлены на «непосредственное выявление и использование фактических данных». Наконец, в-пятых, включено традиционное указание на то обстоятельство, что оперативно-розыскные мероприятия проводятся для решения задач ОРД.

В свою очередь, С.И. Захарцев определяет оперативно-розыскное мероприятие как «составную часть ОРД, сведения об организации и тактике которой составляют государственную тайну, представляющую собой совокупность действий специально уполномоченных на то государственных органов и их должностных лиц, осуществляемых с соблюдением регламентированных законом оснований и условий, отвечающую нормам морали и нравственности, и непосредственно направленную на достижение целей и разрешение задач ОРД» [260, с. 92]. Данное определение, в отличие от предыдущего, больше следует отнести к научно-догматическому варианту, поскольку специфика его формулировки не является характерной для нормативно-правовых конструкций. В частности, достаточно специфичным является указание автора на необходимость

соответствия оперативно-розыскных мероприятий нормам морали и нравственности, а не только нормам законодательства (как у предыдущего автора). Полагаем, что данный акцент не является лишним, поскольку, как мы уже указали, ОРД в значительном сегменте ее осуществления сопряжена с неизбежным конфликтом частных и публичных интересов. С другой стороны, следует также обосновать целесообразность использования данного обстоятельства непосредственно в определении понятия оперативно-розыскного мероприятия. Отталкиваясь от презумпции того, что закон санкционирует проведение только тех мероприятий, которые изначально предполагают необходимый баланс между принципами целесообразности (публичный интерес) и принципами допустимости (частный интерес), полагаем, что наличие нравственно-моральных оснований в рамках того или иного конкретного ОРМ является своего рода имманентным качеством, которое и фиксируется на уровне закона.

Полагаем, что автор вполне обосновано производит соответствующий акцент по той причине, что ОРД нередко вызывает определенное психологическое отторжение со стороны лиц, чьи интересы она может затронуть, периодически ставит те или иные конкретные вопросы относительно нравственно-ценностных начал соответствующей деятельности. Это имеет непосредственное отношение к ранее упомянутой нами аксиологии оперативно-розыскной деятельности, то есть к ее ценностным основам, обеспечение которых преимущественно зависит от профессионализма, уровня правовой культуры и правосознания субъектов, осуществляющих ОРД. Соответственно, несмотря на то что С.И. Захарцев ставит весьма значимый акцент, полагаем, что он имеет отношение не столько к понятию «оперативно-розыскное мероприятие», сколько к общему понятию оперативно-розыскной деятельности. В этом смысле можно встретить соответствующее акцентирование внимания и в работах других авторов. Так, в частности, И.Н. Железняк указывает, что «кроме положений-обязанностей, зафиксированных в ст. 14 ФЗ об ОРД, существуют не описанные в законе, но являющиеся профессиональным стандартом качества-обязанности, необходимые должностному лицу оперативного подразделения для правомерного и

эффективного осуществления ОРД» [259, с. 8]. По всей видимости, автор имеет в виду такие значимые профессиональные установки, которые относятся к нравственным началам ОРД и, соответственно, непосредственно отражаются и на содержании, и на качестве, и на результатах проведения оперативно-розыскного мероприятия.

Такая постановка вопроса более чем справедлива и ставит вопрос о целесообразности выработки отдельных нравственно-этических стандартов оперативно-розыскной деятельности (как вариант – в качестве отдельной статьи профильного закона или в рамках самостоятельного «этического кодекса»). Отметим, что проект соответствующего документа более 30 лет назад был предложен коллективом авторов, которые непосредственно отмечали, что «...оперативные работники, не имея четких морально-нравственных ориентиров, допускают многочисленные случаи грубого, нетактичного поведения с гражданами, вовлеченными в сферу оперативно-розыскной деятельности, и связанные с этим нарушения закона» [223, с. 132-139]. Несмотря на то, что и в России, и в Казахстане к настоящему времени выработаны этические стандарты поведения сотрудников ОВД, следует признать, что они носят обобщенный характер и достаточно слабо учитывают те риски нравственных конфликтов, которые порождаются самой спецификой ОРД. Так, согласно п.14 Приказа МВД России от 26 июня 2020 г. № 460, в частности, содержится рекомендация относительно того, чтобы сотрудник ОВД в отношении служебной информации проявлял «соразмерность, разумность, корректность и сдержанность» [52]. В свою очередь, Этический кодекс сотрудников правоохранительных органов, органов государственной защиты и фельдъегерской службы РК от 2 января 2023 г. отличается еще большей выраженностью нравственно-этических стандартов и требований, которые фактически формируют образ «идеального сотрудника» [39].

Однако учитывая то обстоятельство, что ОРД имеет существенные специфические признаки даже в рамках самих ОВД и иных видов специальных служб, очевидно, что общие нравственно-этические стандарты применительно к ней должны иметь еще более выраженные и интенсивные формы. В частности, как

специально отмечали авторы ранее процитированного этического кодекса оперативного сотрудника, необходимо указание на такие обстоятельства, как допустимость используемых средств, готовность к риску, стойкость в противостоянии преступной среде и т.д.

Возвращаясь к основному исследуемому вопросу, следует отметить наличие расхождения в методологии определения целей оперативно-розыскного мероприятия в рамках анализируемых теоретических концепций. Так, С.И. Захарцев фактически не обозначает непосредственно целей самого оперативно-розыскного мероприятия, опосредуя их через цели и задачи самой ОРД. А.Е. Чечетин, напротив, конкретизирует цель самого оперативно-розыскного мероприятия и называет в ее качестве непосредственное выявление и использование фактических данных. Полагаем, что конкретизация целей определяемого явления (процесса, деятельности) является более верной с методологической точки зрения, поскольку определение целевого назначения структурного элемента (оперативно-розыскного мероприятия) через целевое назначение соответствующей системы (оперативно-розыскной деятельности) приводит к некоторому размыванию функционала системы и ее элементов. По нашему мнению, любое оперативно-розыскное мероприятие должно иметь предметное целеполагание, которое не должно сводиться к целеполаганию всей системы деятельности, в рамках которой оно осуществляется. Кроме того, нельзя исключать ситуации, когда проведение того или иного оперативно-розыскного мероприятия не приводит к реализации его цели (например, при ошибочности выбора того или иного мероприятия, отсутствии искомых результатов и т.д.). При прямой зависимости целеполагания отдельно взятого мероприятия и ОРД в целом в подобных ситуациях будет закономерен вывод о том, что и ОРД не достигает своей цели, что будет абсолютно неверным. Иными словами, отсутствие искомого результата в рамках проведения того или иного оперативно-розыскного мероприятия не означает, что цели ОРД не реализованы, поскольку отсутствие конкретного результата может быть компенсировано в рамках других мероприятий. Таким образом, цели оперативно-розыскного мероприятий более

верно определять предметно, а не «размывать» их до границы целей и задач всей ОРД.

Также отличие анализируемых определений заключается в том, что С.И. Захарцев характеризует оперативно-розыскное мероприятие как «составную часть ОРД» и «совокупность действий», а А.Е. Чечетин к основному родовому критерию определения относит исключительно «действия» (а не их совокупность). Известно, что оперативно-розыскные мероприятия могут осуществляться как в комплексе, так и самостоятельно [139, с. 247], а совокупность означает общий итог чего-нибудь [125, с. 594]. Соответственно, в данном случае мы также в большей степени склонны согласиться с мнением А.Е. Чечетина. Во-первых, определение оперативно-розыскного мероприятия через словосочетание «составная часть ОРД», на наш взгляд, является методологическим нарушением по той причине, что, как правило система определяется через совокупность составляющих ее элементов, а не элемент через то, что он является «частью системы». То есть определение ОРД как системы оперативно-розыскных мероприятий исключает правильность определения понятия «оперативно-розыскное мероприятие» через указание на то, что оно является элементом системы ОРД. В противном случае отпадает сама необходимость в том, чтобы формулировать самостоятельные определения данного понятия.

Полагаем, что понятие «действия», учитывая то, что в самой его семантике заложена определенная множественность поведенческих актов уполномоченных субъектов, является вполне функциональным и не требует дополнения еще каким-либо дополнительным тестовым элементом («совокупность», «система» и т.д.). В данном случае мы также не акцентируем внимания на том, что действия по своей сути составляют исключительно активные поведенческие акты (то есть не предполагают вариант поведения в форме бездействия, воздержания от совершения тех или иных действий). Безусловно, воздержание от того или иного вида вмешательства в процессы также может быть включено в структуру проведения отдельно взятого оперативно-розыскного мероприятия, однако по своей природе ОРД является активной деятельностью, которая инициируется

уполномоченными на то субъектами. В этом смысле понятие «действия» является более чем удовлетворительным. Более того, мы полагаем, что активное, деятельное начало, которое заложено в ОРД, а также в каждом отдельно взятом оперативно-розыскном мероприятии, должно быть акцентировано указанием на то обстоятельство, что оно не только «проводится» уполномоченными субъектами, но и «инициируется» ими. При использовании исключительно слова «проведение» (в отношении оперативно-розыскного мероприятия) несколько нивелируется то обстоятельство, что любая деятельность требует определенного стартового волевого решения. Это может быть решение руководителя или самого непосредственно субъекта проведения оперативно-розыскного мероприятия, но однозначно инициация имеет место. Причем, в контексте ОРД следует отметить значимый параметр соответствующей деятельности, которая в значительном своем объеме имеет именно инициативный характер. В этом ее значительное отличие от процессуальной деятельности, в которой присутствует четкая «стадийность», наличие необходимой комплектации процессуальных документов, действий.

Это не означает, что оперативно-розыскное мероприятие проводится спонтанно и не обуславливается конкретным набором оснований и условий его проведения. Однако комплектация системы оперативно-розыскных мероприятий предполагает наличие элементов избирательности при их реализации (например, проведение оперативного эксперимента ограничивается категориями преступлений). Кроме того, следует отметить значимое обстоятельство, что оперативно-розыскные мероприятия не являются необходимой составляющей деятельности правоохранительных органов в отношении каждого отдельно взятого преступления. Таким образом, фактор инициации действий в рамках конкретного оперативно-розыскного мероприятия, на наш взгляд, можно причислить к определяющим признакам данных мероприятий. Фактически в нем будет иметь место элемент фиксации того, что в рамках конкретного оперативно-розыскного мероприятия соблюдаются не только порядок его проведения (то есть условия), но и порядок его инициации (то есть соблюдение законных оснований).

Из определения понятия оперативно-розыскного мероприятия, разработанного С.И. Захарцевым, можно отметить, что автор мыслит их как часть ОРД, причем, сведения об организации и тактике данных мероприятий составляют государственную тайну. То есть автор акцентирует внимание на том обстоятельстве, что перечень оперативно-розыскных мероприятий основывается на нормативных актах с грифом секретности, что не в полной мере верно. В частности, имеются и другие нормативные правовые акты, которые определяют и содержат порядок проведения оперативно-розыскного мероприятия. К примеру, Федеральный Закон Российской Федерации «О наркотических средствах и психотропных веществах» включает определение мероприятий проверочной закупки и контролируемой поставки (ст. 49) [32]. Полагаем, что С.И. Захарцев ошибочно переносит содержательный компонент деятельности оперативных сотрудников на само определение понятия оперативно-розыскного мероприятия, что является методологически неточным. Кроме того, сам перечень оперативно-розыскных мероприятий устанавливается именно на уровне закона, что непосредственно указано как в российском, так и в казахстанском варианте регламентации.

Перечень оперативно-розыскных мероприятий, основания и условия их проведения должны фиксироваться именно в открытых законодательных актах для того, чтобы граждане (общественность) имели представления об основных контурах законной оперативно-розыскной деятельности. Это отчасти способно обеспечить необходимые нравственные основания ОРД. В этом смысле прав А.Е. Чечетин, который специально указывал, что в отличие от иных оперативно-розыскных действий и мер, оперативно-розыскные мероприятия закреплены в ФЗ РФ «Об ОРД» [149, с. 20] (автор имеет в виду не дефиницию понятия «оперативно-розыскное мероприятие», а именно их перечень, который может изменяться и дополняться только на уровне федерального закона). Так, в частности, авторы, исследующие специфику судебного контроля за осуществлением оперативно-розыскных мероприятий, указывают, что для оценки в каждом конкретном случае должны приниматься «...документы, представленные судье оперативным

работником, содержащие сведения о подписании ходатайства надлежащим должностным лицом и указывающие на наличие: оснований и условий, а также крайней необходимости в проведении мероприятий (равно как и невозможности иным путем получить необходимую информацию)» [263, с. 8]. Соответственно, следует еще раз дополнительно отметить, что не только непосредственно формат проведения оперативно-розыскного мероприятия составляет содержание анализируемого понятия, но и порядок его инициации, которая практически во всех случаях имеет не обязательный, а вынужденный характер ввиду невозможности иным образом получить необходимые фактические данные.

Таким образом, проведенный анализ двух различных определений, представленных авторитетными исследователями в области ОРД, показывает значительно более высокий уровень функциональности определения, предложенного А.Е. Чечетиним, что, очевидно, и предопределило его признание в научном сообществе [81, с. 63; 198, с. 80; 126, с. 19; 142, с. 15].

Мы в рамках данного исследования останавливаемся на проблеме легальной дефиниции оперативно-розыскного мероприятия преимущественно в том ключе, чтобы отразить потенциальное наличие схожих и различных признаков ОРМ в российском и казахстанском законодательстве. В этом особенности любого исследования, которое осуществляется с применением метода компаративистики. Кроме того, несмотря на то, что первоначальная дата принятия как российского, так и казахстанского профильного закона об ОРД относится к середине 90-х годов, за истекший период в них было внесено значительное количество изменений. Как указывает сам А.Е. Чечетин, в ходе проведенного им исследования «было выявлено больше пятидесяти различных определений оперативно-розыскного мероприятия, при этом есть место большого разнообразия и авторских подходов к эмпирическим материалам, что позволяет продолжить научный поиск в исследуемом вопросе» [231, с. 178]. Так, в частности, Т.А. Железняк, обосновывая необходимость включения в легальный оборот собственно понятия «оперативно-розыскное мероприятие» указывает, что их следует определять в качестве «совокупности основанных на использовании оперативно-розыскных сил, средств и методов

объединенных единым тактическим замыслом действий, осуществляемых оперативными подразделениями и отдельными должностными лицами в целях своевременного выявления, предупреждения и раскрытия преступлений, розыска причастных к ним лиц, а также решения иных задач ОРД» [258, с. 6]. При этом автор также считает необходимым четкое выделение критериев, согласно которым те или иные действия могут быть отнесены именно к ОРМ.

В свою очередь, А.Л. Аганесян в качестве авторского определения предлагает и вовсе дефиницию, максимально схожую с проанализированной позицией А.Е. Чечетина. Так, он полагает, что оперативно-розыскные мероприятия «определяются как регламентированные ФЗ об ОРД действия, проводимые уполномоченными на то государственными органами и их должностными лицами в соответствии с требованиями нормативных актов и направленные на непосредственное выявление и использование фактических данных, необходимых для выполнения задач и принятия решений, предусмотренных в ст. 2 и п. 2 ст. 7 ФЗ об ОРД» [249, с. 6].

Объединяющим аспектом большинства теоретических исследований, касающихся как непосредственно анализа оперативно-розыскных мероприятий (или их отдельных видов), так и ОРД в целом, является то обстоятельство, что подавляющее большинство авторов обосновывают целесообразность и необходимость самостоятельной дефиниции понятия «оперативно-розыскное мероприятие». При этом большинство авторов предлагают собственные определения, а в отдельных исследованиях (в особенности, проведенных в сравнительно-правовом аспекте) в большей степени обозначается, собственно, необходимость в наличии обособленного понятия. Так, в частности, А.Д. Парманасов указывает, что «в качестве одного из направлений конкретизации оперативно-розыскного законодательства следует рассматривать необходимость включения в законы «Об оперативно-розыскной деятельности» стран Евразийского экономического союза как родового, так и видовых понятий оперативно-розыскных мероприятий, а процедура их проведения должна оставаться прерогативой субъектов оперативно-розыскной деятельности. Наличие родового

понятия позволит сформулировать его видовое определение в нужном объёме, причём, если какой-либо признак определяемого видового понятия предполагается в дефиниции родового понятия, то он может опускаться в видовом – в целях лаконичности» [267, с. 11].

В целом, рассуждения процитированного автора схожи с ранее приведенными нашими аргументами: понятие необходимо; оно должно быть максимально унифицированным, но одновременно содержательным. Соответственно, мы определились со следующими необходимыми признаками понятия «оперативно-розыскное мероприятие»: 1) указание на четкую нормативную правовую основу; 2) наличие упоминания о «субъектном факторе»; 3) упоминание о сочетании гласных и негласных методов осуществления мероприятия; 4) четкое указание на цель самого мероприятия, соответствующую их поисково-выявительному характеру; 5) согласованность каждого конкретного мероприятия с общими целями и задачами ОРД; 6) *акцент на специфике оперативно-розыскного мероприятия, которая заключается в том, что оно не только проводится, но и иницируется особым образом.*

Продолжая дальнейшие теоретические рассуждения, напомним, что ранее мы привели аргументы относительно того, что в качестве родового признака оперативно-розыскного мероприятия следует избрать понятие «действия» (а не совокупность, систему и т.д.). При этом весьма значимым аспектом является также и уточнение «субъектного фактора», то есть круга лиц, которые имеют право проводить оперативно-розыскные мероприятия. Так, согласно п. 1 ст. 15 ФЗ РФ «Об ОРД» и п. 1 ст. 8 Закона РК «Об ОРД», данные действия имеют право осуществлять органы, осуществляющие ОРД, из чего следует, что оперативно-розыскные мероприятия могут проводить только оперативные подразделения.

Однако в теории мнения по данному вопросу существенно разнятся. К примеру, А.Ю. Шумилов, определяя понятие оперативно-розыскного мероприятия, утверждает, что оно представляет собой сыскной поступок субъекта, непосредственно осуществляющего ОРД (оперативник, агент и др.), предусмотренный Законом «Об ОРД» [154, с. 183]. Здесь отметим, что ранее мы

уже тоже указали на то обстоятельство, что в определении понятия оперативно-розыскного мероприятия предпочтительней не соотносить его цели непосредственно с целями ОРД, а обособлять их непосредственно к поисково-выявительному характеру соответствующей деятельности (которая, далее, может быть конкретизирована при формулировании понятия отдельно взятого ОРМ).

Итак, из выше приведенного определения усматривается, что автор относит к субъектам ОРД, не только специальных субъектов (должностных лиц правоохранительных органов), но также и агентов. Подобное решение нам представляется ошибочным, поскольку агент – это человек, тайно (негласно) добывающий необходимую информацию в интересах подразделений, осуществляющих ОРД [274, с. 159-160]. Полагаем, что в данном случае имеет место некоторое смешение понятий «субъект» и «исполнитель», среди которых только субъект является лицом, ответственным как за факт инициации, так и за факт проведения ОРМ, равно как и за фиксацию его результатов. Соответственно, агенты (конфиденциальные помощники) могут быть отнесены к исполнителям тех или иных действий, составляющих оперативно-розыскные мероприятия, но не оцениваться в качестве их субъектов. В силу чего вполне справедливо, что большинство ученых к субъектам ОРД относят государственные органы и должностных лиц, которые согласно закону, имеют право осуществлять оперативно-розыскную функцию [83, с. 25]. В данном случае указание на функциональный аспект имеет решающее значение, поскольку функция ОРД фактически сопряжена и с функционалом в рамках отдельных ОРМ. Иными словами, поскольку конфиденциальные сотрудники не обладают функционалом ОРД, то их нельзя признать и в качестве субъектов ОРМ. Соответственно, можно вести речь о своеобразных «иных участниках оперативно-розыскных мероприятий» или об «исполнителях ОРМ», как мы указали ранее, причем последний термин нам представляется более удачным, поскольку он в большей степени конкретизирует ту роль, которую выполняют агенты.

По данному вопросу В.М. Аتماжитов и В.Г. Бобров используют словосочетание «осуществляемый определенными субъектами» [165, с. 4], что, в

целом, имеет смысл, поскольку в некоторых случаях при проведении оперативно-розыскных мероприятий могут быть опосредованно привлечены и другие органы ОВД. Однако их также можно отнести только лишь к лицам, участвующим в осуществлении ОРД («иным участникам», «исполнителям»). Полагаем, что следует согласиться с учеными, которые указывают на признак «уполномоченные субъекты» [109, с. 196; 212, с. 9; 147, с. 67]. Независимо от степени (объема) исполнения того или иного оперативно-розыскного мероприятия непосредственно уполномоченным субъектом, «субъектный фактор» остается неизменным, поскольку не уполномоченные на осуществление ОРД лица не обладают всей совокупностью полномочий, которые позволяют им не только осуществлять ОРМ, но и нести ответственность за их результаты.

Далее, значимым отличительным признаком оперативно-розыскного мероприятия является комбинация методов их проведения, которая отражается как *«сочетание гласных и негласных методов и средств»*, описанном в ФЗ РФ «Об ОРД». Что касается Закона РК «Об ОРД», то данный принцип назван в виде более лаконичной формулировки, как *«сочетание гласных и негласных методов»*.

В теории и практике относится к аксиоматичным утверждениям то обстоятельство, что сочетание гласных и негласных методов и средств позволяет повышать эффективность оперативно-розыскной работы [264, с. 61]. В сравнительном аспекте вызывает вопрос тот факт, что казахстанский законодатель ограничивается указанием на «методы» и отказывается от упоминания «средств».

Как правило, под средствами ОРД понимаются объекты, предметы материального мира, при помощи которых достигается (обеспечивается) осуществление оперативно-розыскной функции [139, с. 33]. К ним могут относиться служебно-розыскные собаки, оперативная техника, предметы, документы и др. По нашему мнению, отсутствие термина «средство» в рассматриваемом принципе ОРД в Законе РК «Об ОРД» стало, в том числе, причиной того, что многие средства предусмотрены в качестве самостоятельного оперативно-розыскного мероприятия, что можно отнести к понятийно-

категориальной дисфункции. В частности, применение служебно-розыскных собак, применение технических средств для получения сведений, не затрагивающих охраняемые законом неприкосновенность частной жизни, жилища, личной и семейной тайны, а также тайну личных вкладов и сбережений, переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и др. в казахстанском варианте регламентации фактически причислены к отдельным ОРМ. Учитывая то обстоятельство, что в статично-динамичной оценке ОРД методы и средства имеют различное функциональное значение (методы более статичны, а средства более вариативны), полагаем, что казахстанскому законодателю следует пойти по пути упоминания гласных и негласных «методов и средств», что позволит произвести ревизию имеющейся системы ОРМ (ст. 11 Закона РК «Об ОРД»).

Несмотря на то, что ранее уже был отмечен фактор правильного целеполагания оперативно-розыскных мероприятий, следует остановиться на нем дополнительно еще раз. Анализируя различные авторские определения, можно прийти к выводу, что ученые определяют цель оперативно-розыскного мероприятия по-разному. Одни указывают, что она направлена «на решение определенных законом задач» [118, с. 151], вторые – «на решение конкретных задач ОРД» [159, с. 24], третьи – «на решение задач ОРД» [131, с. 5; 137, с. 144], другие – «на решение стоящих перед ними задач» [130, с. 55]. Как мы уже ранее указали, значительное количество авторских теоретических позиций относительно определения понятия оперативно-розыскного мероприятия базируется на отождествлении целей оперативно-розыскного мероприятия с целями самой ОРД. При этом следует учитывать, что оперативно-розыскные мероприятия могут проводиться для решения как общих, так и частных задач ОРД, причем, решение частных задач по их направленности должно соответствовать достижению целей и решению задач ОРД [111, с. 87].

Как было ранее отмечено, следует согласиться со специалистами, считающими, что оперативно-розыскные мероприятия направлены «на получение и использование оперативно-розыскной и иной информации» [76, с. 4], «на

добывание и реализацию информации» [114, с. 31] и «на выявление фактических данных» [93, с. 195]. В данных примерах оперативно-розыскные мероприятия определены единой сутью – нацеленностью на получение информации для ее последующей реализации [139, с. 247]. Здесь складывается методологически непротиворечивая система: во-первых, сама по себе ОРД в ее основном функциональном аспекте заключается в информационном обеспечении деятельности правоохранительных органов по выявлению, пресечению, раскрытию преступлений; во-вторых, как составная часть ОРД, отдельно взятое оперативно-розыскное мероприятие представляет собой лишь обособленную структурную единицу, в рамках которых применяются те или иные методы и средства получения информации. При этом цели ОРМ, в отличие от целей ОРД, фактически и ограничиваются соответствующими поисково-выявительными действиями уполномоченных субъектов.

Профессор Д.В. Ривман указывает на нормативную регламентацию гласных и негласных действий, реализуемых с использованием специальных методов и пространственно-временными ограничениями [133, с. 81]. Мы не в полной мере согласны с универсальностью данной формулировки, поскольку пространственно-временные ограничения присущи только тем мероприятиям, которые ограничивают права и свободу личности. По мнению ряда ученых, оперативно-розыскные мероприятия проводятся «на основании и в порядке, предусмотренными законами и подзаконными нормативными актами» [142, с. 167], согласно позиции других – они проводятся «с соблюдением детально регламентированных законом оснований и условий» [102, с. 182]. Можно выделить и группу исследователей, полагающих, что проведение оперативно-розыскных мероприятий «основывается на законных и подзаконных актах» [75, с. 118]. Достаточно точно и лаконично нормативную регламентацию оперативно-розыскного мероприятия указывает В.Г. Бобров: «в соответствии с требованиями нормативных правовых актов» [76, с. 4]. В целом, принципиальных, содержательных противоречий в приведенных определениях нет, поскольку

каждое из них служит цели постановки акцента на признаке законности ОРД и каждого отдельно взятого ОРМ.

Как мы уже указали, формально-логические требования при конструировании того или иного понятия заключаются в том, что набор признаков, через которые данное понятие определяется (обособляется от иных понятий) должен отвечать принципам необходимости и достаточности. При этом в частных исследованиях указываются и иные признаки, которые, на наш взгляд, можно охарактеризовать в качестве факультативных. К примеру, в одном из авторских определений отмечено, что оперативно-розыскные мероприятия «осуществляются гласно и негласно с использованием информационных систем, видео- и аудиозаписи, кино- и фотосъемки, а также других технических и иных средств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющих вреда окружающей среде» [185, с. 50]. Фактически авторы данного понятия определили только оперативно-технические мероприятия, которые осуществляются при помощи технических средств, что не позволяет распространить его на ОРМ, осуществляемые без их использования (опрос, наблюдение и т. д.).

В одном из казахстанских учебников по ОРД авторы определили оперативно-розыскные мероприятия как действия органов, осуществляющих ОРД в пределах своей компетенции в целях защиты жизни, здоровья, прав, свобод, законных интересов граждан и собственности от противоправных посягательств и решения задач, предусмотренных Законом [128, с. 93]. В целом, непротиворечивое утверждение, однако защита жизни, здоровья, прав, свобод, законных интересов граждан и собственности от противоправных посягательств находится в корреляции лишь с одной (пусть и доминирующей) задачей ОРД, определенной в п.1 ст.2 Закона РК «Об ОРД», в котором также определены еще 10 задач. Кроме того, как мы ранее указали, целеполагание ОРМ через целеполагание самой ОРД является методологической погрешностью.

При исследовании было выявлено, что некоторые ученые под оперативно-розыскным мероприятием понимают: во-первых, действия субъектов ОРД в пределах своей компетенции, направленные на решение стоящих перед ними задач;

во-вторых, систему приемов получения и реализации оперативно значимой информации и приемы организационно-тактического действия; в-третьих, действия субъектов ОРД и их структурных подразделений, основанные на использовании оперативно-розыскных сил, средств, методов и приемов, проводимых специально уполномоченными на это должностными лицами [88, с. 73].

Фактически процитированные авторы указали три различных структурных элемента в определении понятия оперативно-розыскного мероприятия. При этом чрезмерная детализация далеко не всегда приводит к ожидаемому результату, либо, напротив, препятствует выработке универсального понятия. Так, авторы указывают на «стоящие перед ними задачи», подразумевая задачи, предусмотренные Законом РК «Об ОРД» для субъектов ОРД. Поскольку осуществление оперативно-розыскных мероприятий, в силу своей конспиративности, сопряжено с потенциальной опасностью необоснованного ограничения конституционных прав личности, мы считаем, что органы, осуществляющие ОРД, должны ставить перед собой собственную задачу, но при этом они обязаны выполнять задачи Закона РК «Об ОРД», касающиеся непосредственно самой деятельности. Причем, исходя из предложенного определения, авторы считают, что структурные подразделения как бы обособляются от общего понятия «субъекты», что, на наш взгляд, является неточным. Кроме того, под силами ОРД традиционно понимаются сотрудники оперативных служб, штатные негласные сотрудники, внештатные сотрудники, сотрудники других служб, привлекаемые к осуществлению некоторых оперативно-розыскных мероприятий.

Как указывается в специальных исследованиях, «для раскрытия содержания понятия нужно указать его существенные признаки. Определением понятия называется также результат указанного действия» [80, с. 34]. Несмотря на приведенный дополнительный теоретический блок исследования, мы, по итогу, не обнаруживаем дополнительных существенных признаков понятия «оперативно-розыскное мероприятия» к тем, которые ранее нами уже были выделены.

Таким образом, в оперативно-розыскном законе Российской Федерации оперативно-розыскное мероприятие можно определить, как закрепленные в ФЗ РФ «Об ОРД» действия, иницируемые и проводимые уполномоченными на то субъектами, в соответствии с требованиями нормативных правовых актов, основанные на применении гласных и негласных методов и средств и направленные на получение и реализацию информации, необходимой для достижения целей и задач ОРД.

В целом, исходя из того, что при конструировании понятия нами были соблюдена общая методология, было бы закономерно предположить обоснованность данного определения и для казахстанского варианта профильного закона об ОРД. Однако в связи с тем, что в 2014 году был разработан и принят новый Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – УПК РК), который внедрил институт «негласных следственных действий», некоторые указанные нами признаки оперативно-розыскного мероприятия фактически совпадают с признаками негласных следственных действий (далее – НСД) (Приложение № 2). Институт НСД изначально был воспринят как достаточно спорный и неоднозначный, поскольку во многом устранял ранее четко существовавший «водораздел» между оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельностью. Дискуссионность вопроса сохраняется и до настоящего времени [119, с. 5], причем, 45 % опрошенных оперативных сотрудников МВД Республики Казахстан не усматривают четкую разницу между проведением оперативно-розыскных мероприятий и проведением аналогичных им НСД (Приложение № 3), что представляется достаточно серьезной проблемой ввиду различного правового характера соответствующих видов деятельности.

Внедрение института НСД не явилось исключительным новаторским решением казахстанского законодателя, поскольку в некоторых странах-участницах СНГ также введены новые уголовно-процессуальные законы, которые имеют аналогичный институт. К примеру, в 2012 году в Украине был принят УПК, где также произошла фиксация понятия «негласные (розыскные) следственные действия» [9]. В 2019 году был введен новый УПК Республики Кыргызстан, где

соответствующие мероприятия именуются как «специальные следственные действия» [10]. УПК РК предусматривает определение НСД, которое выглядит следующим образом: «действие, проводимое в ходе досудебного производства без предварительного информирования лиц, интересов которых оно касается, в порядке и случаях, предусмотренных настоящим Кодексом» [8]. При этом следует привести значимое уточнение относительно того, что НСД в силу его правового статуса (фиксации в УПК) является уже разновидностью следственных действий [171, с. 42], что не в полной мере точно отражено в УПК РК, но следует из анализа содержания УПК Украины и УПК Республики Кыргызстан.

Таким образом, исходя из легального определения понятия НСД, они, во-первых, проводятся только в ходе досудебного производства; во-вторых, осуществляются на конфиденциальной основе, негласно для заинтересованных лиц; в-третьих, имеют уголовно-процессуальный статус, поскольку закреплены в УПК РК. Одним из заметных схожих признаков НСД и оперативно-розыскного мероприятия является общий родовый признак «действие», которое означает поступок и поведение [125, с. 138]. В юридической терминологии под действиями понимаются юридические факты, зависящие от воли людей, поскольку совершаются ими [77, с. 152]. В свою очередь, юридический факт представляет собой предусмотренные в законе обстоятельства, при которых возникают (изменяются, прекращаются) конкретные правоотношения [77, с. 831]. Закрепление «действия» в качестве родового признака вполне обосновано и верно, поскольку поступки (действия) составляют основу как в уголовном процессе, так и в ОРД. Как мы ранее уже указали, несмотря на то что в структуру деятельности (как оперативно-розыскной, так и уголовно-процессуальной) могут входить и пассивные поведенческие акты (воздержание от того или иного поведения), тем не менее, использование понятия «действия» является обоснованным, так как отражает явно выраженное активное, инициативное начало как ОРД, так и уголовно-процессуальной деятельности.

Фактически следует признать, что НСД и оперативно-розыскное мероприятие имеют тождественные цели. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 232 УПК

РК, НСД проводятся в целях получения сведения о фактах для выяснения обстоятельств, которые подлежат доказыванию по уголовному делу, не информируя вовлеченных в уголовный процесс лиц, интересы которых они затрагивают. Соответственно, действия, совершаемые уполномоченными субъектами в рамках НСД, как и в контексте оперативно-розыскного мероприятия, носят поисково-выявительный характер. Некоторые исследователи основной целью проведения НСД указывают «установление объективной истины по конкретному уголовному делу» [166, с. 48] и «собираение доказательств» [208, с. 5]. Тут стоит обратить внимание на ключевые слова «установление» и «собираение», которые в толковом словаре означают «выяснить, обнаружить» [125, с. 672] и «добывать, приобретать» [125, с. 593], что, по сути, имеет смежное значение с поиском информации. Соответственно, именно информационное обеспечение деятельности, связанной с фактом выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступления, относится к сущностно-содержательному и функциональному компоненту как НСД, так и ОРМ. Значимость информационного сопровождения деятельности правоохранительных органов трудно переоценить, поскольку информация «позволяет установить объективную реальность о преступлении, как о событии в прошлом, так и в настоящем» [238, с. 254]. Именно по этой причине, собственно, и устанавливается презумпция относительно допустимости определенного конфликта частных и публичных интересов, который неизбежен при проведении мероприятий подобного характера. В качестве дополнительного схожего признака оперативно-розыскного мероприятия и НСД можно указать их практически идентичный познавательный потенциал и похожее функциональное осуществление [215, с. 10]. В указанных действиях речь идет о непосредственном восприятии информации субъектом и одновременной фиксации информации.

При наличии значительного комплекта схожих признаков ОРМ и НСД, следует отметить, что параметры отличия представляются также весьма существенными. В частности, одним из первых отличительных признаков НСД является их законодательная закреплённость в УПК РК и подзаконных

нормативных актах [50], а оперативно-розыскные мероприятия, в свою очередь, фиксируются в Законе РК «Об ОРД» и нормативных правовых актах, доступ к которым ограничен. Безусловно, данные отличия свидетельствуют о принципиально различной природе ОРМ и НСД, которая заключается в следующем: во-первых, имеют место разные инициаторы проведения НСД и оперативно-розыскных мероприятий; во-вторых, НСД и оперативно-розыскные мероприятия, затрагивающие конституционные права личности, санкционируют разные участники уголовного процесса; в-третьих, НСД и оперативно-розыскные мероприятия проводятся по разным степеням тяжести преступления и т.д.

Второе значимое различие заключается в том, что в законодательном определении НСД в ч. 1 ст. 232 УПК РК предусмотрено, что НСД проводятся в ходе досудебного производства, то есть уже в рамках уголовного дела. В свою очередь, проведение оперативно-розыскных мероприятий далеко не ограничено только уголовным делом, поскольку они имеют в качестве необходимого и достаточного основания реализаций, в том числе и ситуации, когда наличествует какой-либо оперативный интерес к объекту, по причине чего они могут проводиться и при предварительной информации от источников.

Следующим (третьим) отличием являются свойства субъекта, осуществляющего НСД или оперативно-розыскные мероприятия. Так, за исключением негласного контроля почтовых и иных отправлений (мотивированное постановление санкционируется следственным судьей и, далее, самостоятельно направляется следователями или дознавателями в почтовые учреждения или лицам, оказывающим услуги по доставке отправлений, для исполнения) [8], НСД, в соответствии с частью 2 ст. 232 УПК РК, производится по поручению органа досудебного расследования соответствующим подразделением правоохранительного или специального государственного органа. В свою очередь, согласно п. 1 ст. 8 Закона РК «Об ОРД», органы, осуществляющие ОРД, могут проводить оперативно-розыскные мероприятия и наряду с этим, по поручению следователя или дознавателя, осуществлять НСД. Кроме того, согласно п. 2 ч. 2 ст.

12 Закона РК «О прокуратуре», прокурор также может инициировать проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Таким образом, проанализированный нормативный материал свидетельствует о том, что при проведении оперативно-розыскных мероприятий инициаторами могут быть как органы, осуществляющие ОРД, так и прокурор, тогда как при проведении НСД инициаторами являются только следователи и дознаватели. С точки зрения исследования понятийно-категориальной принадлежности понятий НСД и ОРМ, полагаем, что именно «субъектный фактор» является решающим, поскольку все остальные отличительные характеристики преимущественно относятся к специфике правовой природы результатов соответствующей деятельности. В качестве дополнительного подтверждения данного обстоятельства можно отметить четвертый отличительный признак НСД, который заключается в том, что действия, ограничивающие конституционные права личности, санкционирует следственный судья, тогда как действия ограничивающие права человека в результате оперативно-розыскных мероприятий, санкционирует прокурор (в данном аспекте значение «субъектного фактора» дополнительно усиливается).

Необходимо отметить, что согласно ч. 2 ст. 234 УПК РК, п. 1 ч. 2 ст. 12 Закона РК «О прокуратуре» [34] и ч. 8 § 2 совместного приказа о правилах проведения НСД [50], при наличии сомнений в достоверности предоставленной в ходе санкционирования НСД информации, следственный судья санкционирует постановление, при этом в течение двадцати четырех часов инициирует проверку прокурором его законности. Соответственно, при наличии сомнений в целесообразности и допустимости проведения НСД необходимо получить, в первую очередь, ходатайство прокурора, затем – решение следственного судьи, и лишь потом допустимо осуществление НСД.

Несмотря на то обстоятельство, что НСД исследуются нами исключительно в смежном аспекте (то есть в связи с необходимостью точного определения понятия оперативно-розыскного мероприятия), следует отметить, что приведенная иерархическая система «субъектного фактора» является, на наш взгляд,

чрезмерной и существенно затрудняет проведение НСД. Учитывая то обстоятельство, что следственный судья в казахстанском уголовном процессе – это судья суда первой инстанции, в полномочия которого входит осуществление судебного контроля за соблюдением прав, свобод и законных интересов лиц в досудебном уголовном процессе [110, с. 98], полагаем, что при сомнении в достоверности информации было бы верным признать за ним возможность самостоятельного принятия решения.

Высокой степенью объективизации обладает пятый отличительный признак НСД и оперативно-розыскного мероприятия, который основан на категоризации преступлений, по которым могут осуществляться соответствующие действия. Так оперативно-розыскные мероприятия проводятся по преступлениям средней тяжести, тяжким и особо тяжким преступлениям; согласно ч. 4 статьи 232 УПК РК, проведение НСД допускается по делам о преступлениях, санкция за совершение которых предусматривает наказание в виде лишения свободы от одного года и выше, то есть фактически по всем категориям преступлений при условии, что санкция предусматривает данный вид наказания.

Примечательно, что именно вопрос категориальной принадлежности преступлений, по которым допустимо проведение НСД, на стадии обсуждения проекта УПК стал одним из наиболее дискуссионных. Так, в частности, указывалось, что «более оптимальным, исходя из принципа пропорциональности вмешательства в личную жизнь человека, было бы внедрить путем законодательных изменений в УПК РК принцип, согласно которому такое вмешательство допустимо лишь при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений» [279]. Данное утверждение, в целом, является обоснованным, как минимум по ранее указанной нами причине конфликта частных и публичных интересов. Объективный характер общественной опасности преступления, фиксируемый в санкции соответствующей нормы и отражаемый в категории преступления, является своего рода индикатором того, насколько подобный конфликт частных и публичных интересов можно признать допустимым. При этом следует признать, что критерий «раскрываемости преступлений», который

неизбежно следует из решения казахстанского законодателя по приданию уголовно-процессуального статуса НСД, уже на протяжении значительного периода времени ставится под сомнение как теоретиками, так и практиками. В данном ключе можно также отметить, что принятие нового УПК РК, который закрепил на законодательном уровне институт НСД, повлекло за собой исключение из перечня задач ОРД «раскрытие преступлений» [40].

Таким образом, абстрагируясь от дискуссионности института НСД, можно признать, что казахстанский законодатель достаточно четко разграничил НСД и оперативно-розыскные мероприятия, чем фактически частично изменил и непосредственно правовую природу оперативно-розыскных мероприятий. В действующем варианте нормативной регламентации оперативно-розыскные мероприятия фактически предопределяются как сбор информации о преступлениях, которые носят скрытый характер (задача – «выявление»), а уже после подтверждения информации о преступлении, в рамках досудебного производства осуществляются НСД, которые предопределяются как действия по уже известному (зарегистрированному) преступлению (задача – «раскрытие»). При этом в декабре 2017 года в ч. 1 ст. 121 УПК РК было внесено дополнение следующего характера: «Доказывание производится только по уголовным правонарушениям, по которым начато досудебное расследование в порядке, предусмотренном главой 23 настоящего Кодекса». Из приведенной нормативной конструкции следует, что на этапе предупреждения или выявления правонарушения, когда речь о регистрации в Единый реестр досудебного расследования еще не стоит [51], оперативно-розыскные мероприятия не могут использоваться в качестве доказательств.

Это обстоятельство, в целом, добавило необходимой ясности относительно того, что имеет место достаточно четкое процедурно-временное разграничение в контексте проведения оперативно-розыскных мероприятий и НСД. Безусловно, появление НСД как самостоятельного института во многом и предопределялось тем, что в казахстанской практике было принято принципиальное решение об отказе от традиционного понимания стадии возбуждения уголовного дела, которая

сопровождается обязательной предварительной проверкой сообщения о преступлении. Именно по этой причине (существенной оптимизации временного фактора от момента регистрации преступления к моменту начала досудебного производства) возникли риски относительно того, что значительная часть традиционно применяемых ОРМ могут быть не проведены до стадии начала досудебного производства. Как указывается в Нормативном постановлении Верховного Суда РК от 11 декабря 2020 года № 5 «О санкционировании негласных следственных действий», «негласные следственные действия проводятся по зарегистрированным в Едином реестре досудебных расследований заявлениям, сообщениям или рапортам об уголовных правонарушениях при наличии одного из оснований, предусмотренных частью четвертой статьи 232 УПК, в рамках досудебного производства. До начала досудебного производства проведение негласных следственных действий недопустимо. В этих случаях задачи уголовного процесса могут обеспечиваться путем проведения оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных Законом об ОРД» [54].

Таким образом, дефиниция понятия оперативно-розыскного мероприятия в казахстанском профильном законе об ОРД будет неизбежно отличаться от соответствующей формулировки в российском варианте соответствующего закона. Причем, наиболее значимым отличительным признаком в рамках формулировки будет акцент на «субъектном факторе», а также на факторе инициации соответствующего оперативно-розыскного мероприятия. Проведенный анализ, таким образом, дополнительно подтвердил то обстоятельство, что фактор инициации (а не только проведения) оперативно-розыскного мероприятия имеет значение существенного признака, который должен быть отражен непосредственно в определении данного понятия. Соответственно, в отличие от ранее сформулированного определения, которое надлежащим образом верифицируется в рамках российской модели законодательного регулирования, в казахстанском профильном законе об ОРД будет более верным следующее определение: *оперативно-розыскное мероприятие – это закрепленные в Законе РК «Об ОРД» действия, иницируемые и проводимые уполномоченными на то субъектами, в*

соответствии с требованиями нормативных правовых актов, основанные на применении гласных и негласных методов и средств и направленные на получение и реализацию информации, необходимой для достижения целей и задач ОРД, не подпадающие под признаки негласных следственных действий.

Несмотря на то обстоятельство, что «субъектный фактор», как мы уже ранее указали, имеет превалирующее значение в контексте инициации, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий и НСД, мы полагаем, что наиболее удачным вариантом формулировки будет именно сочетание позитивных (присутствующих) и негативных (отсутствующих) признаков понятия. Здесь следует учитывать, что в НСД и ОРМ есть значительные функционально-содержательные пересечения в структуре специальных оперативно-розыскных мероприятий (поскольку только они по содержательному компоненту схожи с НСД). То есть в рамках ОРД могут осуществляться как общие, так и специальные оперативно-розыскные мероприятия, а негласные следственные действия по своему содержательному наполнению пересекаются только со специальными ОРМ. Несмотря на то, что непосредственная оценка НСД в рамках настоящего исследования не является самостоятельным предметом (т.к. они интересуют нас исключительно в сопоставительном аспекте), полагаем уместным предложение относительно необходимости корреспондирующей дефиниции НСД в рамках уголовно-процессуального законодательства (в частности, с акцентом на осуществление их исключительно в рамках досудебного производства).

В заключении теоретического исследования в рамках данного параграфа остановимся также на термине «оперативно-розыскные методы», который обладает достаточно высокой функциональностью в рамках научно-теоретических исследований. Обособленная оценка данного понятия необходима для того, чтобы исключить методологически неверное отождествление с оперативно-розыскными мероприятиями. Как правило, к традиционным методам ОРД относят разведывательный опрос, оперативное распознавание, оперативную установку, оперативную комбинацию, личный сыск, оперативное наблюдение, оперативный осмотр, агентурный метод и др. [164, с. 26]. Однако, с принятием Закона РФ «Об

ОРД» в 1992 г., некоторые из названных методов были преобразованы в оперативно-розыскные мероприятия. К примеру, разведывательный опрос именуется как «опрос», оперативное наблюдение как «наблюдение», оперативный осмотр как «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств».

Иными словами, с принятием ФЗ РФ «Об ОРД» и Закона РК «Об ОРД», законодатели обоих государств стали строго ограничивать перечень оперативно-розыскных мероприятий, поскольку в обоих национальных моделях нормативной регламентации предполагается, что соответствующий перечень является исчерпывающим. В этом смысле возникают риски того, что фактически приостанавливается развитие практического применения новых приемов и форм оперативного проникновения в криминальную среду, поскольку использование любого нового метода сбора информации требует соотнесения с указанными в законе оперативно-розыскными мероприятиями.

При этом необходимо отметить, что законодательного отказа от использования понятия «метод» в российском и казахстанском профильном законе не произошло, несмотря на то что соответствующее упоминание весьма ограничено по своему объему (так, в частности, в оперативно-розыском законе РФ данное упоминание осуществлено дважды). Что касается Закона РК «Об ОРД», то он также упоминает термин «методы». Так, в первом случае, в ст. 3 Закона РК «Об ОРД» в качестве одного из принципов ОРД называется сочетание гласных и негласных методов; во втором случае, в ст. 24 руководители ОРД обеспечивают контроль за соблюдением законности, организацией, тактикой, методами и средствами [14]. Необходимо также отметить, что модельный закон «Об ОРД», равно как и оперативно-розыскные законы стран-участниц СНГ, аналогично, содержат понятие «методы». Несмотря на то, что на уровне профессионального правосознания и профессиональной интуиции размежевание понятий «оперативно-розыскное мероприятие» и «оперативно-розыскные методы», в целом, не должно вызывать сложностей, тем не менее, требуется некоторое уточнение, что отвечает методологии формирования и использования терминов и понятий.

В науке обнаруживаются различные текстуальные варианты определения понятия «оперативно-розыскные методы». Так, отдельные авторы указывают, что к методам следует относить «приемы наиболее целесообразных действий при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий теоретически обоснованные, апробированные практикой. Наряду с программным обеспечением ОРД, они являются основным компонентом оперативно-розыскной тактики» [133, с. 170]. Другие исследователи оценивают их как «способы непосредственного или опосредованного получения оперативно-значимой информации» [156, с. 85]. Имеются также оценки методов в качестве «совокупности применяемых в оперативно-розыскной практике тактических способов и приемов решения задач, стоящих перед органами, уполномоченными осуществлять ОРД» [87, с. 5].

Необходимо отметить, что, в первую очередь, методы ОРД формируют тот или иной уровень познавательного потенциала, необходимого для надлежащего осуществления оперативно-розыскных мероприятий и достижения искомого результата. Соответственно, сущность любого специального метода познания в ОРД составляют различные частные методы познания или их комбинации. При этом следует иметь в виду, что один метод ОРД от другого отличает, прежде всего, неповторимая совокупность познавательных операций, которая составляет внутреннюю структуру каждого из них [146, с. 32]. ОРД, как деятельность, направленная на познание неизвестных фактов, помимо специальных методов познания, конечно же, использует и общие методы познания физических и социальных закономерностей и процессов.

Таким образом, при соотнесении методов ОРД с оперативно-розыскными мероприятиями, можно обнаружить их значительное сходство с позиции познавательного критерия, по причине чего происходит своего рода конвергенция формы и метода. Так, к примеру, при наведении справок может использоваться разведывательный опрос и оперативная установка. А.В. Волынский считает, что методы ОРД применяются в комплексе с субъектами этой деятельности при осуществлении соответствующих мероприятий. Кроме того, он приходит к выводу, что методы составляют важнейший элемент мероприятия [146, с. 34]. Отсюда

следует, что автор рассматривает методы в качестве составного элемента оперативно-розыскных мероприятий, что, по нашему мнению, непротиворечиво. Полагаем, что именно методы относятся к той нравственно-моральной стороне ОРД и отдельно взятых оперативно-розыскных мероприятий, о которой мы уже неоднократно упоминали в рамках данного параграфа. В процессе проведенного нами опроса оперативных сотрудников о соотношении понятия «оперативно-розыскные мероприятия» и «методы ОРД», было выявлено следующее: в 45 % случаях респонденты, основываясь на своем практическом опыте, посчитали, что методы ОРД являются частью оперативно-розыскных мероприятий; 19,5 % из них полагают, что методы ОРД не входят в законодательный перечень оперативно-розыскных мероприятий; 15,5 % считают, что оперативно-розыскные мероприятия являются частью методов; 15 % выразили мнение, что эти два понятия тождественны и 5 % затруднились ответить (Приложение № 3). Соответственно, превалирующим явился ответ относительно того, что методы являются частью оперативно-розыскных мероприятий, что, очевидно, следует оценивать как более верную трактовку соотношения данных понятий.

В.М. Атмажитов предложил, помимо традиционных методов ОРД, использовать понятие «нетрадиционные методы ОРД», к которым он относит ведение переговоров с преступниками, гипноз и экстраординарные психофизиологические возможности человека, разработку и использование психологического портрета предполагаемого преступника и другие [163, с. 126]. В целом, нетрадиционные методы ОРД имеют право на существование, тем не менее, большинство перечисленных методов могут относиться не только к ОРД, но и к другой деятельности. К примеру, ведение переговоров с преступниками можно отнести и к методу, применяемому правоохранительными органами, использование психологического портрета предполагаемого преступника можно рассматривать в качестве приема криминалистики. Таким образом, полагаем, что методы ОРД – это не законодательно фиксируемое множество тех или иных приемов и способов осуществления ОРД, а обоснованный с научной, научно-технической, психологической и иных позиций необходимый объем доступных

способов познавательной деятельности, основным критерием применимости которых должен выступать нравственный критерий. Иными словами, именно через совокупность применяемых методов при осуществлении ОРМ можно прийти к констатации того, соответствует ли уровень реализации конкретного ОРМ этическим стандартам оперативно-розыскной деятельности.

Таким образом, подводя итог теоретическому анализу, проведенному в рамках настоящего параграфа, можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, учитывая то обстоятельство, что фактически ОРД представлена в виде суммирования всего комплекса оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных законодательством, содержание каждого отдельно взятого мероприятия должно иметь четко очерченные законом «границы» допустимого вмешательства в частную жизнь граждан, которые позволят снизить конфликтогенность оперативно-розыскной деятельности. Решению данной задачи в максимальной степени может способствовать наличие легальных дефиниций в тексте профильного законодательства «Об ОРД».

Во-вторых, специфика ОРД, равно как и составляющих ее оперативно-розыскных мероприятий, заключается в наличии выраженного конфликта публичных и частных интересов, что является допустимым в связи с необходимостью решения задач противодействия преступности. Аксиологический аспект оперативно-розыскной деятельности до настоящего времени слабо отражен в нормах профильного законодательства, по причине чего обоснованным выглядит предложение о разработке обособленного этического стандарта в отношении сотрудников оперативных подразделений, в котором содержались бы нравственно-ценностные ориентиры в отношении каждого отдельно взятого ОРМ (равно как в отношении всего построения ОРД).

В-третьих, в ходе теоретического анализа наиболее предпочтительного варианта законодательного оформления понятия «оперативно-розыскное мероприятие», мы пришли к выводу, что в нем должны содержаться следующие необходимые признаки»: 1) указание на четкую нормативно-правовую основу; 2) наличие упоминания о «субъектном факторе»; 3) упоминание о сочетании

гласных и негласных методах осуществления мероприятия; 4) четкое указание на цель самого мероприятия, соответствующую их поисково-выявительному характеру; 5) согласованность каждого конкретного мероприятия с общими целями и задачами ОРД; 6) *акцент на специфике оперативно-розыскного мероприятия, которая заключается в том, что оно не только проводится, но и иницируется особым образом. Указание на иницирование мероприятия способно отразить значимую специфику ОРД, которая должна иметь наступательный характер, чем и отличается от иных видов правоохранительной деятельности.*

В-четвертых, учитывая различное «правовое поле», функционирующее в Российской Федерации и Республике Казахстан, отсутствует возможность для унифицированного определения понятия «оперативно-розыскное мероприятие» в тексте соответствующих профильных законов. Так, в оперативно-розыском законе Российской Федерации оперативно-розыскное мероприятие можно определить, *как закрепленные в ФЗ РФ «Об ОРД» действия, иницируемые и проводимые уполномоченными на то субъектами, в соответствии с требованиями нормативных правовых актов, основанные на применении гласных и негласных методов и средств и направленные на получение и реализацию информации, необходимой для достижения целей и задач ОРД.*

Учитывая то обстоятельство, что в Республике Казахстан оформлен институт негласных следственных действий, формулировка соответствующей дефиниции в тексте Закона РК «Об ОРД» предпочтительней посредством использования «негативного признака»: *закрепленные в Законе РК «Об ОРД» действия, иницируемые и проводимые уполномоченными на то субъектами, в соответствии с требованиями нормативных правовых актов, основанные на применении гласных и негласных методов и средств и направленные на получение и реализацию информации, необходимой для достижения целей и задач ОРД, не подпадающие под признаки негласных следственных действий.*

В-пятых, в качестве недостатка законодательной регламентации ОРД в России и Казахстане является отсутствие четкого разграничения между понятием «оперативно-розыскное мероприятие» и «методы ОРД» (средства, приемы), что, в

качестве примера законодательной казуистики приводит к тому, что в Законе РК «Об ОРД» ряд методов причисляется к самостоятельным ОРМ (применение служебно-розыскных собак; применение модели поведения, имитирующей преступную деятельность; установление гласных и негласных отношений с гражданами, использование их в оперативно-розыскной деятельности и др.).

§ 2. Подходы к формированию системы оперативно-розыскных мероприятий в законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан

Достоверность исследования любого явления (как физического, так и социального) требует четкого определения методологического инструментария, посредством которого можно осуществить необходимый анализ и иные методы познания. Системный подход как метод научных исследований является одним из наиболее употребимых в различных видах научного знания, причем, он относится к универсальным методам познания, поскольку позволяет производить не только конкретно-предметный, но структурно-функциональный анализ того или иного явления или процесса (то есть во взаимодействии с иными структурными элементами, а также в плане обратного взаимовлияния структурных элементов и системы). При этом само понятие «система» заимствовано из естественных наук и означает, в самом общем виде, множественность элементов, «находящихся в интеракции друг с другом и образующих определённое целостное явление» [250, с. 59]. Структурирование системы оперативно-розыскных мероприятий по степени научной разработанности ее проблем позволяет более объективно оценивать состояние ее предмета и стимулирует ускоренную теоретическую разработку, внедрение в практику ОРД [134, с. 48].

Система оперативно-розыскных мероприятий – это, с одной стороны, результат законодательной фиксации того перечня мероприятий, осуществляемых для достижения целей ОРД, которые законодатель счел допустимыми и необходимыми (в том числе, с учетом динамики развития общественных отношений, уровня научно-технического знания и технического обеспечения и

т.д.). С другой стороны, это не простая фиксация, а именно комбинация различных мероприятий, каждое из которых обладает более или менее выраженной оптимальностью при решении тех или иных задач. Причем, комбинация оперативно-розыскных мероприятий в рамках соответствующей законодательно закрепленной системы не преследует цели их унификации, поскольку специфика и ценность системы ОРМ заключается именно в том, чтобы они имели максимально возможный спектр возможностей для получения и использования фактических данных, необходимых для достижения целей ОРД. Одни мероприятия могут иметь тотальное распространение и применяться в значительном числе случаев (например, опрос, наведение справок); другие имеют более ограниченную адресацию (например, проверочная закупка, прослушивание телефонных переговоров).

Стройная система ОРМ может иметь место только в том случае, когда непосредственно само понятие оперативно-розыскного мероприятия имеет более или менее четкие контуры (данную задачу мы попытались решить в рамках предыдущего параграфа исследования). Система всегда есть отражение частного, то есть отдельно взятое конкретное оперативно-розыскное мероприятие неизбежно влияет на свойство системы; в свою очередь сформированная система оказывает обратное воздействие на отдельные ОРМ, в том числе, и в случае, если в законодательство будет включено новое оперативно-розыскное мероприятие. Например, в науке имеет место утверждение, что «ОРД ОВД имеет административно-правовую природу и представляет собой вид административной деятельности ОВД, осуществляемый в особых условиях...Оперативно-розыскные мероприятия, базирующиеся на методах ОРД ОВД, имеют административно-правовое происхождение» [252, с. 6]. Данное определение мы приводим исключительно с той целью, чтобы подтвердить, что от избранной методологии оценки базовых понятий (в том числе и правовой природы ОРД, а также составляющих ее элементов) во многом будет зависеть и оценка внутренних составляющих, к которым относится и система ОРМ. Здесь следует отметить, что как профильные законы об ОРД как России, так и Казахстана не оперируют

понятием «система оперативно-розыскных мероприятий», что позволяет нам оценивать ее (с точки зрения критериев формирования, принципов соотношения структурных элементов и т.д.) исключительно в теоретическом аспекте.

В целом, систему оперативно-розыскных мероприятий, применительно как к российскому, так и к казахстанскому варианту регламентации ОРД можно оценить как статичную в рамках отдельно взятого периода времени совокупность разноплановых и различных по конкретным целям мероприятий, посредством которых законодателем презюмируется возможность достижения целей ОРД. В этом смысле формирование так называемого «закрытого перечня» нередко вызывает дискуссию в науке, поскольку любая система закрытого типа в отдельно взятый промежуток времени изживает себя либо вовсе утрачивает свою жизнеспособность под воздействием более динамичных систем. В частности, Н.С. Шевелев в своем диссертационном исследовании указывает на необходимость изменения подхода к построению системы оперативно-розыскных мероприятий за счет, во-первых, формулирования легального определения каждого ОРМ, а, во-вторых, за счет отказа от «закрытого перечня» оперативно-розыскных мероприятий в тексте федерального закона [275, с. 10]. Здесь следует отметить, что, в отличие от российской модели законодательной регламентации ОРД, в казахстанском варианте к настоящему времени в перечень основных понятий (ст. 1 Закона РК «Об ОРД») включен дефинитивный ряд по определению каждого оперативно-розыскного мероприятия, упомянутого в законе. В этом смысле примечательно, что российские авторы уже неоднократно указывали на необходимость устранения данного элемента анонимизации содержания оперативно-розыскных мероприятий, которые только называются (перечисляются), но не определяются в тексте федерального закона.

Так, в частности, В.К. Зникин еще в 1998 году указывал, что «для исключения возможности нарушения прав человека и гражданина и повышения результативности и качества работы правоохранительных органов по борьбе с преступностью, все категории и термины оперативно-розыскной деятельности должны получить подробные и строго выверенные законодательные определения

и понятия» [261, с. 8]. Данное утверждение было дополнительно им аргументировано и сформулировано в выводах уже докторской диссертации, причем, необходимость определения конкретных ОРМ была выделена отдельно [262, с. 11]. Полагаем, что это особенно значимо в рамках конкретизации содержания оперативно-розыскных мероприятий. Во-первых, как мы уже указали, это необходимо для преодоления законодательной анонимизации содержания действий, которые включены в соответствующее ОРМ (как минимум, это необходимо в целях защиты прав и интересов граждан, которые должны иметь представление о сущности оперативно-розыскного мероприятия хотя бы в общих чертах). Причем, включение дефиниции вовсе не является риском для секретности непосредственного содержания ОРД, поскольку секретность преимущественно относится к содержанию, а не к форме. Во-вторых, наличие четких дефиниций позволит уже в рамках системы ОРМ проводить необходимые сопоставления, выявлять отличительные и схожие признаки в отдельных оперативно-розыскных мероприятиях.

Авторы специальных исследований нередко отмечают несовершенство существующей системы ОРМ, что приводит к нежелательным последствиям, в том числе и имеющим риски нарушений прав и законных интересов граждан. Так, в частности, В.М. Аتماжитов, В.Г. Бобров полагают, что содержание ОРД хотя и сконцентрировано на осуществлении ОРМ, но не исчерпывается ими, поскольку «наряду с ними органы дознания для решения задач по борьбе с преступностью проводят также другие действия, не включенные в перечень оперативно-розыскных мероприятий (облава, засада и др.)» [70, с. 24]. В свою очередь, С.И. Захарцев указывает, что «описать деятельность оперативного сотрудника на месте преступления исключительно оперативно-розыскными мероприятиями невозможно» [101, с. 192]. Аналогично, А.Ю. Введенский, давая оценку достаточности существующей системы оперативно-розыскных мероприятий (на примере обнаружения преступлений в сфере экономической деятельности) приходит к выводу, что непосредственно сама ОРД должна быть определена через совокупность оперативно-розыскных мероприятий и иных действий [179, с. 142].

По мнению Е.В. Кузнецова, «несовершенство законодательной регламентации содержания и специфики отдельных видов ОРМ является причиной необоснованного расширения сферы их применения, а также вынужденной трансформации их в следственные и другие действия, что отрицательно сказывается на реальном обеспечении защиты прав и свобод граждан, а также тормозит процесс формирования оперативно-розыскного права в качестве самостоятельной отрасли» [265, с. 12]. С одной стороны, автор указывает на несовершенство отдельных ОРМ, однако в данном случае следует исходить из того, что при качественном и достаточном формировании системы оперативно-розыскных мероприятий недостаток одного из них может, как минимум, частично, компенсироваться за счет иных ОРМ. Согласно позиции Т.Т. Махмутова, «перечень оперативно-розыскных мероприятий практически не отвечает требованию предупреждения и пресечения преступлений, в связи с чем оперативные работники, выполняя свой служебный и гражданский долг, принимают меры и проводят действия, не предусмотренные законодательством. В свою очередь, это влечет формальные нарушения прав граждан и приводит к общей негативной оценке деятельности всей правоохранительной системы» [266, с. 8-9].

В подтверждение проблемности такого аспекта, как нормативное закрепление понятий, оформляющих ОРД, приведем также выводы автора исторического исследования оперативно-розыскной деятельности в России С.Н. Жарова, который в своей докторской диссертации указывает, что «недостаточный уровень правового регулирования существенно повышал роль субъективного фактора, что, как правило, негативно сказывалось на эффективности деятельности розыскных органов» [257, с. 29]. Таким образом, в различных теоретических вариациях авторы специальных исследований обосновывают идею о том, что наличие тех или иных пробелов в правовом регулировании неизбежно приводит к неточным трактовкам, которые могут быть компенсированы исключительно высоким уровнем профессионализма лиц, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия (но это, скорее, в идеале).

Как указывал в конце 90-х годов в своей докторской диссертации К.В. Сурков, «законодательное регулирование ОРД, прежде всего определение перечня оснований и условий осуществления оперативно-розыскных мероприятий не устранило барьер между ОРД и уголовным процессом, как это имеет место в законодательстве ряда стран (концепция «проактивных» расследований в США)» [270, с. 27]. Несмотря на то обстоятельство, что в последнее время постоянно происходят процессы сближения оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности (в Казахстане это, в частности, проявилось в появлении в УПК ранее проанализированного института негласных следственных действий), говорить о возможности заимствования моделей дальнего зарубежья в вопросах раскрытия и расследования, как мы полагаем, не приходится. В частности, обращаясь к опыту США, авторы указывают, что «предварительное расследование в США не имеет единообразной регламентации. Оно осуществляется в формах, сходных с теми, в которых у нас проводятся административная и оперативно-розыскная деятельность. Понятия следственного действия американская правовая система не знает, как результат – нет их исчерпывающего перечня; отсутствует и общепринятый порядок производства этих мероприятий» [184, с. 219]. Напротив, и российская, и казахстанская система противодействия преступности основаны на сохранении более или менее четких границ между оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельностью. В частности, несмотря на введение в Казахстане института НСД, в законодательстве, а также в актах официального судебного толкования настоятельно подчеркивается их различная природа, в сравнении с оперативно-розыскными мероприятиями (несмотря на значительное сходство по объективным признакам совершаемых действий).

Оценивая систему ОРМ, мы, конечно же имеем в виду тот конкретный набор оперативно-розыскных мероприятий, который зафиксирован в профильном законодательстве об ОРД России и Казахстана. Вместе с тем, в теории имеется и иное понимание системы оперативных мероприятий. Так, в частности, Н.С. Шевелев указывает, что «в процессе личного сыска реализуется система

оперативно-розыскных мероприятий (опрос, наведение справок, наблюдение, отождествление личности и т.д.) в любой последовательности и совокупности, в зависимости от складывающейся в тот или иной момент оперативно-розыскной ситуации. С учетом поступления новой информации проведение отдельных оперативно-розыскных мероприятий может осуществляться и корректироваться в ходе личного сыска» [241, с. 277]. Таким образом, автор оценивает систему ОРМ как конкретную потребность «субъекта личного сыска» в определенной комбинации различных ОРМ. В целом, данная трактовка, на наш взгляд, непротиворечива, но она имеет конкретно-предметное выражение исключительно к той или иной ситуации осуществления ОРД.

В текущем варианте регламентации оперативно-розыскных мероприятий в профильном законе об ОРД Казахстана и России, как мы полагаем, вести речь о сформированности системы ОРМ условно можно только в отношении казахстанского варианта регламентации. Во-первых, в Законе РК «Об ОРД» имеет место формулировка понятий каждого отдельно взятого оперативно-розыскного мероприятия (ст. 1 Закона). Во-вторых, используется классификационный метод – деление всех ОРМ на общие и специальные. Данные элементы упорядочивания, пусть и не в полном объеме, но позволяют говорить о системе оперативно-розыскных мероприятий. Что касается российского варианта, то здесь в большей степени закономерно лишь признание законодательно установленного перечня ОРМ, который сформулирован в ст. 6 ФЗ РФ «Об ОРД». Полагаем, что перечень наименований оперативно-розыскных мероприятий с сохранением анонимизации их содержания не позволяет говорить о системном методе построения, а лишь о наличии классификационного подхода.

Данное обстоятельство, как мы уже указали, вызывает несогласие многих российских исследователей, в частности, указывается, что в практике Конституционного Суда РФ значительный объем составляют жалобы граждан на действия должностных лиц в ходе проведения ОРД именно по причине отсутствия четких формулировок в рамках ст. 6 ФЗ РФ «Об ОРД» [150, с. 64]. Как указывает А.В. Агарков в контексте оценки ст. 6 ФЗ РФ «Об ОРД», «часть 1 содержит

исчерпывающий перечень ОРМ, разрешенных для проведения в Российской Федерации, однако не включает ни понятия оперативно-розыскного мероприятия, ни расшифровки содержания перечисленных ОРМ. Результатом этого становится возможность произвольно толковать нормы ФЗ «Об ОРД» в части понимания способов осуществления ОРД, так как в соответствии со ст. 1 ФЗ «Об ОРД» ОРД осуществляется посредством проведения ОРМ» [160, с. 85-95].

В науке весьма значительный массив представляют собой различного рода аргументации того, что ФЗ РФ «Об ОРД» остро нуждается в дефинициях всех оперативно-розыскных мероприятий, которые в нем перечисляются [146, с. 180; 158, с. 128]. При этом не лишним будет отметить, что в законе «Об оперативно-розыскной деятельности» Кыргызской Республики законодательная расшифровка содержания оперативно-розыскных мероприятий содержится в ст. 2. Закона. Аналогично, профильные законы, регламентирующие ОРД в Республике Беларусь и Республике Армения, также содержат дефиниции ОРМ в отдельных статьях, в которых рассматривается порядок их применения.

Несмотря на разницу всех ОРМ, которые включены в систему оперативно-розыскных мероприятий в российском и казахстанском законодательстве, они в обязательном порядке объединены определенным внутренним единством, которое заключается, как минимум, в том, что они имеют явно выраженный познавательный характер, направлены на получение, фиксацию оперативно значимой информации и обеспечивают решение задач ОРД. При этом важным при использовании всей системы оперативно-розыскных мероприятий является то, что исключение какого-либо мероприятия из перечня приведет к потере качества и уменьшению ее познавательных возможностей. Для нормальной работы всей системы необходимо сосредоточиться на самой сути данного оперативно-розыскного мероприятия [211, с. 189].

Таким образом, систему оперативно-розыскных мероприятий можно определить как законодательно оформленную комплектацию различных видов разрешенных оперативно-розыскных мероприятий, имеющих качественно отличное содержание, основания и условия их осуществления, не находящихся в

отношении соподчинения и предполагающих возможность их комбинации при реализации ОРД. Мы в данном случае умышленно оставляем за рамками определения понятия «иные действия», поскольку их включение систему непосредственно оперативно-розыскных мероприятий не представляется возможным (данный вопрос закономерен исключительно при характеристике правовой природы ОРД). Что касается спорности формулировки «закрытого» перечня оперативно-розыскных мероприятий, то мы склонны согласиться с тем, что подобная фиксация не является удовлетворительной. Вместе с тем, возможности субъективной трактовки перечня оперативно-розыскных мероприятий в случае формулировки его в «открытом» виде нам представляются как имеющие значительно большее количество рисков. Соответственно, на данный период времени «закрытый» перечень нам представляется более верным решением, однако требующим периодического пересмотра на основе мониторинга потребностей правоприменения.

Несмотря на отсутствие четких критериев системы оперативно-розыскных мероприятий как в российском, так и в казахстанском варианте законодательной регламентации, внутри предполагаемой системы ОРМ вполне приемлемым является такой метод системного изучения, как классификация. Согласно устоявшейся терминологии, классификация – это «система расположения предметов по классам на основании сходства этих предметов внутри класса и их отличий от предметов других классов. Если за основу классификации принимается существенный признак предметов, то такая классификация может иметь научное и практическое значение и позволит обнаружить закономерности, которым подчиняются предметы и явления» [80, с. 46-47]. Значительный вклад в классификацию оперативно-розыскных мероприятий внесли: В.Г. Бобров, О.А. Вагин, К.К. Горяинов, Н.С. Железняк, С.И. Захарцев, А.П. Исиченко, В.А. Лукашов, К.В. Сурков, А.Е. Чечетин, А.Ю. Шумилов и другие ученые.

Классификация призвана решить две основные задачи: представлять всю область в надежном и удобном для обозрения и распознавания виде и заключать в себе максимально полную информацию об ее объектах [123, с. 255].

Классификация оперативно-розыскных мероприятий решает следующие задачи: предоставляет возможность оперативным органам своевременно и точно ориентироваться при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий; способствует реализации оперативно-розыскных мероприятий в строгом соответствии с законом; является основой для научной разработки теоретических проблем, рекомендаций и предложений, направленных на дальнейшее совершенствование и разработку теории оперативно-розыскных мероприятий.

Как мы уже неоднократно указали, в ФЗ РФ «Об ОРД» отсутствуют те или иные элементы законодательной классификации оперативно-розыскных мероприятий (используется исключительно перечневый метод), а в законодательной базе Республики Казахстан, напротив, отдельные классификационные элементы имеют место уже на законодательном уровне (в контексте выделения общих и специальных оперативно-розыскных мероприятий).

В соответствии с Законом РК «Об ОРД», общее оперативно-розыскное мероприятие – «совокупность связанных единым тактическим, стратегическим замыслом действий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, направленных на решение задач данной деятельности». В свою очередь, под специальным оперативно-розыскным мероприятием понимается «оперативно-розыскное мероприятие, непосредственно затрагивающее охраняемую законом неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных сообщений и почтовых отправлений, а также право на неприкосновенность жилища» [14].

Как следует из приведенных легальных дефиниций, включенных в Закон РК «Об ОРД», в целом, понятие «общих» ОРМ является достаточно объемным и фактически, как нам представляется было сформулировано в таком виде как своего рода антипод тех ОРМ, которые определяются в качестве «специальных». В целом, можно констатировать, что определение общего ОРМ фактически подходит и специальному оперативно-розыскному мероприятию. К примеру, единому тактическому и стратегическому замыслу соответствует, в том числе, и проведение

негласного аудио- и (или) видеоконтроля лица, намеревающегося совершить продажу наркотических средств.

Учитывая то обстоятельство, что Закон РК «Об ОРД», равно как ФЗ РФ «Об ОРД» не содержит легального определения собственно понятия «оперативно-розыскное мероприятие», полагаем, что приведенная дефиниция понятия «общее оперативно-розыскное мероприятие» не отвечает требованиям законодательной техники относительно необходимости выделения четких, непротиворечивых признаков, позволяющих идентифицировать соответствующее понятие и обособить его от других, смежных понятий. Иными словами, определение понятия общего ОРМ в Законе РК «Об ОРД» в большей степени соотносимо с понятием оперативно-розыскного мероприятия вообще (причем, в представленном варианте оно больше соответствует доктринальному, а не нормативному стилю). Указание на наличия единого тактического, стратегического замысла является чересчур «обтекаемым» для законодательного термина, причем, в большей степени оно соотносимо с организационным, нежели с нормативным аспектом (то есть в большей степени подразумевает оценку качества поисково-выявительной деятельности уполномоченных субъектов).

Полагаем, что, во-первых, объединяющим признаком для определения общего и специального оперативно-розыскного мероприятия должно стать указание на «действия» как ранее определенный нами родовой признак ОРМ. То есть и общее ОРМ (данное указание имеется в действующей редакции), и специальное ОРМ (в действующей редакции не определяется через понятие «действия») должны быть объединены посредством данного родового понятия. Однако при условии, что в профильном законе, регламентирующем ОРД, будет включено общее понятие «оперативно-розыскное мероприятие», то в уже в градации на общие и специальные ОРМ, в принципе, можно будет отказаться от детализации определения через родовой признак «действия», поскольку вид (классификационная единица) того или иного понятия в обязательном порядке содержит признаки, характеризующие общее (родовое) понятие.

Принципиальным отличительным признаком специальных оперативно-розыскных мероприятий следует признать то обстоятельство, что они требуют обязательного санкционирования прокурором (ч. 4 ст. 12 Закона РК «Об ОРД»), что предопределяется значительной степенью конфликта частных и публичных интересов (о котором мы уже неоднократно упоминали), вплоть до ущемления и ограничения конституционных прав граждан. Таким образом, фактически выделение в самостоятельный вид общих оперативно-розыскных мероприятий является излишним с точки зрения формальной логики, поскольку их трактовка, в целом, совпадает с трактовкой понятия «оперативно-розыскное мероприятие». Соответственно, если в тексте профильного закона «Об ОРД» дать легальную дефиницию понятия оперативно-розыскного мероприятия (авторский вариант которого был нами предложен в предыдущем параграфе), то, как мы полагаем, в Законе РК «Об ОРД» вообще можно отказаться от выделения понятия «общее ОРМ». С другой стороны, при наличии легальной дефиниции понятия ОРМ, в случае сохранения выделения общих оперативно-розыскных мероприятий можно ограничиться указанием на то обстоятельство, что они не требуют санкционирования прокурором, иницируются и осуществляются уполномоченными на осуществление ОРД субъектами.

Что касается специальных оперативно-розыскных мероприятий, то данную градацию, произведенную в Законе РК «Об ОРД», можно признать в качестве новеллы можно лишь условно, поскольку соответствующая группа ОРМ всегда обособлялась в качестве «ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан» (в российских теоретических исследованиях данное обособление имеет место и по настоящее время). Так, в частности, по поводу данных ОРМ В.М. Омелин указывает, что применение подобных мероприятий должно иметь такой режим, чтобы и не препятствовать осуществлению ОРД, но и не допускать чрезмерного, не обоснованного нарушения (ущемления) конституционных прав граждан [209, с. 144]. Как указывается другими авторами, специфика данной группы ОРМ (связанных с ограничением конституционных прав граждан) заключается в том, что они демонстрируют значительные полномочия сотрудников

оперативных подразделений, которые имеют возможность обоснованно ограничивать конституционные права граждан, однако при условии надлежащего (судебного) контроля, в отсутствие которого они могут быть признаны незаконными, независимо от наличия материальных оснований применения [221, с. 50-54]. В.В. Николюк и В.А. Виноградова отмечают, что «решая задачи выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, установления лиц, их совершивших, действуя гласно и негласно, оперативные работники остро вторгаются в частную жизнь при проведении оперативно-розыскных мероприятий, ... получают доступ к личным и семейным тайнам граждан, ограничивают их свободу. Соответственно гарантии соблюдения прав граждан, попавших в сферу ОРД, должны быть максимально высокими» [207, с. 124].

Учитывая то обстоятельство, что ограничение конституционных прав в ходе ОРМ граждан является наиболее болезненным, данный вопрос нередко становится предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ. Так, в частности, в 2018 году по одной из жалоб Конституционный Суд дал разъяснение правовой природы судебного контроля в отношении соответствующих ОРМ. Так, в частности, разъяснено, что судебное решение в данном случае не сопоставимо с судебным разбирательством (даже не может рассматриваться как подготовительные к судебному разбирательству действия). Кроме того, в соответствующем правоотношении фактически отсутствуют стороны, причем, в этой судебной «процедуре» не может быть открытости, гласности и состязательности сторон, поскольку, в противном случае, негласные оперативно-розыскные мероприятия стали бы невозможны, равно как и утратила бы свой правовой смысл сама ОРД [57]. Аналогичное по смыслу указание Конституционного Суда можно отметить и в другом частном случае рассмотрения жалобы, которое имело место за 20 лет до ранее приведенного. В частности, Конституционным Судом РФ было специально указано на то, что несмотря на обусловленность соответствующих конституционных ограничений уголовно-правовыми отношениями, соответствующее судебное решение не относится к разновидности судебного разбирательства [58].

Таким образом, проблема применения соответствующей группы оперативно-розыскных мероприятий, независимо от наличия их четкого обособления в самостоятельную группу непосредственно в тексте профильного закона, на регулярной основе вызывает научно-теоретический интерес и практическую необходимость в преодолении нравственных коллизий, возникающих по причине конфликта частных и публичных интересов.

В частности, как указывает А.А. Городилов, во-первых, необходимо «регламентировать основные сущностные элементы оперативно-розыскных мероприятий, с точки зрения их конкретных отличий друг от друга, в том объеме, который бы не повлек раскрытие тактики оперативно-розыскной деятельности», а во-вторых, «определить перечень оперативно-розыскных мероприятий, затрагивающих конституционные права и свободы граждан, чтобы исключить их произвольное толкование правоприменителем» [253, с. 9-10]. Таким образом, необходимо признать, что в российской науке также поднимается вопрос о том, чтобы оперативно-розыскным мероприятиям, непосредственно сопряженным с рисками или реальным ограничением конституционных прав граждан, придать особый статус непосредственно в профильном законодательстве.

Возвращаясь к решению казахстанского законодателя о выделении в отдельную группу специальных оперативно-розыскных мероприятий, отметим, что в структуру данной группы включены 6 оперативно-розыскных мероприятий. При этом дефиниция понятия «специальные оперативно-розыскные мероприятия» является дефектной по той причине, что данное понятие фактически определяется «через самого себя», то есть через понятие «оперативно-розыскное мероприятие». Данный законодательный прием мог бы быть признан удовлетворительным при условии того, что непосредственно в тексте Закона РК «Об ОРД» было бы включено понятие ОРМ.

А.Д. Парманасов в своем диссертационном исследовании предлагает следующее определение специального оперативно-розыскного мероприятия: «это законодательно закрепленные и проводимые уполномоченным на то субъектом в строгом соответствии с требованиями нормативных правовых актов действия,

основанные на применении негласных сил, средств и методов, направленные на выявление фактических данных и их ограниченное использование при выполнении задач ОРД» [268, с. 130].

В целом, в данное определение включен определенный набор признаков (который, в целом, в основном объеме подпадает под общее определение понятия оперативно-розыскного мероприятия). Полагаем, что основная причина дискуссионности данного определения заключается в том, что автор использует формулировку «ограниченное использование». На наш взгляд такая формулировка выглядит не в полной мере благополучной, поскольку ограниченное использование предполагает некую избирательность применения соответствующих методов со стороны самого иницирующего ОРМ субъекта (оперативного сотрудника). Вместе с тем, на законодательном уровне устанавливаются конкретные основания и условия применения соответствующих мер, что во многом исключает избирательность со стороны уполномоченных на проведение ОРМ субъектов (скорее, речь идет об избирательности методов ОРД, нежели непосредственно самих оперативно-розыскных мероприятий). Соответственно, в предложенном определении было бы верным указывать не на «ограниченное использование», а на «использование с ограничениями».

В целом, с учетом ранее сформулированных замечаний, связанных с логическими погрешностями в определении понятия «специальное оперативно-розыскное мероприятие» в тексте Закона РК «Об ОРД», можно признать его удовлетворительным (при условии, что в законе будет сконструировано собирательное понятие «оперативно-розыскное мероприятие»). Наиболее существенным замечанием, как мы полагаем, следует признать то обстоятельство, что законодатель не указывает на конституционный характер защиты соответствующих прав (используется словосочетание «охраняемые законом»). Вместе с тем, сам факт придания данным оперативно-розыскных мероприятий «специального» характера заключается именно в этом обстоятельстве, что имеют явные риски ограничения конституционных прав. Формулировка «охраняемые законом» является недостаточной для должного акцента именно на указанном

обстоятельстве, поскольку производство многих ОРМ может быть связано с ограничением тех или иных прав граждан, охраняемых законом.

Подтверждением данного обстоятельства, в частности, является включение в УК РК самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния», которое именуется «Осуществление оперативно-розыскных, контрразведывательных мероприятий или негласных следственных действий» (ст. 35 УК РК). Сущность данного законодательного установления заключается в том, что «не является уголовным правонарушением причинившее вред охраняемым настоящим Кодексом интересам деяние, совершенное при выполнении в соответствии с законом Республики Казахстан оперативно-розыскных, контрразведывательных мероприятий или негласных следственных действий сотрудником уполномоченного государственного органа...если причиненный вред правоохраняемым интересам менее значителен, чем вред, причиняемый указанными уголовными правонарушениями, и если их предотвращение, раскрытие или расследование, а равно изобличение виновных в совершении уголовных правонарушений лиц не могли быть осуществлены иным способом» [5]. Фактически этой нормой подтверждается тот факт, что оперативно-розыскные мероприятия могут быть сопряжены с риском причинения вреда правоохраняемым интересам (например, праву собственности). Здесь отметим, что, в соответствии с российским вариантом регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния, подобные ситуации могут быть оценены только с позиции института крайней необходимости, хотя вопрос о самостоятельном значении оперативно-розыскных мероприятий периодически ставится в российской науке. Так, в частности, В. Михайлов полагает, что выполнение профессиональной деятельности (если не было допущено превышение допустимых пределов ее осуществления) должно быть отнесено к самостоятельному обстоятельству, исключающему преступность деяния [206, с. 53]. Аргументация подобного решения имеет место в работах и многих других авторов [285; 199, с. 215-216]. Г.С. Шкабин на основе сравнительно-правового анализа приходит к мнению, что в законодательстве многих стран имеются уголовно-правовые конструкции, которые

нейтрализуют ситуации конфликта, возникающего в ходе причинения вреда по причине законной оперативно-розыскной деятельности [242, с. 15-18]. В свою очередь, О.В. Ивенин оценивает подобные уголовно-правовые приемы обеспечения как «дозволения» для субъектов ОРД действовать в соответствии с задачами, возлагаемыми на них законом [195, с. 164].

Помимо казахстанской законодательной практики, подобный опыт позитивного содействия ОРД (равно как и иной правоохранительной деятельности) имеет место, к примеру, и в ст. 30 Уголовного кодекса Литовской Республики, при этом превышение допустимых пределов деятельности влечет ответственность при смягчающих вину обстоятельствах. Причем, в ст. 32 УК ЛР специально предусматривается обстоятельство, которое имеет непосредственное отношение к осуществлению ОРД (так называемое «исполнение задания», при котором нередко имеет место имитация преступной деятельности) [278]. В УК Республики Беларусь, в свою очередь, имеется ст. 38 «Пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию» [6].

Приведенные суждения дают основание для формулировки, как минимум, двух выводов. Во-первых, требования, предъявляемые к результативности ОРД, осуществляемой посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий, должны сопровождаться необходимыми механизмами обеспечения, в том числе, в рамках уголовно-правовых конструкций. Во-вторых, примеры учета потребностей ОРД в формате нейтрализации уголовно-правового конфликта, имеющие место в законодательной практике зарубежных стран, свидетельствуют о том, что нормативная атрибуция ОРД (использование специальной терминологии) не является препятствием к сохранению ее негласного начала.

Для придания теоретической завершенности основному исследуемому вопросу, проанализируем отдельные авторские варианты классификации ОРМ, сконструированные исследователями. Так, Ю.Ф. Кваша и К.В. Сурков делят оперативно-розыскные мероприятия на три вида: 1) адаптированные сыском криминалистические методы; 2) разведывательные методы, свойственные только сыску; 3) разведывательные операции [86, с. 197-198]. Подобным образом

оперативно-розыскные мероприятия классифицировал и А.И. Тесников [222, с. 43-44]. В данном случае очевиден классификационный критерий, который основан на оценке методологии проведения ОРМ.

К первому из перечисленных видов оперативно-розыскных мероприятий авторы относят: опрос граждан; наведение справок; сбор образцов для сравнительного исследования; контрольные закупки; исследование предметов и документов; наблюдение; отождествление личности; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; оперативный эксперимент. В целом, мы согласны с тем, что авторы именуют данные мероприятия как адаптированные сыском криминалистические методы, хотя возникает определенный вопрос в отношении такого ОРМ, как «контрольная закупка», поскольку данное оперативно-розыскное мероприятие традиционно проводится оперативными подразделениями посредством тактического обмана с целью выявления преступления.

При этом также следует отметить, что понятие «контрольная закупка» в настоящее время фактически выведено из терминологического оборота в структуре ОРД. Так, в ФЗ РФ «об ОРД» соответствующее ОРМ именуется «проверочная закупка», а в Законе РК «Об ОРД» - «оперативный закуп». Безусловно, терминологические изменения существенным образом не отражаются на содержательном аспекте соответствующего ОРМ. Вместе с тем, динамика терминологических изменений всегда должна учитываться. Так, в частности, в настоящее время в законодательстве используется понятие «контрольная закупка», с помощью которого определяется деятельность, не имеющая отношения к ОРД: «контрольная закупка представляет собой мероприятие по контролю, в ходе которого органом государственного контроля (надзора) осуществляются действия по созданию ситуации для совершения сделки в целях проверки соблюдения юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями обязательных требований при продаже товаров, выполнении работ, оказании услуг потребителям» [38]. Таким образом, несмотря на то что данный термин может функционировать на уровне обыденной профессиональной деятельности (в

качестве своего рода профессионального жаргонизма), при необходимости четкой детализации относимости действий к ОРД следует соблюдать терминологическую точность.

Ко второму виду оперативно-розыскных мероприятий относят: контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи. Здесь следует отметить, что все эти оперативно-розыскных мероприятия имеют также и характер следственных действий в уголовном процессе. Так, в ст. 185 УПК РФ предусмотрено следственное действие «наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка», в ст. 186 УПК РФ – «контроль и запись переговоров», в ст. 186.1 УПК РФ – «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами». Таким образом, вышеуказанные оперативно-розыскные мероприятия имеют аналоги в уголовном процессе, и, соответственно, считать их свойственным только сыску, по нашему мнению, ошибочно.

К третьему виду Ю.Ф. Кваша и К.В. Сурков относят оперативное внедрение и контролируруемую поставку. С учетом всех приведенных по ходу изложения спорных моментов, данная классификация не может быть признана в качестве достаточно операционной, поскольку классификационные группы имеют некоторые пересекающиеся характеристики.

Вопросу классификации оперативно-розыскных мероприятий большое внимание уделил также и А.Ю. Шумилов, хотя и в его позиции также отсутствует четкость разграничения классификационных групп. В частности, он делит оперативно-розыскные мероприятия на: 1) действия: опрос, наведение справок, сбор образцов, для сравнительного исследования, наблюдение, отождествление личности, исследование предметов и документов; 2) мероприятия: проверочная закупка; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспорта; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; оперативный эксперимент; 3) операции: контролируемая поставка и

оперативное внедрение [157, с. 57-58]. В данном случае критерий классификации еще более очевиден, поскольку он явно сопряжен с усложнением содержательного компонента деятельности, которая осуществляется в рамках ОРМ. Однако выделение «мероприятий» в рамках классификации понятия, которое, само по себе, определяется посредством данного слова, нам представляется некоторой логической погрешностью. Кроме того, никогда не может быть заведомо определена сложность и трудоемкость того или иного ОРМ, поскольку деятельность по их проведению всегда очень вариативна и зависит от конкретной ситуации (например, наблюдение может носить длительный характер и фактически по своей трудоемкости и временной затратности соответствовать операции).

А.Ю. Шумилов также предлагает подразделять оперативно-розыскные мероприятия на три категории:

1) обычные (не ограничивающие конституционные права человека и гражданина). В процессе оперативно-проверочной работы проводятся: опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования (кроме сбора образцов в жилище и сбора образцов голоса человека путем контроля его телефонных переговоров), проверочная закупка, исследование предметов и документов, наблюдение (кроме наблюдения с проникновением в жилище), отождествление личности, оперативное внедрение и контролируемая поставка, наряду с ними в ходе уголовно-розыскного процесса: обследование помещений, зданий, сооружений (кроме жилища), участков местности и транспортных средств, а также снятие информации с технических каналов связи (не вторгаясь в сферу частной жизни граждан);

2) острые (ограничивающие конституционные права человека и гражданина). К ним относятся: контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; сыскное обследование жилища; сыскное наблюдение с проникновением в жилище; сыскной сбор образцов (для сравнительного исследования) в жилище и сбор образцов голоса человека путем контроля его телефонных переговоров; снятие с технических каналов связи, влекущее вторжение в частную жизнь человека и гражданина;

3) особо острые или специальные (к этой категории относят оперативный эксперимент [158, с. 9-10]).

Приведенная авторская классификация, в целом, отражает современную казахстанскую практику законодательного деления оперативно-розыскных мероприятий (за исключением того обстоятельства, что оперативный эксперимент в настоящее время в Законе РК «Об ОРД» в чистом виде не предусмотрен), однако она сопоставима и с делением оперативно-розыскных мероприятий в российской практике, поскольку в отношении «острых» и «особо острых» мероприятий имеются особые механизмы реализации (санкционирования).

Оценивая данную классификацию, С.И. Захарцев отмечает, что опрос, наведение справок и другое (то есть весь перечень оперативно-розыскных мероприятий) также могут ограничивать конституционные права человека и гражданина. К примеру, в ходе опроса могут затрагиваться медицинские, банковские и иные личные тайны; обстоятельства и содержание телефонных переговоров, переписки и другие тайны. При этом автор делит оперативно-розыскные мероприятия на ограничивающие и на не ограничивающие права человека [101, с. 53-55].

Полагаем, что проиллюстрированные «разногласия» имеют в качестве своей причины совокупность факторов, причем, к основному следует отнести отсутствие необходимой законодательной фиксации всех понятий, категорий, которые имеют обособленное значение в рамках ОРД (в первую очередь, понятия оперативно-розыскного мероприятия). Как следствие терминологических неточностей возникают те или иные акцентуации, которые зависят от того, как тот или иной автор воспринимает для себя аксиологию оперативно-розыскной деятельности. Так, при акцентуации на задачах ОРД, исследователь идет по пути поиска оптимальных организационных решений, заметно нивелируя значение прав и свобод человека. Напротив, при акцентуациях на необходимости соблюдения прав и свобод человека при осуществлении ОРД исследователи допускают некоторое ущемление значимости публичных интересов, заключающихся в необходимости противодействия криминальным процессам в обществе.

Д.В. Ривман предлагает классифицировать оперативно-розыскные мероприятия по тактике проведения на:

1) разведывательные (поисковые) оперативно-розыскные мероприятия, тактически построенные на активных действиях, направленных на обнаружение оперативной информации, использование ее для опережения преступных действий. К данной группе ОРМ автор относит: опрос; наведение справок; сбор образцов для сравнительного исследования; проверочную закупку; исследование предметов и документов; наблюдение; отождествление личности; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; оперативное внедрение; оперативный эксперимент;

2) разведывательно-контрольные, в основе которых лежит тактика выжидания, применяемые, как правило, в «связке» с другими оперативно-розыскными мероприятиями и выступающие в качестве «поставщика» ориентирующей (осведомительной) информации. К этой группе он относит: контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; контролируемую поставку [133, с. 84].

Предлагаемая классификация оперативно-розыскных мероприятий является весьма спорной, поскольку фактически каждый вид оперативно-розыскного мероприятия направлен на поиск. Следовательно, к первой группе могут относиться и те мероприятия, которые в рамках приведенной классификации включены во вторую группу. Причем, конструируя вторую группу, автор отмечает, что указанные мероприятия являются ориентирующей (осведомительной) информацией. Вместе с тем, из четырех указанных им видов, три оперативно-розыскные мероприятия ограничивают конституционные права личности и требуют судебного решения, что вряд ли можно оценить в качестве ориентирующей информации. Поскольку для получения санкции судьи на их осуществление оперативный сотрудник должен понимать, что этим самым он ограничивает конституционные права гражданина, а, соответственно он должен быть уверен (иметь достаточные основания для уверенности) в достоверности

информации о том, что преступление может совершиться, уже совершается или совершено.

Другие ученые классифицирует оперативно-розыскные мероприятия на относительно автономные и комплексные. К первой группе они относят: опрос; наведение справок; сбор образцов для сравнительного исследования; проверочную закупку; исследование предметов и документов; наблюдение; отождествление личности; обследование помещений, зданий сооружений, участков местности и транспортных средств. Соответственно, ко второй группе они относят остальные мероприятия, кроме: контроля почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивания телефонных переговоров и снятия информации с технических каналов связи. Последние выделяются в качестве отдельной классификационной группы, именуемой «оперативно-технические мероприятия» [78, с. 13-27]. В данном случае автор отталкивается от своеобразного критерия «комбинаторности», то есть наличия определенных закономерностей по автономному или комбинированному осуществлению отдельных ОРМ, что, как нам представляется, является достаточно условным делением. Комбинация ОРМ в большей степени предопределяется решением соответствующих оперативно-тактических и оперативно-стратегических задач.

Можно отметить классификацию оперативно-розыскных мероприятий Е.В. Кузнецова. Он подразделяет их по основанию (признаку) направленности их цели: 1) как связанные, так и не связанные с выявлением, пресечением и раскрытием преступления; 2) связанные только с выявлением, пресечением и раскрытием преступления [198, с. 81]. Данная классификация, на наш взгляд, обусловлена исключительно решением каких-то частных научно-исследовательских задач, поскольку в ней происходит некоторое отступление от правовой природы ОРД, которая всегда направлена на борьбу с преступностью. Полагаем, что ни одно ОРМ, в принципе, не может быть не связанным с решением задач по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений. Другое дело – сопряженные виды деятельности, которые могут быть включены в структуру ОРМ, но сами по себе в качестве отдельного ОРМ не выступающие.

Наиболее развернутую классификацию предлагает В.Г. Бобров [76, с. 23-25], причем значительная часть представителей научного сообщества солидаризируется с мнением данного автора и принимают его классификацию за основу [139, с. 248; 113, с. 115; 114, с. 32]. Структура данной классификации ОРМ выглядит следующим образом:

а) *в зависимости от времени (продолжительности) проведения* оперативно-розыскные мероприятия могут быть разовыми (опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования и др.) и длящимися (контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров и др.);

б) *в зависимости от формы проведения* оперативно-розыскные мероприятия могут быть гласными и негласными, осуществляться с зашифровкой их истинной цели и без нее. При гласном проведении, как правило, не скрывается факт осуществления ОРМ; соответственно, негласное проведение предполагает их осуществление втайне от других лиц. Как указывает Е.В. Кузнецов, негласность таких мероприятий весьма условна, и может быть как абсолютной, так и относительной. При абсолютной негласности, о проведении оперативно-розыскного мероприятия знают только оперативные сотрудники, его осуществляющие, а также лица, действующие по их поручению. Относительная негласность оперативно-розыскного мероприятия проявляется в том, что об их проведении не знают только лица, в отношении которых они осуществляются [76, с. 24].

в) *в зависимости от необходимости санкционирования* оперативно-розыскные мероприятия могут быть: 1) не требующими какого-либо санкционирования и проводимые при наличии оснований по решению оперативного сотрудника (опрос; наведение справок; сбор образцов для сравнительного исследования; исследование предметов и документов; наблюдение; отождествление личности; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (кроме обследования жилых помещений против воли проживающих там лиц); проверочная закупка и

контролируемая поставка предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых не запрещена либо оборот которых не ограничен); 2) требующими ведомственного санкционирования в виде постановления о проведении ОРМ, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД (проверочная закупка и контролируемая поставка предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена, либо оборот которых ограничен; оперативное внедрение; оперативный эксперимент); 3) требующими судебного санкционирования в виде постановления судьи о разрешении проведения ОРМ (контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; обследование жилых помещений против воли проживающих там лиц).

В рамках приведенной классификации преимущественно оспариваются терминологические предпочтения автора, нежели ее содержательно-структурного компонента. В частности, в русском словаре под термином «разовый» понимается действительный на один раз [136, с. 654], по причине чего одни ученые считают необходимым назвать данную группу «краткосрочной» [146, с. 61], другие делят оперативно-розыскные мероприятия по данному критерию на три группы: «краткосрочные (определяется количеством часов), среднесрочные (измеряются сутками) и длительные (исчисляются неделями и месяцами)» [126, с. 88]. Полагаем, что данные критические корректировки, в целом, не меняют логической архитектоники данной классификации, которая, на наш взгляд, достаточно непротиворечива и соотносима с законодательными нормами.

На наш взгляд, среди трех критериев, выделенных В.Г. Бобровым, наибольшую функциональность имеют последние два, поскольку они соотносимы с законодательными аспектами регламентации ОРМ (первый критерий преимущественно имеет вспомогательный характер). Так, в частности, деление ОРМ на «гласные» и «негласные» фактически следует из ч. 1 ст. 15 ФЗ РФ «Об ОРД», согласно которой органы, осуществляющие ОРД, могут проводить гласные и негласные оперативно-розыскные мероприятия. Соответствующая имманентная оперативно-розыскной деятельности градация подтверждается и указанием на

принцип сочетания гласных и негласных методов и средств. В свою очередь, в Законе РК «Об ОРД» соответствующая градация, в целом, уже зафиксирована (общие и специальные ОРМ), к тому же у всех специальных оперативно-розыскных мероприятий в их легальном определении используется определение качества «негласный».

Что касается критерия классификации, основанного на наличии (отсутствии) требований по санкционированию, то он базируется сразу на нескольких нормах ФЗ РФ «Об ОРД»: ведомственное санкционирование оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренное в ч. 6 ст. 8 ФЗ РФ «Об ОРД»; судебное санкционирование, предусмотренное в ч. 2 ст. 8 ФЗ РФ «Об ОРД» (к данной группе следует добавить оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»).

Классификация, предложенная А.Ю. Шумиловым в более ранней работе, чем приведенная ранее работа В.Г. Боброва, является во многом схожей с ней; при этом А.Ю. Шумилов акцентировал внимание на критерии получения разрешения для проведения ОРМ: по необходимости получения судебной санкции и по необходимости получения санкции руководства оперативно-розыскного органа [152, с. 52-53]. В целом, это также непротиворечивая классификация, поскольку она имеет явно выраженную сопоставимость с имеющейся правовой регламентацией.

Казахстанский ученый В.С. Плетнев, помимо гласных и негласных ОРМ, включил в свою классификацию зашифрованные оперативно-розыскные мероприятия [130, с. 62]. Известно, что оперативно-розыскные мероприятия могут проводиться зашифровано, вместе с тем, зашифровывание может касаться исключительно личности и цели ОРМ, но не самого мероприятия (например, при гласном обследовании, опросе, сборе образцов и т.д.). Полагаем, что в данном случае происходит некоторое смешение формы и метода (поскольку зашифровка должна оцениваться именно как метод). Возможно было бы верным указание на наличие ОРМ без использования зашифровки и с использованием данного метода (если такая классификация необходима для целей отдельного исследования).

Таким образом, подводя итог проведенному в рамках настоящего параграфа теоретическому анализу, обозначим его основные итоги.

Во-первых, следует признать, что исключительно «перечневый» метод упоминания ОРМ нельзя признать удовлетворительным решением, так как он препятствует формированию четкой системы ОРМ, поскольку отдельно взятое конкретное оперативно-розыскное мероприятие неизбежно влияет на свойство системы, а система, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на отдельные ОРМ. В этом смысле необходимо преодоление различной степени анонимизации понятий оперативно-розыскных мероприятий в российском и казахстанском законодательстве об ОРД, поскольку только данное решение позволит констатировать наличие законодательно оформленной системы ОРМ и снизит риски чрезмерного субъективного усмотрения правоприменителя. Соответственно, наиболее оптимальным решением будет сочетание перечневого метода с обязательной легальной дефиницией и детализацией основных условий проведения каждого ОРМ (отчасти имеет место в казахстанском оперативно-розыском законе).

Во-вторых, теоретически обособляемую систему ОРМ в российском и казахстанском профильном законе «Об ОРД» можно оценить как *законодательно оформленную и исчерпывающую комплектацию различных видов разрешенных оперативно-розыскных мероприятий, имеющих качественно отличное содержание, основания и условия их осуществления, не находящихся в отношении соподчинения и предполагающих возможность их комбинации при реализации ОРД.*

В-третьих, наличие оснований для применения классификационного метода в контексте ОРМ в профильном законодательстве об ОРД возможно только при условии построения обозначенной системы ОРМ. При этом в основу классификации могут быть положены только те критерии, которые имеют правовое значение (в отличие от вариативности теоретических классификаций). Соответственно, в качестве основных критериев классификации ОРМ можно выделить:

1) форму проведения ОРМ (в рамках которой выделяются: а) только гласные; б) как гласные, так и негласные; в) только негласные);

2) свободу инициирования и проведения. В рамках данного критерия можно выделить свободно инициируемые (не требующие решения руководителя оперативного подразделения или санкционирования со стороны суда (в российском варианте) или прокурора (в казахстанском варианте)) и инициируемые с ограничениями (требующими надлежащих методов согласования и санкционирования).

В-четвертых, обеспечение результативности ОРД, осуществляемой посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий, должна обеспечиваться дополнительными гарантиями, в частности, нейтрализацией уголовно-правового конфликта, который может возникнуть при причинении вреда охраняемым интересам граждан и организаций в ходе осуществления ОРД. В связи с чем, УК РФ, по аналогии со ст. 35 УК РК следует дополнить новым обстоятельством, исключающим преступность деяния, - причинение вреда при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий (с необходимым набором условий правомерности).

Глава 2. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

§ 1. Теоретическая модель законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий

Поскольку ОРД в своем основном содержательно-структурном определении практически полностью представлена как совокупность регламентированных законом оперативно-розыскных мероприятий, то вполне закономерно, что многие аспекты исследований, относимых к ОРД, фактически являются относимыми и к оперативно-розыскным мероприятиям. Вместе с тем, данные мероприятия не являются необходимыми элементами спецификации ОРД, поскольку они в большей степени относятся не к определению характера соответствующей деятельности, а к вопросам ее организации. Указание на управленческие и организационные мероприятия фактически справедливы по отношению к любому виду деятельности, как правоохранительной (например, в деятельности по расследованию преступлений), так и любой другой, даже не представляющей из себя более или менее сложного процесса. Соответственно, при всем желании расширить понятие ОРД за пределы совокупности оперативно-розыскных мероприятий, подобная постановка вопроса не исключает того, что она практически тождественна им и имеет факт реализации только постольку, поскольку реализуются оперативно-розыскные мероприятия.

При этом, несмотря на то что заслуженный акцент в исследованиях принадлежит оперативно-розыскным мероприятиям, их оформление в законодательстве имеет «белые пятна» [97, с. 55-58], ряд недостатков, которые не позволяют сотрудникам, осуществляющим ОРД, в полном объеме реализовать свой практический потенциал в борьбе с преступностью. Об этом, в частности, свидетельствует постоянное обновление и дополнение оперативно-розыскного законодательства. Так, в Российской Федерации после первоначальной редакции профильного закона по вопросам ОРД было дополнительно принято 37

федеральных закона, вносящих дополнения и изменения, а в Республике Казахстан количество соответствующих изменений достигло 40 принятых в дополнение нормативных правовых актов. Полагаем, что объяснением данного обстоятельства является не столько более или менее серьезная динамика правовой природы оперативно-розыскной деятельности (которая с момента ее оформления остается стабильной в отношении возлагаемых целей и задач), сколько неизбежные изменения в функциональном компоненте, необходимости усиления гарантий граждан, сопоставления с иными функциями в структуре правоохранительной деятельности (в частности, с деятельностью по досудебному расследованию преступлений).

Следует отметить, что сохраняющаяся непротиворечивость законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий привлекала и продолжает привлекать внимание многих ученых в области ОРД, к числу которых можно отнести О.А. Вагина, К.К. Горяинова, В.А. Гусева, Н.С. Железняк, С.И. Захарцева, А.П. Исиченко, Е.Е. Каймульдинова, В.Ф. Луговика, О.Г. Ковалева, В.С. Овчинского, Н.В. Павличенко, А.И. Тамбовцева, А.Е. Чечетина, А.В. Шахматова и многих других. Указанные авторы предлагают решения как отдельных, так и общих проблем правового регулирования оперативно-розыскных мероприятий, формулируют различные варианты разумных и обоснованных мер по совершенствованию оперативно-розыскного законодательства.

Несмотря на то, что эффективность той или иной деятельности предопределяется не только качеством ее нормативно-правовой регламентации, в отношении осуществления оперативно-розыскных мероприятий фактор качества нормативно-правового материала является одним из решающих. Специфика ОРД заключается в том, что регулирование соответствующей деятельности имеет явно выраженный ограничительный характер, что в обязательном порядке проецируется на осуществление оперативно-розыскных мероприятий, использовании полученных в ходе них результатов. Соответственно, при обнаружении тех или иных дефектов по вопросам осуществления ОРМ, первые «претензии» всегда

формируются именно в отношении законодательной фиксации (а не вопросов планирования, организации, управления и т.д.).

Ученые в области ОРД высказывают различные мнения по вопросам совершенствования как института оперативно-розыскных мероприятий, так и всего оперативно-розыскного закона. В целом, всю совокупность исследовательских позиций можно разделить на четыре группы: к первой относятся учёные, считающие необходимым принятие оперативно-розыскного кодекса (оперативно-процессуального кодекса) [270, с. 346-433; 115, с. 96], ко второй – учёные, которые считают, что необходим новый закон [155, с. 32; 100, с. 77], к третьим – учёные, которые считают, что оперативно-розыскное законодательство не нуждается в новом кодексе или законе, и что целесообразно изменить и дополнить нормы действующего законодательства [186, с. 80-90], четвертые полагают, что закон «Об ОРД» вообще не нужен, аргументируя это тем, что указанные нормы закона «Об ОРД» можно закрепить в УПК, КоАП, Трудовом кодексе, ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» и ФЗ «О полиции» [220, с. 3-8; 169, с. 144-150].

Как следует из анализа имеющихся теоретических аргументаций, обоснование оперативно-розыскного кодекса (оперативно-процессуального, оперативно-процедурного) преимущественно связывается с тем, что профильное законодательство об ОРД имеет преимущественно исключительно материальные нормы; что касается процедурных аспектов, то они касаются лишь нескольких обстоятельств, которые сопряжены с необходимостью санкционирования ОРМ. Фактически же все процедурные вопросы содержатся в ведомственных актах [44]. При этом в практике российской законодательной инициативе в недавнем прошлом имел место опыт представления проекта оперативно-розыскного кодекса в 2015 году (был снят с рассмотрения). Здесь можно отметить, что в главе 7 предлагаемого проекта включалась отдельная статья «Общие правила проведения оперативно-розыскных мероприятий», которая содержала в своей структуре содержание отдельных процедур проведения ОРМ [68, с. 446-447].

Несмотря на то обстоятельство, что некоторый объем внешней объективации процедурных вопросов является допустимым, тем не менее, следует согласиться с мнением значительной части ученых, которые выражают опасения относительно того, что выведение в открытое легальное поле отдельных элементов оперативно-розыскных процедур существенно снизит ценность и результативность самой природы оперативно-розыскной деятельности. Так, в частности, по мнению А.Г. Маркушина, возникновение полного понимания для всех относительно того, что представляет собой ОРД, учитывая ее разведывательно-поисковую специфику, имманентными свойствами наступательности, конспиративности, внезапности (в первую очередь, конечно же, для криминальных элементов) однозначно не приведет к положительным результатам [138, с. 61]. Подобной же позиции придерживаются и многие другие авторитетные исследователи (В.Г. Бобров, В.И. Зажицкий и др.), основные аргументы которых основаны на признании недопустимости «уравнивания» оперативно-розыскных процедур с любыми иными формами правоохранительной деятельности.

В целом, следует отметить повышенную эмоциональность научного комментирования в отношении факта принятия подобного законодательного решения (объективации в открытом легальном поле значительной части оперативно-розыскных процедур). Так, в частности, в качестве контраргумента указывается, что «скорость получения, передачи и использования представляющей оперативный интерес информации напрямую связана с реализацией целей и задач ОРД, эффективной защитой личности, общества и государства от преступных посягательств, надежным обеспечением государственной, военной, экономической, информационной и экологической безопасности страны. При этом каждый акт осуществления ОРМ в определенной мере отличается неповторимостью, нестандартностью, не поддается универсализации...» [227, с. 231].

Как нам представляется, в данном случае необходимо соблюдение правила «золотой середины». Так, в частности, С.И. Захарцев по материалам проведенных им эмпирических исследований указывает, что 87 % опрошенных им практических

сотрудников правоохранительных органов считают, что «эффективность решения задач, стоящих перед оперативными подразделениями, во многом зависит от того, насколько качественно проработаны нормы, регулирующие ОРД и механизмы их реализации»; при этом 82 % из числа указанных респондентов указали, что «нормативные правовые акты в сфере ОРД не позволяют им полностью представить порядок проведения каждого вида ОРМ, а также правила оформления их результатов и использования в уголовном судопроизводстве» [103, с. 165-166]. Здесь также следует учитывать то обстоятельство, что деятельность оперативных сотрудников всегда сопряжена с риском перейти в «незаконное поле», в силу чего большинство из них предпочтут отказаться от тех или иных рисков, даже если они не приведут к ущемлению прав и законных интересов граждан и способны принести реальные результаты. Соответственно, наиболее верным было бы признать необходимость ревизии действующих норм профильного законодательства об ОРД на предмет частичной конкретизации отдельных процедурных аспектов, которые не создавали бы риски возрастания «открытости» ОРД и соответствующих ей ОРМ.

Позиции тех авторов, которые вовсе предлагают отказаться от наличия профильного закона об ОРД, в целом, находятся в рамках указанного выше русла: их основным лейтмотивом является стремление к сохранению за ОРД и соответствующими ОРМ необходимого «закрытого» правового статуса. Вместе с тем, необходимо учитывать, что оперативно-розыскной закон является основным вектором для ведомственного нормотворчества ее субъектов, поскольку он показывает пределы допустимого в ОРД и предоставляет средствам, методам, прежде всего, законный характер, и, соответственно, если исключить фактор наличия профильного закона, то многие вопросы останутся уже вне правового поля.

Тем самым, присоединяясь к мнениям тех ученых, которые считают, что функционирующий оперативно-розыскной закон должен развиваться путем внесения изменений и дополнений, сохраняя стабильность правового регулирования, полагаем, что теоретическая модель развития законодательства,

регламентирующего ОРД и отдельные ОРМ должна идти именно по такому, менее «болезненному» и менее кардинальному пути. При этом мы акцентируем внимание на некоторых аспектах, которые нашли отражение в отдельных теоретических исследованиях и требуют учета в профильном законодательстве об ОРД. Во-первых, полагаем необходимым закрепление определения оперативно-розыскного мероприятия в оперативно-розыскных законодательствах Российской Федерации и Республики Казахстан для разграничения его от других смежных действий (по данному вопросу уже был аналитический анонс в предыдущих параграфах). Во-вторых, следует закрепить отдельную статью с уточнением названий некоторых мероприятий для каждого вида (данное решение к настоящему времени уже частичным образом реализовано в казахстанском профильном законе). В-третьих, как мы полагаем заслуживают самостоятельного обособления отдельные институты: проведение оперативно-розыскных мероприятий в случаях, не терпящих отлагательства; проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, обладающих неприкосновенностью. В-четвертых, имеются основания для закрепления принудительных мер в оперативно-розыскных законодательствах Российской Федерации и Республики Казахстан.

Соответственно сформулированным акцентам, проведем необходимое теоретическое обоснование. Так, Модельный закон «Об ОРД» (статья 1 «основные понятия, применяемые в настоящем Законе»), а также профильными законами отдельных стран ближнего зарубежья (Беларусь, Таджикистан) предусматривают определение оперативно-розыскного мероприятия и его видов. Как мы уже указывали, частично к этой модели регламентации можно отнести и Закон РК «Об ОРД», в котором закреплена статья, посвященная основным понятиям, применимым в законе (в том числе, и определение основных видовых признаков отдельных ОРМ), однако в нем также отсутствует общее определение оперативно-розыскного мероприятия и некоторых его видов.

Здесь отметим, что 30 октября 2018 года на одиннадцатом пленарном заседании принято постановление Парламентской Ассамблеи ОДКБ «О проекте модельного Соглашения о сотрудничестве государств-членов ОДКБ в сфере ОРД»

с целью «более широкого содействия и повышения эффективности сотрудничества в сфере ОРД при строгом соблюдении принципов суверенного равенства государств и невмешательства в их внутренние дела, иных общепризнанных принципов и норм международного права» [47]. В указанном Постановлении предусмотрена статья, в которой закреплены термины, применяемые в проекте модельного соглашения. В частности, предусмотрено определение оперативно-розыскного мероприятия, метода ОРД и оперативно-розыскного действия. В частности, под методами понимают способы и приемы осуществления отдельных действий или совокупности действий, составляющих содержание оперативно-розыскных мероприятий; в свою очередь, в оперативно-розыскные действия включают организационные, управленческие и иные действия.

На наш взгляд, закрепление понятия «методы ОРД» является верным решением, так как это способствует возможности оперативным сотрудникам осуществлять методы ОРД правовым путем, что снижает потребность в тех или иных организационно-управленческих и исполнительских рисках. Однако включение «иных действий» в оперативно-розыскные действия, на наш взгляд, представляется спорным решением. Так, к примеру, И.А. Батаев отмечает, что в уголовном процессе могут осуществляться только те оперативно-розыскные мероприятия, исчерпывающий перечень которых предусмотрен ч. 1 ст. 6 Закона «Об ОРД» [73, с. 23], то есть иные действия не могут быть использованы в уголовно-процессуальном доказывании.

Авторы проекта Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в ФЗ «Об ОРД» полагают, что дополнение профильного закона соответствующим дефинитивным рядом «позволит укрепить законность ОРД, даст объективную оценку действий участников оперативно-розыскных мероприятий и раскроет содержание предусмотренных ФЗ «Об ОРД» оперативно-розыскных мероприятий» [186, с. 80-90]. Н.С. Железняк в своей монографии предлагает законодателю закрепить определение оперативно-розыскного мероприятия, включив его либо в специальную статью (по аналогии со ст. 5 УПК РФ), либо в ст. 6 ФЗ «Об ОРД». Также автор считает необходимым перед названием каждого оперативно-

розыскного мероприятия добавить определение качества «оперативный» [97, с. 55-56]. В этом смысле заметим, что избыточность нормативного текста является не менее значимым дефектом законодательства, как и наличие тех или иных пробелов и неточностей. Возможно, что в некоторых случаях использование указания на качество «оперативный» будет уместным, например, когда речь идет о тех видах мероприятий, которые могут иметь «неоперативные» аналоги (в частности, опрос). С другой стороны, содержание соответствующих ОРМ в тексте профильного закона уже фактически является свидетельством того, что все указанные мероприятия имеют именно оперативный характер.

А.Ю. Шумилов в своем проекте ФЗ «Об ОРД» предлагает добавить в ст. 6 определение каждого вида оперативно-розыскного мероприятия, однако общее определение понятия «оперативно-розыскное мероприятие» он считает излишним, так как это может коснуться «старых» правил Закона [244, с. 12-14]. Отметим, что практика четкой видовой спецификации отдельно взятых ОРМ и порядка их проведения имеет место и в законодательной практике стран ближнего зарубежья. Так, в Законе Узбекистана «Об ОРД», предусмотрена отдельная Глава 3 для определения видов оперативно-розыскных мероприятий и порядка их проведения [16].

Считаем, что среди рассмотренных вариантов наиболее оптимальный представлен в позиции В.М. Атмажитова и В.Г. Боброва, которые утверждают, что необходимо дать основные определения понятия «оперативно-розыскное мероприятие» и его видам, используемым в ФЗ «Об ОРД». Однако одни из них следует сформулировать в нормах, непосредственно регламентирующих соответствующие вопросы, а другие – в специальной статье ФЗ «Об ОРД» [70, с. 11]. Этот теоретический аспект был дополнительно нами затронут в подтверждение ранее высказанных суждений относительно необходимости формирования четкого понятийно-категориального аппарата в структуре профильного закона об ОРД. Во-первых, это позволит воспринимать понятие «оперативно-розыскное мероприятие» именно как категорию, а его видовые характеристики (конкретные виды ОРМ) в качестве отдельных понятий, с

помощью которой происходит необходимая «рубрикация» категории. Во-вторых, мы указывали на то обстоятельство, то анонимизация собственно определяющих признаков понятия отдельно взятых ОРМ не может иметь положительную оценку, поскольку их определение непосредственно в законе не является риском для «закрытости» самого содержания (процедуры) оперативно-розыскной деятельности. В-третьих, именно наличие четких дефиниций может позволить вести речь о системе ОРМ, поскольку в настоящее время (по крайней мере, для российского варианта регламентации) можно вести речь только о перечне, а не о системе, закрепленной на законодательном уровне. Система подразумевает не только наименования, но и взаимодействие между соответствующими понятиями, что предполагает необходимость выделения в них четких признаков.

К настоящему времени среди стран-участниц СНГ всего три государства закрепили отдельную статью для каждого вида оперативно-розыскного мероприятия на законодательном уровне: Республика Беларусь (ст. 21-34), Республика Армения (ст. 15-30) и Республика Молдова (ст. 28-36). При этом в Законе Республики Молдовы «О специальной розыскной деятельности» отдельные статьи предусмотрены лишь для некоторых специальных розыскных мероприятий, в частности, для мероприятий, требующих разрешения прокурора и руководителя специализированного подразделения.

В 1991 году авторский коллектив Омской высшей школы милиции МВД РСФСР подготовил инициативный авторский проект Закона РСФСР «Об ОРД ОВД», с целью восполнения пробела в законодательстве, касающегося «защиты прав и законных интересов граждан, государственной, общественной, кооперативной и иных видов собственности от преступных посягательств» [224, с. 119]. Авторы проекта предлагали метод фиксации оперативно-розыскных мероприятий в отдельной норме путем определения содержания и условий их применения.

К.В. Сурков, разработавший проект оперативно-процессуального кодекса для стран-участниц СНГ, посвятил в нем целую главу оперативно-розыскным мероприятиям, в которой сформулировал 19 статей. При этом автор отметил, что

«каталог оперативно-розыскных мероприятий должен соответствовать задачам ОРД, и, прежде всего, такой из них, как выявление преступлений и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших» [270, с. 346-432].

А.Е. Чечетин также уделит внимание теоретической модели законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий. Согласно его позиции, детальная регламентация необходима, как минимум, в контексте определения условий их проведения (в частности, в учреждениях УИС и в отношении должностных лиц, обладающих неприкосновенностью). В качестве основной новеллы автор осуществляет объединение мероприятий «прослушивание телефонных переговоров» и «снятие информации с технических каналов связи» в одно – «контроль сетей электросвязи», а также выделяет самостоятельное оперативно-розыскное мероприятие «полиграфное исследование» [234, с. 82-87]. Отметим в данном контексте, что в казахстанской модели регламентации предложенное А.Е. Чечетиным объединение двух ОРМ фактически имеет место (соответствующая комбинация именуется «негласный контроль, перехват и снятие информации, передающиеся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи») (п. 2 ч. 3 ст. 11 Закона РК «Об ОРД»). При этом в первой статье Закона (где приводится перечень основных понятий, используемых в законе) приводится текстуальная расшифровка содержания двух действий, которые законодатель комбинирует в рамках данного единого ОРМ: «негласный контроль сетей электрической (телекоммуникационной) связи» и «перехват и снятие информации, передаваемой по сетям электрической (телекоммуникационной) связи» (оба определения даны в п. 21 ст. 1 Закона РК «Об ОРД»).

Что касается полиграфного исследования, отмеченного А.Е. Чечетиным, включение данного действия в содержание оперативно-розыскных мероприятий является достаточно обоснованным, однако, на наш взгляд, необходимо переименовать его на «полиграфологическое исследование», так как исследование проводит не техника, а его субъект, то есть полиграфолог. Как указывают исследователи, «в оперативно-розыскной деятельности результаты полиграфных проверок могут служить лишь ориентирующей информацией. Полиграф помогает

определить направления поиска, уточнить или обнаружить некоторые интересующие оперативных сотрудников сведения. Данные, полученные при помощи полиграфа, также не являются доказательствами, а имеют характер оперативных данных» [173, с. 65]. В целом, необходимость обособления полиграфологического исследования в рамках самостоятельного ОРМ, на наш взгляд, достаточно условна, поскольку полиграф, скорее, относится к методам осуществления ОРМ (в частности, его спецификой является наличие четко выраженного добровольного согласия на прохождение соответствующей процедуры). Фактически использование полиграфа является методом осуществления опроса. Как указывает Н.В. Ерошенков, «опрос, осуществляемый с использованием полиграфа, реализуется в форме строго формализованного общения с опрашиваемым лицом, которому задаются специально отработанные, сформулированные и сгруппированные вопросы при постоянном контроле возникающих на них реакций. Задача оператора – обнаружить устойчивую ситуационную значимость отдельных вопросов для опрашиваемого; определить возможность утаивания им той или иной информации; обнаружить ложь и т.д.» [191, с. 17]. Соответственно, оценка полиграфологического исследования в качестве самостоятельной формы опроса, осуществляемого с помощью соответствующего метода (полиграфа), не имеет никаких методологических противоречий.

Нельзя обойти вниманием и авторский проект оперативно-разыскного кодекса Российской Федерации», предложенный В.Ф. Луговиком. Он отмечает, что «в настоящее время очевидным является несоответствие современного состояния правового регулирования ОРД международным стандартам и социально-экономическим реалиям». В связи с этим, для устранения коллизии ФЗ РФ «Об ОРД» необходимо принятие «Оперативно-разыскного кодекса Российской Федерации» [115, с. 96]. Проект был направлен в Государственную Думу на рассмотрение, однако он не был принят к рассмотрению в связи с тем, что не получил поддержку в компетентных инстанциях. Так, в экспертном заключении расширенной рабочей группы при Министре внутренних дел было указано, что

проект не учитывает нормы Конституции РФ, противоречит правовым позициям Конституционного Суда РФ, показывает неопределенность его правовых норм, тенденцию к подмене ОРД ряда уголовно-процессуальных институтов [289].

В разработанном В.Ф. Луговиком проекте оперативно-розыскного кодекса сконструировано 20 статей, непосредственно касающихся содержания ОРМ, при этом автор предлагает отказаться от редакции статьи, в которой дается исключительно перечень оперативно-розыскных мероприятий, и закрепить отдельные статьи для некоторых мероприятий, в которых будет регламентироваться процедура их проведения [115, с. 26].

Неоднократно подчеркивалось, что активное неприятие со стороны научного и практического сообщества идеи кодифицированного источника, детализирующего отдельные процедурные аспекты осуществления ОРМ, заключается в том, что в этом были усмотрены риски того, что ОРД частично утратит свой традиционный характер «скрытости». Так, в частности, с кодификацией оперативно-розыскного законодательства выразил активное несогласие С.И. Захарцев, считающий, что создание оперативно-розыскного кодекса – это «те самые «фантомы», которые ведут к ложному пути развития, и появлению их в науке ОРД связано с заимствованием терминов других юридических наук, то есть по аналогии УПК» [194, с. 95]. Аналогичные позиции аргументировались и рядом других ученых [193, с. 51–55; 168, с. 44].

Как мы полагаем, такое сдержанное отношение, с одной стороны, имеет объективную обусловленность в виде традиционной консервативности любых отраслей правоприменения, в которых существует четкая стандартизация процедур. С другой стороны, здесь играет немалую роль и субъективный фактор «отторжения» тех или иных новаций, эффективность которых не является очевидной. Вместе с тем, отдельные предложения, которые были сформулированы в указанном проекте, было бы целесообразно закрепить в Законе «Об ОРД» (в частности, отражение судебного порядка оценки результатов ОРД, полученных при непредвиденных обстоятельствах). Кроме того, следует учитывать, что некоторое сближение оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной

деятельности уже представлено в качестве необратимого процесса, по причине чего имеет смысл конструировать некоторые нормы оперативно-розыскного закона таким образом, чтобы имели место четкие сопоставительные моменты с уголовно-процессуальным законодательством.

В целом, следует признать, что при всей многогранности и объемности ОРД, профильные законы (как российский, так и казахстанский), регламентирующие ОРД, относятся к одним из наиболее лаконичных законодательных актов, имеющих в правовой базе обоих государств. В этом смысле необходимо признать, что данный законодательный акт (профильный закон об ОРД) в существенной степени имеет номинальный характер и фактически ориентирован не столько на действующих сотрудников оперативных подразделений, сколько на вопросы правовой оценки ОРД, ее сопоставления с иными формами деятельности, соответствия нормативных предписаний Конституции и иным законам. То есть он в большей степени определяет статус ОРД в общей структуре правоохранительной деятельности, нежели позволяет дать оценку тем или иным процедурным вопросам. Вместе с тем, в ряде случаев более подробное, постатейное регулирование даст возможность, во-первых, сформировать достаточный правовой механизм действию оперативно-розыскных служб, а, во-вторых, позволит обеспечить необходимую динамичность и наступательность в борьбе с преступностью, что позволит повысить гарантии прав граждан, которые попали в среду ОРД [234, с. 83].

О закреплении оперативно-розыскных мероприятий отдельными статьями, по аналогии с УПК, писали также В.М. Атмажитов и В.Г. Бобров, которые считали, что необходим единообразный нормативный правовой регулятор ОРД и «понимание для всех причастных ответственных органов и лиц, которые так или иначе связаны с проведением, оценкой таких оперативно-розыскных мероприятий и с использованием их результатов [70, с. 13-14]. В качестве положительного опыта можно привести пример УПК РК, который регламентирует каждый вид НСД (аналогичным по содержательному компоненту специальным оперативно-розыскным мероприятиям) в отдельных статьях, предусматривая определение

каждого в отдельности мероприятия и его содержание. Причем, несмотря на сохраняющуюся дискуссию в отношении НСД, следует признать, что с момента их появления в УПК РК в январе 2015 года, уровень раскрываемости тяжких и особо тяжких преступлений возрос (по сравнению с 2014 годом, в 2015 году раскрываемость таких преступлений повысилась на 7,1% [287]). Безусловно, в данном случае могло иметь место конъюнктурное повышение эффективности, которое нередко имеет место в связи с актуализацией того или иного вопроса, привлечением внимания к нему. Вместе с тем, на протяжении последних лет положительная динамика продолжает сохраняться. Однако в подобных случаях наиболее объективные результаты формируются исключительно на оценке правоприменения за достаточно репрезентативный период времени.

Отметим, что при проведении опроса сотрудников оперативных подразделений МВД РФ и МВД РК 65 % респондентов высказались за необходимость закрепления понятия каждого оперативно-розыскного мероприятия в самостоятельной статье оперативно-розыскного закона (Приложение № 3). Оценивая в совокупности результаты социологического исследования, а также настойчивые рекомендации теоретиков, полагаем, что необходимо на законодательном уровне произвести обособленную (в рамках самостоятельной статьи) регламентацию каждого в отдельности оперативно-розыскного мероприятия, причем, как в понятийном аспекте, так и в общих чертах регулирования оснований и условий проведения.

В предыдущих фрагментах теоретического анализа мы назвали данный процесс как преодоление анонимизации содержания оперативно-розыскных мероприятий в тексте нормативного правового акта, которая предполагает официальную и доступную для каждого трактовку имеющихся в арсенале оперативных служб ОРМ. Не следует недооценивать значимость такого решения, поскольку оно вовсе не сводится исключительно к тому, чтобы повысить уровень и интенсивность законодательной регламентации ОРМ. Подобное решение позволит осуществить защиту прав и законных интересов двоякого плана. С одной стороны, законодательная формулировка конкретного ОРМ, равно как и

обозначение наиболее значимых оснований и условий его применения позволит гражданам быть более защищенными с точки зрения представления об основных «контурах» допустимого оперативного вмешательства (безусловно, при сохранении конфиденциальности самого содержания деятельности и ее результатов). С другой стороны, для самих уполномоченных субъектов наличие соответствующих «контуров» тоже можно оценивать как фактор защищенности и снижения возможных профессиональных рисков, поскольку субъективное усмотрение играет положительную роль только в ситуациях, когда инициативность, наступательный характер ОРМ не противоречит основным параметрам законности того или иного ОРМ.

Одним из вопросов повышенной значимости является уровень законодательной регламентации таких случаев осуществления ОРМ, которые именуется как «не терпящие отлагательств». Сама сущность ОРД предопределяет то обстоятельство, что в оперативно-розыскной практике нередко имеет место необходимость быстрой реакции в отношении оперативно-тактической ситуации. Как правило, подобные ситуации связаны с тем, что некоторые материалы оперативно розыскного характера могут быть утрачены по причине потери времени, и это, в свою очередь, не позволит сотрудникам воспользоваться доказательственной базой, касающейся того или иного криминального инцидента. Несмотря на то, что непосредственно на законодательном уровне понятие «случая, не терпящего отлагательства» не конкретизируется, в целом, в теории в отношении данных ситуаций нет серьезного дискурса. Преимущественно в данном случае речь идет о ночном времени, нерабочих и праздничных днях, других ситуациях, в которых невозможно рассмотрение и принятие соответствующего организационного решения [139, с. 263]. При этом следует особо обратить внимание на то обстоятельство, что требование о санкционировании ОРМ не распространяется на случаи проведения контртеррористической операции [24].

На законодательном уровне среди стран-участниц СНГ данную норму отдельно регулирует только Закон Республики Беларусь «Об ОРД». Законодательство РФ и РК соответствующему вопросу уделяют внимание только в

рамках одной части статьи как «условий проведения оперативно-розыскных мероприятий». Несмотря на наличие самостоятельной статьи в Законе Республики Беларусь «Об ОРД», следует признать, что ее содержательный контент отличается от казахстанского и российского вариантов несущественным образом, поскольку правовая природа соответствующих решений и действий является идентичной.

Так, согласно ст. 37 Закона РБ «Об ОРД», проведение ОРМ в соответствующем безотлагательном режиме возможно «для предупреждения, выявления, пресечения тяжкого или особо тяжкого преступления, розыска и задержания гражданина, его совершившего, для предупреждения действий, которые могут привести к уничтожению предметов и документов, компьютерной информации, которые могут быть признаны вещественными доказательствами, а также при наличии сведений о событиях и действиях, создающих угрозу национальной безопасности Республики Беларусь...» [17].

Основное отличие (как от российского, так и от казахстанского варианта регламентации) заключается в следующем: оперативный сотрудник может проводить ограничивающие конституционные права личности оперативно-розыскные мероприятия в случаях, не терпящих отлагательств, по своему решению, то есть без решения руководителя; в случаях прекращения, приостановления оперативно-розыскного мероприятия, оперативный сотрудник до истечения 48 часов с момента начала его проведения представляет прокурору или его заместителю материалы ОРД, послужившие основанием для принятия решения о проведении оперативно-розыскного мероприятия без санкции прокурора или его заместителя; сведения, полученные при проведении оперативно-розыскного мероприятия, признанные необоснованными, не могут быть использованы для выполнения задач ОРД.

В данном случае, в первую очередь, обращает на себя внимание существенная дискреция оперативных сотрудников в отношении принятия решения на осуществление ОРМ. В определенном смысле такого рода дозволение не может не вызвать сомнений в его целесообразности, поскольку существенно расширяет субъективное усмотрение и ставит конституционные права и свободы

граждан в зависимость от уровня профессионализма и нравственно-этических качеств оперативного сотрудника. С точки зрения точности законодательного предписания белорусского законодателя, как нам представляется, следует обратить внимание на категоричность требования относительно того, что в случаях, когда проведение ОРМ является необоснованным, то сведения, полученные при его проведении, не могут выполнять задачи ОРД (то есть фактически не могут быть допустимы в качестве доказательств в дальнейшем).

Созвучная по правовой природе норма относительно проведения неотложных следственных действий закреплена в ч. 5 ст. 165 УПК РФ и ст. 235 УПК РК, которая предопределяет, что в случаях, когда неотложные оперативно-розыскные мероприятия признаются судьей незаконными, они являются недопустимыми в качестве доказательств. А.Е. Чечетин в своем монографическом исследовании по этому вопросу указывал, что поскольку рассматриваемая ситуация закреплена в УПК РФ, то ее целесообразно предусмотреть в ФЗ РФ «Об ОРД» [146, с. 168]. Полагаем, что это, действительно, необходимое корреспондирование, которое носит принципиальный характер, поскольку соответствующее ограничение в равной степени соотносимо как с ОРД, так и уголовно-процессуальной деятельностью. Наличие своеобразной законодательной «отмены» исключительно в нормах УПК фактически формирует нежелательное противоречие между соответствующими нормативными правовыми актами. На необходимость непосредственного упоминания в тексте профильного закона «Об ОРД» относительно того, что полученные с соответствующими нарушениями данные не могут быть использованы для реализации задач ОРД, а также в уголовном судопроизводстве, указывают и другие авторы [210, с. 114].

В казахстанском варианте регламентации основания для проведения ОРМ в ситуациях, не терпящих отлагательства, в качестве материального основания их осуществления предусматривается обстоятельства, которые могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления или преступления, совершенного преступной группой (ч. 7 ст. 12 Закона РК «Об ОРД»). Что касается российского варианта, то в ст. 8 указывается, что соответствующие решения

принимаются «в случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, а также при наличии данных о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации...» [13]. В данном случае следует выделить ряд моментов. Во-первых, казахстанский законодатель усматривает возможность безотлагательного оперативного вмешательства при возможности совершения преступления преступной группой (т.е. вне определения категории преступления). Во-вторых, в обоих вариантах нормативного закрепления имеет место смешивание обстоятельств различного порядка (категорий предотвращаемых преступлений с иными параметрами характеристики криминальных угроз). В-третьих, несмотря на оценочный характер перечисляемых в ст. 8 ФЗ РФ «Об ОРД» угроз, подобный акцент российского законодателя представляется обоснованным, реально связанным с признаком «безотлагательности» и заслуживающим учета в казахстанском профильном законе об ОРД.

Как отмечает Н.С. Железняк, буквальное толкование фразы «либо прекратить его проведение» [192, с. 6] подразумевает, что проведение неотложных оперативно-розыскных мероприятий можно прекратить, не уведомляя суд. Полагаем, что такой подход связан с необоснованным упрощением процедуры мероприятий, которые связаны с высокой степенью конфликта публичных и частных интересов, а также противоречит Конституции РФ, поскольку права и свободы гражданина могут быть ограничены только судебным решением [72, с. 39]. Исходя из этого, судебное решение (в российской модели регулирования) необходимо, независимо от того, прекращено оперативно-розыскное мероприятие или нет. В контексте казахстанского варианта законодательной регламентации имеет место иной субъект санкционирования, так как соответствующие полномочия закреплены не за судом, а за прокурором. При этом четко указывается, что «при неполучении санкции прокурора в установленный срок специальное оперативно-розыскное мероприятие подлежит немедленному прекращению» [14].

Данный вопрос имеет настолько принципиальное значение, что нередко становится предметом исследования высших судебных инстанций.

Так, в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. дано толкование положений ч. 3. ст. 8 ФЗ об ОРД, как предполагающее обязательность получения судебного решения на 48-часовой период прослушивания телефонных переговоров, проводимого в экстренном порядке по постановлению руководителя оперативно-розыскного органа. При этом обращается особое внимание на то обстоятельство, что, хотя Челябинский областной суд и был уведомлен о начале проведения оперативно-розыскных мероприятий, тем не менее, в соответствии с положениями ч. 3 ст. 8 ФЗ РФ «Об ОРД» также необходимо судебное решение о законности и обоснованности проведения ОРМ [59].

Конституционным Судом РФ также была сформулирована правовая позиция, заключающаяся в том, что проведение ОРМ, не терпящих отлагательства, в обязательном порядке предполагает, что после обязательного уведомления об этом суда (судьи), требуется разрешение вопроса об обоснованности ограничения прав граждан при их проведении, так как «иное свидетельствовало бы об отступлении от требования, установленного ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, и делало бы бессмысленным уведомление суда (судьи)...» [61]. Учитывая то обстоятельство, что Конституционный Суд РК начал работать с 1 января 2023 года (в период с 1995 по 2022 гг. функционировал Конституционный Совет РК), прямой доступ граждан к конституционному судопроизводству только получил свое оформление, по причине чего сопоставительный анализ с российской практикой в настоящее время невозможен.

Продолжая теоретический анализ исследуемого аспекта, следует признать, что не всегда можно заранее предугадать квалификацию преступления [170, с. 42], также квалификация может существенно изменяться в зависимости от полученных сведений при осуществлении следственных действий, экспертиз и из-за наступивших последствий от преступления. Очевидно, именно по этой причине авторами отдельных теоретических исследований предлагается закрепление

приблизительного перечня более или менее четких и достаточных оснований для того, чтобы признание ситуации не терпящей отлагательства (в рамках соответствующих материальных оснований, установленных в профильном законе «об ОРД») было более детализировано в практическом аспекте [180, с. 146].

Таким образом, в контексте регламентации ОРМ, осуществляемых в ситуациях, не терпящих отлагательств, требуется принятие отдельных решений, которые бы позволили конкретизировать основания и условия инициирования и проведения соответствующих ОРМ. Во-первых, требуется непосредственно в соответствующих статьях российского и казахстанского профильного закона «Об ОРД» включить корреспондирующую с УПК норму, согласно которой «сведения, полученные при проведении оперативно-розыскного мероприятия, признанные в последующем необоснованными, не могут быть использованы для выполнения задач ОРД и в уголовно-процессуальной деятельности». Во-вторых, наличие указания только на материальные основания возможности проведения ОРМ в ситуациях, не терпящих отлагательства (тяжкое или особо тяжкое преступление и др. ситуации, которые вариативно указаны в соответствующих национальных нормативных правовых актах) является недостаточным для того, чтобы более или менее четко ориентировать оперативных сотрудников, что требует установления приблизительного перечня в ведомственных документах (инструкциях, приказах и т.д.). Несмотря на то обстоятельство, что и в российском, и в казахстанском варианте регламентации имеется указание на то, что постановление о проведении оперативно-розыскного мероприятия в безотлагательном режиме оформляется мотивированным постановлением руководителя оперативного подразделения, всегда имеются риски ошибочно принятых решений. В данном случае уточнение оснований (в рамках отдельных инструкций), равно как гарантия самостоятельности руководителя оперативного подразделения (отсутствие дисциплинарного реагирования при ошибочном решении) позволят упорядочить соответствующую деятельность.

Неоднократно отмечено, что к настоящему времени имеются выраженные тенденции к тому, чтобы ОРД как самостоятельный вид правоохранительной

деятельности приближалась как с точки зрения функционального компонента, так и с позиции специфики правового регулирования к иным видам деятельности, сопряженным с противодействием преступности (уголовно-процессуальной деятельностью). В этом смысле возникает вопрос о необходимости выраженного обособления норм, касающихся проведения ОРМ в отношении лиц, обладающих неприкосновенностью.

Так, глава 52 УПК РФ и глава 57 УПК РК предусматривают особенности производства по уголовным делам в отношении лиц, обладающих привилегиями и иммунитетом. УПК, однако, может лишь определять процессуальный статус этих лиц. При этом следует учитывать, что УПК и оперативно-розыскной закон имеют самостоятельные предметы регулирования, поскольку они регламентируют различные по своей природе, хотя и взаимосвязанные между собой общественные отношения. Следовательно, при определении оснований и условий осуществления оперативно-розыскных мероприятий необходимо руководствоваться положениями оперативно-розыскного закона [139, с. 269]. Иными словами, применение метода аналогии в данном случае было бы ошибочным, хотя во многом правовая природа подхода к решению соответствующего вопроса имеет схожие предпосылки.

В целом, необходимость выделения особых правил ОРМ (равно как следственных действий) в отношении лиц, пользующихся неприкосновенностью, объясняется тем, что соответствующие нормы направлены на защиту авторитета и стабильности государственной власти в целом. То есть в данном случае речь идет не о персональной «элитарности» соответствующих должностных лиц, а лишь об учете того, что на момент возникновения необходимости проведения ОРМ или осуществления уголовного преследования данные лица имели определенный должностной статус. В этом смысле полагаем, что следует избегать абсолютизации «иммунитетных» норм и применять их только в том объеме, который необходим для обеспечения указанных выше задач.

В ч. 1 ст. 8 ФЗ РФ «Об ОРД» предусмотрено, что должностное и социальное положение лиц не является препятствием для проведения оперативно-розыскных мероприятий, исключением являются случаи, непредусмотренные федеральным

законом; соответствующее исключение сформулировано аналогично и в Законе РК «Об ОРД». Так, в ч. 7 ст. 12 Закона РК «Об ОРД» законодателем предусмотрено, что специальные оперативно-розыскные мероприятия в отношении судьи могут быть проведены только с санкции Генерального прокурора.

В своих исследованиях А.Е. Чечетин предлагал выделить соответствующие предписания в качестве самостоятельной статьи [234, с. 86-87]. Предлагаемая к конструированию авторская норма состоит из двух частей. В первой части указывается, что в уголовном судопроизводстве для проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих неприкосновенность лиц, обладающих иммунитетом, требуется решение судьи либо коллегии судей, указанное в ч. 1 ст. 448 УПК РФ. Во второй части автор отмечает, что при возбуждении уголовного дела в отношении данных лиц, оперативно-розыскные мероприятия осуществляются на общих основаниях. Мнение автора логично, так как указанная норма в ФЗ РФ «Об ОРД» является одним из принципов Конституции, который предусматривает равенство всех перед законом и судом. Поскольку в данной норме речь идет о принципах, а не об условиях проведения мероприятий. Также по принципу равенства перед законом и судом многие специалисты в ОРД отмечают, что проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, к которым предусмотрен особый порядок, не должно превращаться в личную привилегию [176, с. 20; 139, с. 269].

К.К. Горяинов и В.С. Овчинский полагают, что санкционировать оперативно-розыскные мероприятия в отношении лиц, пользующихся иммунитетом, вправе только соответствующий судья Верховного Суда РФ, Верховного суда республики, краевого или областного суда [139, с. 269]. В свою очередь, С.И. Захарцев полагает, что в отношении лиц, обладающих неприкосновенностью, оперативно-розыскные мероприятия необходимо проводить без каких-либо легитимных ограничений как до, так и во время возбуждения уголовного дела, утверждая, что «неприкосновенность категорично нельзя путать с бесконтрольностью» [103, с. 74].

В.А. Лаврентьев определяет понятие «оперативно-розыскной иммунитет» как «законодательно урегулированные дополнительные правовые гарантии защищенности отдельных категорий лиц, выполняющих значимые государственные или общественные функции, выражающиеся в исключительном порядке осуществления в отношении них оперативно-розыскной деятельности» [200, с. 121]. В отдельных публикациях условия проведения ОРМ в отношении лиц, пользующихся неприкосновенностью, именуются как специальные условия их осуществления. При этом отсутствие четкого определения оперативно-розыскного иммунитета непосредственно в тексте профильного закона «Об ОРД» (в целом, это утверждение справедливо и для российской, и для казахстанской модели регулирования) приводит к тому, что имеются искажения как в правоприменительной деятельности, так и в рамках теоретических трактовок. Так, в частности, А.В. Федоров в середине 90-х годов XX века указывал, что практически полное отсутствие оперативно-розыскной деятельности в отношении прокурорских работников объясняется тем, что отсутствует нормативное регулирование вопроса [272, с. 14-15]. В публикации В.Ф. Луговика, В.А. Лаврентьева по данному вопросу более открыто признается, что причина неформального оперативно-розыскного иммунитета прокурорских работников связана с организационными аспектами (доступ к делам оперативного учета), в том числе, с вопросами ведомственного подчинения сотрудников оперативных подразделений прокуратуре. При этом авторы приходят к выводу, что никакого оперативно-розыскного иммунитета у прокурорских работников нет (при формально-юридической оценке данного вопроса), а оперативно-розыскные мероприятия в отношении них могут реализовываться на общих основаниях [201, с. 93].

В отношении оперативно-розыскного иммунитета работников прокуратуры в РК (его наличия или отсутствия) решение вопроса является гораздо более затруднительным. Здесь мы вплотную подходим к тому, что специфика санкционирования отдельных видов оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, в России и Казахстана

неизбежно отражается и на возможности признания оперативно-розыскного иммунитета.

Так, в законодательной модели РФ санкционирование оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, осуществляется судом, а в РК (данные оперативные мероприятия именуется как специальные) санкционирование осуществляется прокурором. При этом, согласно ч. 7 ст. 16 Закона РФ от 26 июня 1996 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», определяется порядок осуществления оперативно-розыскных мероприятий в отношении судей (коллегиальное судебное санкционирование).

В ч. 7 ст. 12 Закона РК «Об ОРД» предусматривается санкционирование специальных оперативно-розыскных мероприятий в отношении судьи (любого уровня, включая судей Конституционного Суда) Генеральным прокурором. При этом в отношении самих сотрудников прокуратуры, которые имеют полномочия в отношении санкционирования специальных оперативно-розыскных мероприятий, вопрос о наличии (отсутствии) оперативно-розыскного иммунитета никак не решен. В данном случае на первый план выходит не решение вопроса о предпочтительности той или иной формы санкционирования – судебной или прокурорской, - а о том, что в оперативно-розыскной деятельности в рамках казахстанского профильного закона «Об ОРД» обнаруживается явный конфликт интересов, связанный с тем, что в отношении прокурорских работников как специальных субъектов санкционирования ОРМ фактически отсутствуют оговорки, касающиеся специфики проведения данных мероприятий в отношении них самих. Причем, данный вопрос не решен также и в Конституционном законе РК «О прокуратуре» [34].

Поскольку в самом профильном законе «Об ОРД» (как российском, так и казахстанском) соответствующие отсылки, касающиеся оперативно-розыскного иммунитета, отсутствуют, нельзя даже утверждать, что перечень лиц, в отношении которых он имеет место, является по своей природе бланкетным. Фактически в данном случае следует обращаться к нормам Конституции, а также «статусных» законодательных актов, в которых содержатся элементы регулирования правового

статуса отдельных должностных лиц, в том числе и специфика их оперативно-розыскного иммунитета (в частности, депутатов, судей, прокуроров и т.д.). Вместе с тем, как совершенно справедливо отмечают исследователи, согласно рассредоточенным нормам в законодательстве, оперативно-розыскной иммунитет имеет место в отношении и иных категорий лиц (гораздо реже упоминаемых), в частности, в отношении адвокатов. Так, в частности, в специальных публикациях на основе анализа законодательства, касающегося статуса адвокатов и адвокатской деятельности, делается вывод о том, что «в настоящее время можно выделить два основных направления реализации оперативно-розыскного иммунитета адвоката: 1) оперативно-розыскной иммунитет, устанавливающий особый порядок проведения ОРМ в отношении адвоката; 2) оперативно-розыскной иммунитет, содержащий запрет на привлечение адвоката к конфиденциальному сотрудничеству с органами, осуществляющими ОРД» [183, с. 92].

Вместе с тем, практика Конституционного Суда РФ свидетельствует о том, что трактовка оперативно-розыскного иммунитета адвоката имеет свою специфику, которая отличает его от иммунитета иных должностных лиц. Данная специфика заключается в том, что ограничением на проведение ОРМ в отношении адвокатов, требующие соблюдения особого порядка, связаны исключительно с защитой конституционных прав граждан в связи с оказанием квалифицированной юридической помощи, то есть с теми сведениями, которые можно определить как «адвокатскую тайну» [60]. Таким образом, если необходимость проведения ОРМ в отношении адвоката имеет место в связи с совершенным им преступлением, то вопрос об оперативно-розыском иммунитете не должен возникать. Вместе с тем, действующая редакция ч. 3 ст. 8 ФЗ РФ от 31 мая 2002 года «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» содержит указание на то, что «проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения» [35]. Фактически данное положение схоже и с тем, которое содержится в ст. 16 Закона РФ от 26 июня 1992 года № 3132-

1 «О статусе судей в Российской Федерации» за исключением более детальной регламентации санкционирования проведения ОРМ в отношении судей [36]. При этом следует отметить, что в Законе РК от 5 июля 2018 года № 176-VI «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» указаний на специфику производства ОРМ в отношении адвокатов вообще не упоминается, что следует отнести к пробелам казахстанского законодательства.

Таким образом, необходимо признать, что имеет место ситуация, в которой ФЗ РФ «Об ОРД» и Закон РК «Об ОРД» фактически лишены (за исключением фрагментарных включений в Законе РК «об ОРД») оформленного института оперативно-розыскного иммунитета. Как совершенно справедливо указывает по данному вопросу В.Ф. Луговик, прямая аналогия оперативно-розыскного иммунитета с его трактовкой в нормах уголовно-процессуального законодательства является нежелательной ввиду различных целей соответствующих видов деятельности. При этом автор критично воспринимает неформальные виды оперативно-розыскного иммунитета, складывающиеся в повседневной деятельности оперативных подразделений, предлагая непосредственно в законодательстве закрепить перечень ОРМ, осуществление которых в отношении лиц, пользующихся неприкосновенностью, должно иметь особый характер [202, с. 4]. Вместе с тем, В.Ф. Луговик фактически не исключает экстраполяцию уголовно-процессуального иммунитета на сферу оперативно-розыскной деятельности (что следует из использования им термина «лица, пользующиеся неприкосновенностью»). Однако исходя из всех приведенных аргументов, сфера оперативно-розыскного иммунитета должна иметь более ограниченный характер.

Необходимо конструирование самостоятельной статьи (по аналогии с уголовно-процессуальным законодательством), в которой был бы перечень основных субъектов «оперативно-розыскного иммунитета». В частности, следует учесть специфику оперативно-розыскного иммунитета адвоката, поскольку его иммунитет должен ограничиваться исключительно фактором формирования материалов защиты в отношении лиц, в отношении которых они осуществляют

данную функцию. Кроме того, в контексте казахстанского профильного закона «Об ОРД» следует прозрачным образом решить вопрос относительно специфики проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении прокуроров как субъектов санкционирования соответствующей деятельности.

Проблемой, требующей разрешения, является также и то обстоятельство, что в ФЗ РФ «Об ОРД» отсутствуют нормы, регламентирующие правомерность (неправомерность) того или иного вида принуждения, в связи с чем оперативные сотрудники нередко сталкиваются с проблемой поиска необходимой и достаточной правовой основы для осуществления своих действий. Как указывают исследователи, зачастую, для обхода данной проблемы сотрудники применяют административные процедуры [230, с. 130]. Однако, такой подход трудно признать правомерным. В частности, об этом свидетельствует определение Конституционного суда РФ по жалобе гражданина Кучера А.В. на нарушение его конституционных прав, в котором отмечено, что ФЗ РФ «Об ОРД», определяющий содержание ОРД, осуществляемый на территории РФ и закрепляющий систему гарантий законности при проведении ОРМ, не регламентирует процедуры задержания и личного досмотра. Тем самым, административное задержание и досмотр могут иметь место в порядке и по основаниям, установленным КоАП РФ, а задержание и личный обыск подозреваемого (обвиняемого) – УПК РФ [64].

Исследуя законодательный опыт стран-участниц СНГ, следует отметить, что ни в одном оперативно-розыскном законе нет закрепленных норм по применению принудительных мер. Однако можно выделить Закон РК «Об ОРД», в котором данные меры фактически включены в качестве отдельных оперативно-розыскных мероприятий. Ими являются: преследование лица, готовящего, совершающего или совершившего преступление, и его задержание (п. 15 ч. 2 ст. 11); осуществление с участием понятых личного досмотра задержанных лиц, изъятия находящихся при них вещей и документов, могущих относиться к преступной деятельности, а также досмотра жилых помещений, рабочих и иных мест, досмотра транспортных средств (п. 16 ч. 2 ст. 11); проведение операций по захвату вооруженных преступников (п. 17 ч. 2 ст. 11). Таким образом, решение казахстанского

законодателя в данном вопросе представляется своего рода компромиссом: не определяя допустимость и специфику принуждения в рамках ОРД, используется прием фиксации принудительных мер в рамках перечня оперативно-розыскных мероприятий общего характера (т.е. не требующих санкционирования). При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что текстуально они оформлены таким образом, чтобы иметь возможность обособления их от аналогичных принудительных мер, применяемых в рамках КоАП или УПК.

Следует в обязательном порядке учитывать, что каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ, ст. 16, 17 Конституции РК), право на свободу передвижения (ст. 27 Конституции РФ, ст. 21 Конституции РК), которые при досмотре, задержании и изъятии, ограничиваются. С другой стороны, невозможно проводить проверочную закупку, гласное обследование, оперативный эксперимент и другие оперативно-розыскные мероприятия без принудительных мер. Это, большей частью свидетельствует не о том, что данные процедуры распространены в деятельности оперативных сотрудников, а о том, что их осуществляют в рамках оперативно-розыскной компетенции для решения задач ОРД [236, с. 138].

Подобный опыт законодательного решения предлагали Н.С. Железняк [98, с. 324-352] и В.Ф. Луговик [203, с. 75], причисляя к необходимым принудительным мерам оперативное задержание; оперативный досмотр; оперативное вхождение (проникновение) в жилые и иные помещения, на земельные участки, территории, в транспортные средства и другие к «иным» оперативно-розыскным мероприятиям.

Полагаем, что решение казахстанского законодателя, в целом, может быть принято за основу, однако с той оговоркой, что принудительные меры и ОРМ должны подлежать необходимому размежеванию. Во-первых, сама природа ОРМ заключается в том, чтобы установить какие-либо факты (информацию) и использовать ее для достижения целей ОРД; в этом смысле принудительные меры имеют исключительно обеспечительный, а не поисково-выявительный характер. Во-вторых, если проводить необходимые параллели с применением мер

принуждения в рамках КоАП или УПК, то следует признать, что они имеют иной характер, нежели иные действия, осуществляемые в рамках производства по делам об административном правонарушении или уголовного преследования. Как в случае административно-правового принуждения, так и в случае уголовно-правового принуждения имеет место факт совершения правонарушения (преступления) или достаточные основания полагать, что данное правонарушающее поведение имело место. Как справедливо отметил Е.Ю. Дорош, особенность принуждения при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий не урегулированы правом, по причине чего «...в полной мере относить их к мерам государственного принуждения мы не можем» [189, с. 139-143].

В этом смысле прав А.Ю. Шумилов, который считает, что принуждение в ОРД является оперативно-розыскной мерой [155, с. 10]. Здесь можно обоснованно отметить стоящий особняком опыт регулирования в Республике Таджикистан, где в профильном законе «Об ОРД», наряду с ОРМ содержится перечень так называемых «оперативно-розыскных действий», к которым относятся: блокирование, засада, захват, погоня и прочесывание местности, которые «направлены на пресечение преступлений и (или) задержание лица, подготавливающего, совершающего или совершившего преступление» (ч. 3 ст. 6) [15].

Действительно, существующая правовая база как в России, так и в Казахстане, практически не содержит каких-либо четких формулировок относительно возможности применения принудительных мер в рамках ОРД (очевидно, именно по этой причине казахстанский законодатель пошел по пути причисления соответствующих мер к разновидности оперативно-розыскных мероприятий). В частности, в ст. 17 ФЗ РФ «О полиции» указывается, что «в порядке, установленном законодательством об административных правонарушениях, полиция вправе осуществлять личный досмотр граждан, досмотр находящихся при них вещей, а также досмотр их транспортных средств при наличии данных о том, что эти граждане имеют при себе оружие, боеприпасы,

патроны к оружию, взрывчатые вещества, взрывные устройства, наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры либо ядовитые или радиоактивные вещества, изымать указанные предметы, средства и вещества при отсутствии законных оснований для их ношения или хранения; принимать участие в досмотре пассажиров, их ручной клади и багажа на железнодорожном, водном или воздушном транспорте, метрополитене либо осуществлять такой досмотр самостоятельно в целях изъятия вещей и предметов, запрещенных для перевозки транспортными средствами» [20]. В данном случае имеется четкая оговорка относительно того, что соответствующие меры применяются исключительно по делам об административных правонарушениях, что фактически провоцирует сотрудников оперативных подразделений на то, чтобы осуществлять некоторые «правоприменительные имитации» (в частности, применять указанные меры под предлогом совершенного административного правонарушения).

Отдельные фрагментарные элементы нормативного закрепления принудительных мер непосредственно в рамках ОРД, безусловно обнаруживаются и в российском варианте регламентации. Так, к примеру, лица, осуществляющие ОРД, наделены определенными правами, которые содержат в себе признаки принудительных мер (производство при проведении ОРМ изъятия предметов и документов; прерывание предоставления услуг связи в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица, угрозы государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности РФ. Причем, соответствующие права могут быть в полной мере реализованы при проведении как гласных, так и негласных ОРМ (ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об ОРД»). В данном случае следует особо отметить, что принудительные правомочия фактически включены в структуру прав сотрудников оперативных подразделений, наряду с иными, не имеющими явного принудительного характера мерами. Учитывая то обстоятельство, что отдельные принудительные меры предусмотрены в Законе РК «Об ОРД» в рамках общих ОРМ, в структуре прав сотрудников оперативных подразделений аналогичные принудительные правомочия не предусмотрены.

Отдельные фрагменты нормативного регулирования принудительных мер в рамках осуществления ОРМ имеют место и в других нормативных правовых актах. В частности, в соответствии с уже упомянутым ФЗ РФ «О полиции», сотрудники оперативных подразделений ОВД имеют право «требовать от граждан (групп граждан) покинуть место совершения преступления, административного правонарушения, место происшествия, если это необходимо для проведения следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, документирования обстоятельств совершения преступления» (п. 7 ст. 13); ограничивать или запрещать движение транспорта и пешеходов, если это необходимо для проведения оперативно-розыскных мероприятий (ч. 3 ст. 16) и некоторые другие. Несмотря на то, что в данных нормах обнаруживается, скорее контекстуальная возможность трактовать их в качестве принудительных мер в рамках ОРД, они, на наш взгляд, по своей природе относятся именно к подобным мерам. Соответственно, весь механизм допустимого принуждения в рамках ОРД фактически имеет рассредоточенный характер и синтезируется за счет соединения всех доступных форм принуждения, разрешенных в нормах законодательства. Как указал по этому поводу В.А. Гусев, в целом ряде случаев оперативному сотруднику приходится прибегать к своего рода трансформации статуса, когда недостаток полномочий в рамках профильного законодательства компенсируется за счет использования законов, касающихся общих полномочий ОВД [187, с. 40-45]. При этом, как совершенно справедливо отметил А.Е. Чечетин, вопросы принуждения в ОРД стали приобретать актуальность и потребность в детальной регламентации в связи с тем, что возникла практика расширения принудительного элемента в рамках ведомственных документов, что вызвало отрицательную оценку со стороны высших судебных инстанций и росту числа злоупотреблений [229, с. 37-42].

Очевидно, именно по указанным причинам проблема правового регулирования принуждения в ОРД неизменно привлекает к себе внимание специалистов [90, с. 286; 216, с. 94; 230, с. 130-133]. В частности, автор ранее уже упомянутого проекта оперативно-розыскного кодекса В.Ф. Луговик предусмотрел в структуре оперативно-розыскного отношения принудительные меры [115, с. 54-

59]. В свою очередь, А.Е. Чечетин предлагает решить проблему путем незамедлительного решения о возбуждении уголовного дела и производстве, в порядке ст. 157 УПК РФ, неотложных следственных действий [230, с. 131]. Как указывает автор, «на сегодняшний день полномочия оперативных подразделений, являющихся одновременно органами дознания, которые предоставлены им ст. 157 УПК РФ, практически не используются в силу надуманных, на наш взгляд, административных ограничений» [230, с. 131]. Соответственно, акцентируется внимание на том обстоятельстве, что далеко не весь объем принудительного воздействия, доступный в рамках уголовно-процессуальной деятельности, не только не доступен, но и не допустим в структуре оперативно-розыскной деятельности.

В недавних публикациях приводятся результаты социологического исследования, проведенного среди оперативных сотрудников на предмет их отношения к достаточности существующих законодательных решений относительно принудительных мер в ОРД. В частности, как указывает Е.Ю. Дорош, «80,0% опрошенных сотрудников, которые отметили необходимость урегулирования вопросов задержания при проведении ОРМ, 64,5% - необходимость упорядочивания личного досмотра, 63,7% - доставления, 56,5% - проникновения в жилые и иные помещения, на участки местности, проникновения в транспортные средства, 42,7% - изъятия предметов и документов, 33,9% - блокирования участков местности, 11,3% - прерывание предоставления услуг связи. При этом, 79,8% респондентов высказалось за необходимость внесения изменений в ФЗ «Об ОРД» норм, регламентирующих меры оперативно-розыскного принуждения...» [190, с. 75].

Одним из принципиальных отличий, имеющих место в законодательной практике России и Казахстана, является то обстоятельство, что в Казахстане с принятием УПК 2014 года фактически произошел отказ от стадии возбуждения уголовного дела, в силу чего начальным моментом досудебного расследования является факт поступления сообщения об уголовном правонарушении и его регистрации в ЕРДР (Едином реестре досудебных расследований) [51]. Безусловно,

это определенным образом решает проблему доступности принудительного арсенала средств для сотрудников оперативных подразделений, хотя и не решает ее в полном объеме, т.к. только лишь сокращает некоторые ограничения, связанные с временем предварительной проверки сообщения о преступлении (сохранена в РФ).

Таким образом, ни российская, ни казахстанская действующая модель регламентации ОРД не содержит к настоящему времени удовлетворительного решения вопроса относительно допустимости и границ принуждения при осуществлении данной деятельности. Синтетический подход к использованию норм всего действующего законодательства, предполагающих допустимые основания для применения принуждения в рамках осуществления ОРМ, имеет явные недостатки. Казахстанская практика фиксации принудительным мер в рамках отдельных общих оперативно-розыскных мероприятий, равно как и фиксация принудительных полномочий в структуре прав сотрудников оперативных подразделений, предусмотренная ФЗ РФ «Об ОРД», являются лишь фрагментарным решением вопроса. Весь комплекс выработанных к данному времени предложений исследователей сводится к преобладанию аргументов относительно необходимости четкого обособления принудительных мер в рамках профильного законодательства об ОРД. Однако данный подход также имеет риски того, что законодательный учет возможных мер принудительного воздействия может оказаться неполным, что вновь потребует обращения к иным законодательным актам. В силу чего в качестве альтернативного варианта законодательного решения может быть более востребован метод «отрицательного признака», когда непосредственно в профильном законе об ОРД будет перечислены меры принуждения, которые недопустимы в рамках осуществления оперативно-розыскных мероприятий (соответственно, все остальные принудительные меры будут презюмироваться как допустимые).

Таким образом, по результатам проведенного исследования в рамках данного параграфа, основными выводами являются следующие:

Во-первых, динамика оперативно-розыскной деятельности предполагает и динамику подходов (теоретических моделей) построения оперативно-розыскного законодательства. Необходимость частичного преодоления анонимизации отдельных понятий и категорий, связанных с осуществлением оперативно-розыскных мероприятий (определения понятия ОРМ, типичных методов их проведения, дефинитивное определение каждого отдельного ОРМ и т.д.) не может сопровождаться чрезмерным раскрытием на уровне закона специальных процессуальных и тактических вопросов ОРД. То есть оптимальная модель оперативно-розыскного законодательства должна быть построена по принципу «золотой середины», лишенной чрезмерной анонимизации, равно как и защищенной от обнаружения методов, приемов работы, непосредственно характеризующих ОРД.

Во-вторых, основными элементами рекомендуемой модели оперативно-розыскного законодательства России и Казахстана являются: закрепление определения оперативно-розыскного мероприятия в оперативно-розыскных законодательствах Российской Федерации и Республики Казахстан для разграничения его от других смежных действий; закрепление отдельных статей с уточнением содержательной конструкции, оснований и условий применения каждого ОРМ. В качестве специальных вопросов, которые требуют нового решения на уровне российского и казахстанского профильного законодательства об ОРД, отнесены: 1) обособление института осуществления ОРМ в случаях, не терпящих отлагательства; 2) синтез основных положений, касающихся оперативно-розыскного иммунитета в рамках отдельной статьи профильного закона об ОРД; 3) закрепление положений, касающихся принудительных мер в оперативно-розыскных законодательствах Российской Федерации и Республики Казахстан.

В-третьих, для нейтрализации рисков снижения инициативности, а также применения мер дисциплинарной и иной правовой ответственности к руководителям оперативных подразделений, требуется уточнение оснований (в рамках отдельных инструкций), по факту которых допускается проведение оперативно-розыскных мероприятий в случаях, не терпящих отлагательств.

В-четвертых, при конструировании самостоятельной статьи (по аналогии с уголовно-процессуальным законодательством), в которой был бы перечень основных субъектов «оперативно-розыскного иммунитета», следует исходить из основополагающего принципа, что он по своему объему должен быть гораздо более ограниченным, нежели уголовно-процессуальный иммунитет. При этом следует учесть специфику оперативно-розыскного иммунитета адвоката и его ограниченность исключительно обстоятельствами, составляющими адвокатскую тайну. Для казахстанского законодателя весьма востребовано решение относительно прозрачности проведения специальных оперативно-розыскных мероприятий в отношении прокурорских работников, поскольку именно они являются субъектами санкционирования данного вида ОРМ, что свидетельствует о возможности специфического конфликта интересов.

В-пятых, до настоящего времени вопрос относительно законодательной фиксации мер принудительного характера в законодательстве об ОРД не решен, равно как сами вопросы допустимости и границ применения данных мер. В качестве альтернативного варианта законодательного решения может быть более востребован метод «отрицательного признака», когда непосредственно в профильном законе об ОРД будет перечислены меры принуждения, которые недопустимы в рамках осуществления оперативно-розыскных мероприятий (соответственно, все остальные принудительные меры будут презюмироваться как допустимые).

§ 2. Совершенствование законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий, основанных на ограничении конституционных прав личности

В общей системе оперативно-розыскных мероприятий, которые осуществляются для достижения целей и задач ОРД, мероприятиям, непосредственно затрагивающим конституционные права и свободы граждан, всегда уделяется повышенное внимание. К соответствующим оперативно-

розыскным мероприятиям, требующим, согласно ФЗ РФ «Об ОРД», судебного решения, относятся: 1) обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; 2) контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; 3) прослушивание телефонных переговоров; 4) снятие информации с технических каналов связи; 5) получение компьютерной информации. Данный перечень в контексте ФЗ РФ «Об ОРД» формируется исключительно логическим путем (в частности, исходя редакции ст. 8 ФЗ РФ «Об ОРД»), поскольку в российском законе используется метод сплошного перечисления ОРМ.

Аналогично, к специальным оперативно-розыскным мероприятиям (их правовой режим, как мы уже указывали, является схожим), предусмотренным Законом РК «Об ОРД», требующим прокурорского решения, относятся: 1) негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места; 2) негласный контроль, перехват и снятие информации, передающиеся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи; 3) негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; 4) негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации; 5) негласный контроль почтовых и иных отправлений; 6) негласные проникновение и (или) обследование места (Приложение № 2).

Объединяющим для всех перечисленных ОРМ (с учетом национальной специфики законодательной фиксации) является то обстоятельство, что они ограничивают конституционные права личности в наибольшей степени. Как мы уже указывали, ОРД, в целом, сопряжена с конфликтом публичных и частных интересов, однако в рамках данных ОРМ данный конфликт приобретает критический объем. Обращает на себя внимание, что уровень правосознания оперативных сотрудников как России, так и Казахстана, в целом, можно признать удовлетворительным, поскольку 78,8 % указали, что вышеуказанные мероприятия ограничивают конституционные права личности в сравнении с остальными мероприятиями (хотя, по смыслу вопроса, полученный результат должен был

близок к 100 %) (Приложение № 3). Данное понимание является весьма значимым с точки зрения ранее отмеченных нами аксиологических аспектов ОРД, поскольку наличие соответствующей субъективной установки со стороны сотрудников оперативных подразделений является необходимой гарантией для того, чтобы соответствующие ОРМ проводились надлежащим образом.

Первым мероприятием в списке ФЗ РФ «Об ОРД», ограничивающим конституционные права личности, закреплено *«обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств»*. Необходимо отметить, что данное мероприятие носит гласный, зашифрованный и негласный характер [122, с. 103]. Исходя из названия, определяющим содержание данного ОРМ является слово «обследование», которое осуществляется в отношении ограниченного круга объектов. Из этого следует, что в отношении других объектов, не входящих в закрепленный перечень, у сотрудников должны возникать сомнения относительно законности проведения соответствующего ОРМ (хотя, следует признать, что он охватывает максимально возможное количество объектов). Полагаем, что для уточнения названия данного ОРМ целесообразно использовать привычное название одного из традиционных методов «оперативный осмотр», в котором термин «осмотр» является синонимом термину «обследование» [69, с. 279].

В Законе РК «Об ОРД» оперативно-розыскное мероприятие «негласные проникновение и (или) обследование места» можно считать аналогичным мероприятию «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» в ФЗ РФ «Об ОРД». Однако исходя из самой дефиниции очевидно, что данное мероприятие носит только негласный характер. Соответственно, закономерно возникает вопрос о законности проведения гласного или зашифрованного «обследования» как отдельного ОРМ в Казахстане.

В ст. 11 Закона РК «Об ОРД» мероприятием, схожим с гласным обследованием, является «осуществление с участием понятых личного досмотра задержанных лиц, изъятия находящихся при них вещей и документов, могущих относиться к преступной деятельности, а также досмотр жилых помещений,

рабочих и иных мест, досмотр транспортных средств». Обращаясь к теоретическим аспектам, исследованным в предыдущем параграфе, считаем необходимым произвести акцент на том обстоятельстве, что в указанном ОРМ присутствуют принудительные меры (личный досмотр, задержание, изъятие), которые в рамках данного ОРМ закрывают вопрос о правомерности применения принуждения при проведении данного оперативно-розыскного мероприятия. Профессор Н.С. Железняк назвал данное мероприятие, предусмотренное Законом РК «Об ОРД» более «продвинутым» с позиции эффективного решения задач ОРД в сравнении с помещенным в российском законе [99, с. 73]. При этом также следует отметить, что Закон РК «Об ОРД» в отношении данного оперативно-розыскного мероприятия содержит оговорку, что оно может осуществляться и без понятых в случае проведения антитеррористической операции.

Вместе с тем, в контексте данного оперативно-розыскного мероприятия, предусмотренного в Законе РК «Об ОРД», возникают определенные вопросы, связанные с его отнесением к системе общих оперативно-розыскных мероприятий, то есть не требующих специального санкционирования (в отличие от российского варианта регламентации, согласно которому ограничение права на неприкосновенность жилища всегда предполагает необходимость судебного санкционирования). Очевидно, в данном случае допустимость проведения данного оперативно-розыскного мероприятия без соответствующего санкционирования казахстанский законодатель связывает с обязательным участием понятых. Здесь следует отметить, что российский законодатель непосредственно в ФЗ РФ «Об ОРД» указание на обязательное привлечение понятых не использует, хотя, согласно ч. 1 ст. 17 и предполагается возможность привлечения на добровольной основе лиц при подготовке и проведении ОРМ.

При этом следует отметить, что до 2009 года соответствующее оперативно-розыскное мероприятие, согласно действующей редакции Закона РК «Об ОРД», проводилось без участия понятых, и только Законом РК от 17 июля 2009 г. № 187-IV были внесены соответствующие изменения [42]. По всему тексту казахстанского закона отсутствуют какие-либо дополнительные условия,

связанные с участием понятых в данном ОРМ, равно как и ни в одном другом ОРМ их участие не предусмотрено.

В российской науке вопрос относительно целесообразности использования понятых до настоящего времени не получил однозначной оценки. В ряде работ подчеркивается, что фактически сама практика судов детерминирует то обстоятельство, что оперативные работники прибегают к удостоверению мероприятия с помощью привлечения понятых [106, с. 20]. В более ранних работах имеется категоричное отрицание возможности участия понятых, поскольку это противоречит самому содержанию оперативно-розыскной деятельности [91, с. 84]. Высказываются также мнения, что использование понятых при осуществлении ОРМ является прямым заимствованием из уголовно-процессуальной деятельности, при этом данный институт, в целом, давно должен быть признан анахронизмом [255, с. 81]. В свете приведенных доводов, полагаем, что использованный казахстанским законодателем «компромиссный» вариант, призванный преодолеть запрет на ограничение конституционного права на неприкосновенность жилища без соответствующего санкционирования, является не вполне благополучным решением.

Возникают вопросы относительно термина «личный досмотр», так как в Законе РК «Об ОРД» отсутствует как определение данного понятия, так и допустимая отсылка к нормам других нормативных правовых актов. Так, в Кодексе Республики Казахстан «Об административных правонарушениях» (далее – КоАП РК) под «личным досмотром» понимается «принудительное обследование тела человека и его одежды в целях выявления и предупреждения правонарушений, обнаружения и изъятия документов, вещей и других предметов, явившихся орудием совершения либо предметом административного правонарушения» [12].

Второй вопрос возникает относительно необходимости конкретизации понятия «досмотр жилых помещений, рабочих, иных мест и транспортных средств». В КоАП РК предусмотрена самостоятельная статья, регламентирующая процедуру досмотра транспортных средств, однако по отношению к жилым помещениям соответствующего порядка не предусмотрено (что, очевидно,

обусловлено именно наличием запрета на ограничение соответствующего конституционного права без санкции). Данные обращения к нормам КоАП, в целом, условны, поскольку имеют целью исключительно указание на имеющие место аналоги в структуре нормативной правовой регламентации. Безусловно, прямая проекция в данном случае невозможна, поскольку КоАП регламентирует общественные отношения отличного свойства, чем те, которые складываются в рамках ОРД.

Некоторые ученые полагают, что досмотр и осмотр являются синонимичными понятиями [128, с. 150-152]. Полагаем, что с такой постановкой вопроса нельзя согласиться в полной мере, поскольку досмотр, прежде всего, подразумевает обязательное и более тщательное обследование вещей, проводимое без нарушения их конструктивной целостности, а осмотр предполагает визуальное обследование. Кроме того, на наш взгляд, что в наименовании данного мероприятия целесообразно использовать термин «оперативный досмотр», что позволит в большей степени обособить его от смежных мероприятий в рамках деятельности иного отраслевого назначения (в частности, регламентируемой КоАП). Обращает при этом на себя внимание то обстоятельство, что несмотря на то, что Закон РК «Об ОРД» включает перечень понятий, используемых в данном законе, понятие «досмотр» в нем не приводится и соответствующее ОРМ никак не конкретизируется.

Возвращаясь к анализу ОРМ, именуемого «негласное проникновение и (или) обследование места» (казахстанский вариант), которое аналогично с мероприятием «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (российский вариант), следует отметить законодательное ограничение качественного определения объекта, в отношении которого данное ОРМ может проводиться. Вместе с тем, благодаря решению казахстанского законодателя оформить непосредственно в Законе РК «Об ОРД» дефинитивный ряд в отношении имеющейся системы ОРМ, мы находим необходимую расшифровку содержания данного мероприятия: под негласным проникновением и (или) обследованием места понимается «негласное проникновение в жилые,

служебные, производственные помещения, здания, сооружения, хранилище, транспортное средство или участок местности, при необходимости, с их обследованием, а также для решения иных задач ОРД» [14]. Это достаточно благополучный вариант решения законодателя в плане юридической техники, которое позволяет при наличии четкого определения содержания понятия использовать само понятие в более лаконичной форме. При этом является дополнительным аргументом относительно целесообразности легального раскрытия основных признаков содержания каждого отдельно взятого ОРМ.

Понятие анализируемого ОРМ (в казахстанской модели) раскрывается через признак «проникновение», что во многом конкретизирует специфику осуществляемых действий. В целом, между терминами «проникновение» и «обследование» отсутствуют какие-либо содержательные противопоставления, хотя при строгом анализе обследование может иметь место как при условии проникновения на объект, так и без него. При проведении негласного обследования оперативным сотрудником либо иным лицом, имеющим соответствующее право, проникновение (вхождение) будет осуществляться в любом случае [118, с. 172], поскольку негласное обследование по своей сути предполагает проникновение.

В связи с указанными разночтениями (которые связаны, в большей степени, с особенностями наименования, а не с содержательным контекстом), полагаем, что, в целях гармонизации российского и казахстанского законодательства целесообразно было использовать общий термин «оперативный осмотр».

Мы уже неоднократно отмечали, что, в отличие от российского варианта регламентации, в казахстанском оперативно-розыскном законодательстве предусмотрено определение рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия. Среди оперативно-розыскных законов стран ближнего зарубежья, в которых есть аналогичное мероприятие, отсутствуют только законы Азербайджана и России, что ставит вопрос о достаточной комплектности системы оперативно-розыскных мероприятий в случаях, когда в ней отсутствует оперативный осмотр. Здесь нельзя оставлять без внимания и Модельный Закон «Об ОРД», где предусмотрено, что законным является осмотр иных предметов, веществ или

документов, вероятно имеющих отношение к совершению преступления [18], что сняло бы вопрос у многих практических сотрудников и ученых. Тем не менее, ряд специалистов в области ОРД предлагали свою точку зрения и авторское определение данного мероприятия. К ним относятся: Н.С. Железняк, С.И. Захарцев, И.А. Климов, А.Ю. Шумилов, А.Е. Чечетин и другие; среди казахстанских ученых – С.Ж. Галиев, М.П. Сысалов и др.

Так, А.Н. Халиков в своем учебнике отмечает, что обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств – это непроцессуальный осмотр, который производится непосредственно оперативным работником или с участием специалистов, или по его заданию лицом, оказывающим содействие правоохранительным органам (при этом к объектам относятся жилые помещения, здания, сооружения, участки местности и транспортные средства) «в целях обнаружения следов, орудий преступлений, денег и ценностей, добытых преступным путем и так же получение информации, необходимой для решения задач ОРД» [143, с. 197].

Автор акцентирует внимание на том обстоятельстве, что обследование проводится исключительно по тем объектам, которые строго указаны непосредственно в названии ОРМ. Ограничение цели (в контексте перечня искомых предметов), допущенное А.Н. Халиковым, может способствовать ограничению действий оперативных сотрудников и неизбежно повлияет на эффективность осуществления мероприятия. Кроме того, указание на качество «добытые преступным путем» не в полной мере корректно, так как осматривающее лицо может и не знать в точности, что какой-либо предмет или вещь могут относиться к совершению преступления (поскольку далеко не все свойства предметов могут указывать на соответствующее обстоятельство).

По мнению Е.С. Лапина, данное оперативно-розыскное мероприятие проводится с целью обнаружения и изъятия следов преступления, орудий его совершения или «иных» предметов, веществ или документов, вероятно имеющих отношение к преступлению, равно для решения «иных» задач ОРД [114, с. 53]. В свою очередь, в комментарии к ФЗ РФ «Об ОРД» указывается, что «обследование

помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» заключается в «непроцессуальном» осмотре объектов [111, с. 99-100]. Авторы одного из казахстанских учебников по ОРД такого же мнения и указывают на неограниченность обыскиваемых объектов [137, с. 167]. Мы полагаем, что в контексте анализируемого ОРМ указание на «непроцессуальный характер» является значимым признаком понятия, поскольку с его помощью возможно четкое разграничение с действиями, которые осуществляются в процессуальном порядке, согласно КоАП и УПК.

В итоге проанализировав рассматриваемое оперативно-розыскное мероприятие оперативно-розыскных законов России и Казахстана, мы имеем возможность отметить ряд имеющих место отличий между ними. В первую очередь, в российском законе мероприятие закреплено в единой форме проведения; в казахстанском же законе фактически определено две формы оперативно-розыскного мероприятия: гласное и негласное (в первом случае нет необходимости в прокурорском санкционировании, тогда как во втором оно обязательно). Предложения по фрагментации анализируемого оперативно-розыскного мероприятия высказывали и российские исследователи, однако по другим основаниям: разделение обследования жилых помещений и обследование нежилых помещений, участков местности и транспортных средств [102, с. 201]. Другим различием является то, что в российском законе гласное обследование проводится без принудительных мер, тогда как в казахстанском предусмотрено принуждение. Наконец, третьим различием является то, что в российском законе закреплен ограниченный список проверяемых объектов, в казахстанском же, за счет использования термина «иные», список проверяемых объектов фактически не ограничен.

Таким образом, полагаем, что наиболее оптимальным решением был бы более лаконичный вариант определяющего данное ОРМ термина (в российском оперативно-розыскном законе изменить на «оперативный осмотр», а в казахстанской модели первую разновидность ОРМ определить как «оперативный досмотр», вторую – как «оперативный осмотр»). В данном случае аргументация

является достаточно простой. Во-первых, в рамках научных исследований соответствующее мероприятие консенсуально обозначается как «оперативный осмотр», что объяснимо с точки зрения лаконичности воспроизводства понятия [245, с. 74-78]. При этом авторы нередко оговаривают, что под оперативным осмотром понимается именно соответствующее ОРМ, а законодательная дефиниция преимущественно имеет значение для разграничения со следственным осмотром [240, с. 85]. Во-вторых, наличие дефиниции в тексте самого профильного закона об ОРД способно нивелировать некоторую абстрактность термина.

С учетом вышеизложенного предлагаем авторское определение оперативного осмотра в ФЗ РФ «Об ОРД» и Законе РК «Об ОРД»: *оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в гласном и негласном не процессуальном обследовании объектов с целью обнаружения документов, следов, предметов, в отношении которых есть основание предполагать их отношение к преступной деятельности, а также получения иной информации, необходимой для решения задач ОРД.*

Также, исходя из текущей редакции Закона РК «Об ОРД», под *оперативным досмотром* следует понимать *оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в принудительном гласном не процессуальном досмотре объектов, лиц, имущества с целью обнаружения документов, следов, предметов, в отношении которых есть основание предполагать их отношение к преступной деятельности, а также получения иной информации, необходимой для решения задач ОРД.* Учитывая то обстоятельство, что в ФЗ РФ «Об ОРД» аналог соответствующего ОРМ отсутствует, будет обоснованным предложение относительно его включения в систему ОРМ в рамках российской модели. При этом казахстанскому законодателю следует устранить нежелательный компромисс, связанный с уязвимостью конституционного права на неприкосновенность жилища граждан и отнести ОРМ в условиях жилых помещениях к перечню специальных ОРМ.

Включение данных дефиниций позволит достичь следующих целей: во-первых, приведет к более функциональной терминологии профильного

законодательства об ОРД; во-вторых, в данном случае есть доступный ресурс к максимально возможной гармонизации оперативно-розыскного законодательства обеих стран.

Следующим ОРМ из анализируемой группы, закрепленным в ФЗ РФ «Об ОРД» является *«контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений»*. Непосредственно из легального наименования ОРМ следует, что мероприятие проводится в отношении трех объектов: почтовые отправления, телеграфные сообщения, иные сообщения. В Федеральном Законе Российской Федерации «О почте» под почтовыми отправлениями понимаются адресованная письменная корреспонденция, посылки, прямые почтовые контейнеры [27], что касается телеграфных и иных сообщений, их законодательное определение отсутствует. Обращаясь к толковому словарю, отмечаем, что под телеграфом понимается *«система технических приспособлений для передачи сообщения на расстояние по проводам при помощи электрической энергии»* [125, с. 633], из чего следует, что телеграф можно называть почтовой и электрической связью. К настоящему времени телеграфные сообщения постепенно переходят в разряд анахронизмов, поскольку с техническим развитием общества тотальный обмен сообщениями происходит с помощью так называемых «мессенджеров», которые позволяют значительно ускорить процесс передачи информации.

Используя понятия «иные сообщения», законодатель никак не конкретизирует их признаки, что фактически дает основание для отнесения к ним любых способов получения информации. К.К. Горяинов, В.С. Овчинский считают, что под «иными сообщениями» нужно понимать информацию, «изложение и передача которой допускается вместе с почтовым переводом, а также сообщения, принимаемые от отправителя на бумажном или магнитном носителе, для передачи электронным путем, и доставляемое адресату воспроизведенными в физической или электронной форме» [139, с. 314]. В работе неоднократно акцентировалось внимание на необходимость максимально возможной конкретизации понятий оперативно-розыскного законодательства. По причине чего было бы

предпочтительней наличие хотя бы приблизительного перечня, который можно было бы трактовать в рамках понятия «иные сообщения».

Аналогичным рассматриваемому оперативно-розыскному мероприятию в Законе РК «Об ОРД» является «негласный контроль почтовых и иных отправлений». Согласно легальной дефиниции, под данным ОРМ понимается «получение сведений, имеющих значение для дела, путем просмотра и ознакомления с содержанием писем, телеграмм, радиogramм, бандеролей, посылок и других почтово-телеграфных отправлений» [14]. При этом в Законе РК «О почте» отсутствует трактовка понятия «почтово-телеграфные» отправления, предусмотрено только понятие «почтовые отправления», что дает основания для констатации тождества данных понятий, однако, отсутствие терминологической точности всегда следует оценивать как не в полной мере удовлетворительную законодательную технику.

Несмотря на предпринимаемые в теории попытки расширить предмет осуществления данного ОРМ, в том числе, до сообщений, передаваемых посредством электронной почты, различных мессенджеров, до настоящего времени преобладает его оценка исключительно в рамках тех форм сообщений, передача которых имеет фактор некоторого посредничества (почтовая служба). Так, в целом, непротиворечивы позиции авторов, которые полагают, что, исходя из универсальной трактовки понятия информации в действующем законодательстве нет методологических препятствий для уравнивания виртуальной и иной информации [175, с. 48]. Однако другие авторы производят справедливые акценты на том, что соответствующее ОРМ осуществляется в отношении материальных объектов [246, с. 262], являющихся носителем информации.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что название данного ОРМ идентично в ФЗ РФ «Об ОРД» и Модельном законе «Об ОРД», причем, в последнем имеет место определение, которое дает возможность понимать просмотр письменной и иной зафиксированной на материальном носителе корреспонденции с целью обнаружения сведений о преступной деятельности изучаемого лица. С учетом ранее указанных разночтений относительно специфики исследуемых в ходе

ОРМ объектов, полагаем, что подобная «модельная» дефиниция является более оптимальным решением, которое может получить отражение в тексте профильных законов РФ и РК. При этом необходимо также обратить внимание на то значимое обстоятельство, что ОРМ, именуемое «негласный контроль почтовых и иных отправлений» следует четко отличать от одноименного НДС, которые являются схожими по содержанию и порядку проведения, за исключением того, что второе имеет место уже после начала досудебного производства, проводимого в соответствии с УПК РК по мотивированному постановлению следователя или дознавателя.

Необходимо отметить, что в настоящее время одним из распространённых оперативно-розыскных мероприятий является *прослушивание телефонных переговоров (далее – ПТП)*. Так, судами Российской Федерации за 6 месяцев 2024 года было дано 257,9 тысяч разрешений на проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений [283]. В Модельном Законе «Об ОРД» (мы обращаемся к нему по причине отсутствия легальной дефиниции непосредственно в ФЗ РФ «Об ОРД») под прослушиванием телефонных переговоров понимается «получение и фиксация с помощью технических средств акустической информации, передаваемой по линиям телефонной связи, или односторонних сообщений, с целью обнаружения сведений о преступной деятельности изучаемого лица, выявления его связей и получения иной информации, способствующей решению конкретных задач ОРД» [19].

Исходя из приведенного определения, прослушивание возможно как телефонной связи (т.е. между двумя и более абонентами), так и односторонних сообщений. В первом случае, очевидно, что под прослушиванием телефонных переговоров подразумевается телефонная связь. При этом в отношении односторонних сообщений действия могут быть включены и в другое оперативно-розыскное мероприятие – снятие информации с технических каналов связи. ПТП как оперативно-розыскное мероприятие, прежде всего, предполагает контроль

переговоров обоих абонентов с подключением к стационарной аппаратуре, телефонной сети или путем сканирования радиоканала [142, с. 72].

Определенные вопросы возникают и в отношении словосочетания «акустическая информация» («акустика» – это раздел физики, изучающий упругие волны, инфразвук, звук, ультразвук) [19, с. 24]. Полагаем, что данный термин является избыточным, поскольку при проведении ПТП субъектов ОРД интересует не сам звук, а речевое общение проверяемого лица [111, с. 108]. Заметим также, что словосочетание «акустическая информация» применяется и в определении такого оперативно-розыскного мероприятия в Модельном законе «Об ОРД», как «слуховой контроль», что нам также представляется спорным.

Схожее с оперативно-розыскным мероприятием, именуемым ПТП, в Законе РК «Об ОРД» зафиксировано ОРМ «негласный контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи». Уже исходя из самого наименования можно сделать вывод, что данное действие гораздо обширнее, чем ПТП, поскольку оно подразумевает не только негласный контроль, но также снятие и перехват, что в российском варианте регламентации ОРМ именуется как «снятие информации с технических каналов связи» (далее – СИТКС). Соответственно, в казахстанском варианте имеет место объединение двух ОРМ, которые в российском аналоге представлены двумя разными мероприятиями. Отметим, что подобное решение предлагалось некоторыми исследователями и для российского ФЗ РФ «Об ОРД» [163, с. 118; 70, с. 14; 234, с. 82; 251, с. 10; 277, с. 9].

Несмотря на легально-формальное объединение двух ОРМ в одно, в Законе РК «Об ОРД» в определении данного мероприятия фактически предусматриваются два вида его осуществления: первое – негласный контроль, второе – перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи. При этом легальную дефиницию казахстанского законодателя следует признать крайне неудачной. Так, под негласным контролем сетей электрической (телекоммуникационной) связи понимаются «негласные прослушивания и (или) запись голосовой информации с применением научно-

технических средств и (или) компьютерных программ, передающейся по телефону или другим устройствам, позволяющим передавать голосовую информацию, производимые при необходимости путем негласных проникновений и (или) обследования».

Здесь обоснованы, как минимум, три нарекания. Во-первых, имеет место избыточность текста (в частности, использование словосочетания «позволяющим передать голосовую информацию»). Во-вторых, недостаточно понятно объединение с проникновением и (или) обследованием), поскольку оно представляет собой отдельное ОРМ. В-третьих, при наличии в Законе РК «Об ОРД» понятия «специальные технические средства» использование дефиниции «научно-технические средства» является неточным. Несмотря на то, что рекомендации ОДКБ, специально обращают внимание на значимость научно-исследовательского аспекта в ОРД [46], это преимущественно относится к обеспечению ОРД, а не к характеристике используемых в ходе ее осуществления средств. В данном случае достаточно того, что в казахстанском законе ОРД определена именно как «научно обоснованная система мероприятий».

Вторым различием является указание на добывание голосовой информации при помощи компьютерных программ, что, на наш взгляд является обоснованным решением, поскольку подобные действия могут реально способствовать раскрытию преступлений, так как технологии в сфере информационных коммуникаций стали неотъемлемой частью всех сфер деятельности личности, общества и государства [177, с. 20]. Однако анализируя трактовку данного понятия в казахстанском законодательстве, мы не обнаруживаем его определения и даже специального отдельного упоминания. При этом понятие «компьютерные программы» закреплено во многих законодательствах стран-участниц СНГ. Например, оно есть в Законе «Об авторском праве и смежных правах» Республики Беларусь [22]. Изучая аналогичный казахстанский закон, мы нашли более подходящее понятие «программы для ЭВМ» [23], поскольку ЭВМ (электронная вычислительная машина) включает в свое определение компьютеры [135, с. 242]. При этом использование указания на компьютерные программы, в целом, можно

отнести к специфике казахстанского законодательного опыта, поскольку отсутствие данного указания в ФЗ РФ «Об ОРД» никак не меняет содержания данного ОРМ. Аналогичное замечание относимо и к указанию на «негласное проникновение и (или) обследование». Возможно, путем подобного санкционирования двух самостоятельных оперативно-розыскных мероприятий законодатель ставит цель способствовать ускорению работы оперативных сотрудников. При этом в определении отмечено, что возможно провести проникновение и обследование при необходимости, то есть оперативный сотрудник может и не проводить указанное действие. То есть соответствующее различие не имеет принципиального значения и представляет собой допустимые варианты комбинации ОРМ в рамках схожих моделей ОРД, какими являются российская и казахстанская модели. При этом, тем не менее, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в анализируемом определении отсутствует указание на объекты обследования и проникновения, по причине чего приходится догадываться, какие объекты предусмотрены в определении мероприятия «негласный контроль сетей электрической (телекоммуникационной) связи».

Считаем необходимым остановиться на одной из важнейших проблем, которая ограничивает конституционные права граждан, а, в некоторых случаях, и сопряжена с их нарушением. Согласно ч. 6 ст. 9 ФЗ РФ «Об ОРД» ПТП, как и все оперативно-розыскные мероприятия, ограничивающие конституционные права лиц, могут осуществляться до полугода, если иное не указано в самом постановлении. В свою очередь, в ч. 2 ст. 16 Закона РК «Об ОРД» отмечено, что оперативно-розыскные мероприятия осуществляются в сроки, предусмотренные нормативными актами органов, осуществляющих ОРД, согласованными с Генеральным прокурором РК. Ранее в работе уже ставился вопрос относительно явно заметной дискреции органов прокуратуры в отношении санкционирования ОРМ в РК (в частности, при анализе вопросов оперативно-розыскного иммунитета). Это является весомым аргументом к тому, чтобы предельные сроки соответствующего ОРМ были определены по аналогии с российским подходом.

А.Е. Чечетин посвятил данной проблеме свое выступление на одной из научных конференций. Острота проблемы заключается в том, что по ежегодной статистике Судебного департамента, проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, санкционируется судьей в отношении каждого четвертом преступлении, причем чаще всего санкционируется проведение ПТП. Также судьи, вынося постановление, в основном разрешают его проведение в «стандартном или шаблонном виде» на шесть месяцев, не вникая в саму суть преступления [233, с. 6].

В своих исследованиях А.Е. Чечетин, П.Д. Шатохин приводят факт того, что в одной конституционной жалобе указывалось на имевшее место семикратное продление ПТП в отношении одного и того же лица, в результате чего общая продолжительность ПТП составила три с половиной года. Причем, в результате данного длительного прослушивания переговоров удалось задокументировать и впоследствии доказать лишь пособничество в совершении преступления средней тяжести, совершённого за пределами срока давности [232, с. 177]. Подобные факты позволяют сделать вывод, что длительное ограничение права на тайну телефонных переговоров могут в значительном количестве случаев быть явно несоразмерны тяжести совершенного преступления, активности того или иного лица в совершении группового преступления и т.д.

ФЗ «Об ОРД» хоть и указывает на возможность проведения мероприятия до полугода, но при этом также предусматривает, что иной срок может быть указан в самом постановлении. В целом, следует признать, что далеко не все вопросы (при всем желании) можно решить на уровне законодательных предписаний, во многом следует рассчитывать также и на формирование должного конституционного правосознания у самих участников уголовного преследования. Независимо от тяжести совершенного преступления и потребностей достижения положительных результатов ОРД, в правосознание сотрудников оперативных подразделений должны быть включены необходимые аксиологические элементы, среди которых – абсолютное понимание ценности конституционных прав человека.

Необходимо также отметить, что в ст. 186 УПК РФ закреплено аналогичное ПТП следственное действие, которое именуется как «контроль и запись переговоров». Их сходство заключается в том, что оба требуют судебного решения, проводятся по тяжким и особо тяжким преступлениям, их проведение непосредственно возложено на одного и того же субъекта (специальные оперативно-технические подразделения), один и тот же круг объектов (подозреваемые, обвиняемые) [146, с. 98]. Вместе с тем, данное мероприятие и следственное действие различаются в некоторых аспектах. Во-первых, субъектом инициирования в одном случае является оперативный сотрудник, в другом – следователь [66, с. 486]. Во-вторых, оперативно-розыскное мероприятие проводится только при отсутствии уголовного дела, а следственное действие – только по возбужденному уголовному делу. В-третьих, они различаются в их разном доказательственном значении [146, с. 99].

Что касается казахстанского варианта регламентации, то в УПК РК закреплено НСД, которое является одноименным по отношению к «негласному контролю сетей электрической (телекоммуникационной) связи». Учитывая то обстоятельство, что ранее в рамках данного исследования мы уже уделили внимание вопросу сходства и отличия между ОРМ и НСД, считаем возможным оставить данное сравнение в этом конкретном вопросе, указав только, что в УПК РК в отношении данного НСД предусмотрена самостоятельная статья (ст. 243 УПК РК), причем, в первой и во второй части данной статьи закреплены полностью аналогичные Закону РК «Об ОРД» определения. Как указывается в комментарии к УПК РК, проведение негласного контроля сетей электрической (телекоммуникационной) и иной технической связи может проводиться в сочетании с другим негласным следственным действием – «проникновение и (или) обследование места для обеспечения условий его проведения» [110, с. 178].

Как в УПК РК, так и в Законе РК «Об ОРД» законодатель не добавил слово «место» к названию мероприятия «проникновение и (или) обследование» в определении оперативно-розыскного мероприятия и НСД «негласный контроль сетей электрической (телекоммуникационной) связи». При этом неверно

употребленное слово, неправильно построенная фраза способны повлечь за собой тяжелые последствия в области правотворчества [225, с. 135]. Как уже было отмечено выше, в целом, подобное объединение ОРМ, допущенное казахстанским законодателем, является достаточно спорным (хотя и не коллизионным) решением. Тем не менее, подобные текстуальные противоречия являются свидетельством отсутствия единообразия терминологии.

Таким образом, в сопоставленных ОРМ, включенных в систему ОРМ российского и казахстанского закона об ОРД, принципиальные отличия, которые могли бы отразиться на содержании и условиях их проведения, отсутствуют. При этом российская модель в рамках нормативного оформления ПТП представляется более последовательной, в том числе и в вопросах более взвешенного отношения к максимальным срокам проведения ОРМ. В рамках казахстанского варианта регламентации установлены многочисленные издержки (нефункциональная дефиниция, соединение с другим ОРМ и др.).

Остановимся на оперативно-розыскном мероприятии *«снятие информации с технических каналов связи»*, которое, с точки зрения понимания его сущности и содержания, является более сложным, чем остальные оперативно-розыскные мероприятия. Оно включает в себя два словосочетания, каждое из которых требует унифицированного понимания: «снятие информации» и «технические каналы связи». Причем, указанные понятия являются, в некотором смысле, абстрактными, поскольку не обнаруживается их более или менее точное определение в законодательстве [131, с. 94; 147, с. 139], что приводит к их различной трактовке на уровне теоретических исследований. Некоторые авторы, изучая более или менее схожие нормативные конструкции, касающиеся терминов «снятие информации» и «технические каналы связи», определяют понятие СИТКС [147, с. 147], что, на наш взгляд, является верным, так как это способствует большей определенности действия, ссылаясь на нормативные правовые акты.

Однако это является исключительно авторской позицией, которая, к сожалению, не получила нормативного правового оформления. Другие авторы полагают, что необходимо переименовать данное оперативно-розыскное

мероприятие, обосновывая это тем, что термины «снятие информации» и «технические каналы связи» неизвестны юридической науке. В связи с этим ученые предлагают название, аутентичное терминам, которые формулируются в специальном законодательстве, касающемся сетей связи [205, с. 179]. Такое предложение также представляется вполне уместным, поскольку данное ОРМ по своей сути является оперативно-техническим и, соответственно, должно сопровождаться точными трактовками, в том числе и с учетом технической терминологии.

Исходя из названий ОРМ в двух законах (российском и казахстанском), можно сказать, что различия заключаются лишь в терминологии. В частности, в казахстанском законе добавлен термин «перехват», которое также подразумевает «снятие». При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что многие теоретические источники по вопросам ОРД также употребляют вместо термина «снятия» термин «перехват» [94, с. 169]. При этом в российском оперативно-розыскном законе отсутствует определение мероприятия СИТКС, тогда как в казахстанском варианте регулирования под перехватом и снятием информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи, понимается «перехват и снятие знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, видеоизображений, звуков и другой информации, передающихся по проводной, радио, оптической и другим электромагнитным системам».

Из приведенного определения следует, что законодатель разрешает перехватывать и снимать любую информацию, передающуюся по проводной, радио, оптической и другим электромагнитным системам, в случаях, когда она необходима для раскрытия преступления. К тому же объект соответствующего оперативно-технического мероприятия – «электрическая (телекоммуникационная) связь» имеет легальное законодательное оформление, поскольку он предусмотрен в Законе РК «О связи».

Что касается российского варианта регламентации СИТКС, то имеется заметное теоретическое разнообразие позиций исследователей, существенно

отличающиеся друг от друга [147, с. 139-140] (что является нередким последствием отсутствия четкости в нормативно-правовой регламентации). В данном вопросе можно согласиться с авторами комментария к ФЗ РФ «Об ОРД», которые к техническим средствам связи отнесли «каналы электросвязи, используемые для передачи и приема знаков, сигналов, письменного текста, изображений, звуков по проводной, радио и другим электромагнитным системам» [108, с. 48]. Таким образом, ученые отождествляют понятие «технические каналы связи» с понятием «электросвязь», закрепленным в п. 35 ст. 2 ФЗ РФ «О связи», включающее «любые излучения, передачу или прием знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или сообщений любого рода по радиосистеме, проводной, оптической и другим электромагнитным системам» [25]. В целом, считаем такой сопоставительный подход справедливым, поскольку он позволяет внести ясность в юридическую терминологию. При этом более четкая трактовка содержится в Модельном законе «Об ОРД», однако он имеет лишь рекомендательный характер и может быть воспринят адресатом по-разному (в частности, вариативность неизбежна по причине необходимости согласования с иными нормами национального законодательства) [237, с. 237].

Рассматривая два схожих мероприятия в различных законодательных вариантах регламентации, можно обозначить ряд проблем и вопросов, которые требуют некоторой аналитики. Схожесть между ними заключается, во-первых, в том, что оба мероприятия являются техническими по своей сути, во-вторых, требуют решения судьи (в Казахстане - прокурора); в-третьих, способ осуществления мероприятий определен в качестве негласного. Различия между ними заключаются в их структуре, поскольку СИТКС является самостоятельным мероприятием, тогда как «перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи» предусмотрено в качестве разновидности ОРМ и представляет собой негласный контроль, аналогичный с ПТП.

Присоединяясь к позициям многих ученых, которые считают, что целесообразно ПТП и СИТКС объединить в одно мероприятие, именуемое

«контроль сети электросвязи», полагаем, что его можно определить как *оперативно-розыскное мероприятие, осуществляемое негласно при помощи специальных технических средств для получения информации, передаваемой лицами по сетям электросвязи*. Аналогично, в Законе РК «Об ОРД», не нарушая специфичность названий соответствующих оперативно-розыскных мероприятий, также использовать более лаконичное и емкое словосочетание «негласный контроль сети электрической связи».

Одним из новых оперативно-розыскных мероприятий в ФЗ РФ «Об ОРД», включенным в систему ОРМ в июле 2016 года, является «*получение компьютерной информации*» (далее – ПКИ). Необходимость обособления данного мероприятия связана с большим объемом компьютерной информации и ее специфическими свойствами, которые обуславливают и особые методы ее получения. В рамках ПКИ обращает на себя внимание то обстоятельство, что, в отличие от остальных оперативно-розыскных мероприятий, оно отражает не способ получения информации, а форму, в которой информация представлена [213, с. 84]. Под понятием «компьютерная информация» понимаются «сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи», причем, закреплено оно только в примечании 1 ст. 272 УК РФ [4]. Имеется легальное определение данного понятия также и на уровне международно-правовой регламентации. В частности, в Соглашении «О сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации» под компьютерной информацией понимается «информация, находящаяся в памяти компьютера, на машинных или иных носителях в форме, доступная восприятию ЭВМ или передающаяся по каналам связи» [55]. Сопоставляя приведенные два определения, можно отметить, что законодатель в рамках примечания к ст. 272 УК РФ не перечислил всю технику, обобщив все в рамках понятия «электронные сигналы», что представляется верным и более предпочтительным вариантом, поскольку диапазон технических средств постоянно изменяется и дополняется. Следует согласиться с мнением А.Л. Осипенко, который полагает, что

компьютерная информация – это не какой-то особый вид информации, а специфическая форма ее представления. Автор считает, что компьютерная информация должна быть приспособлена для обработки в компьютерных устройствах для передачи по каналам связи и хранения на специализированных носителях [213, с. 85].

Модельный закон «Об ОРД» также предусматривает оперативно-розыскное мероприятие ПКИ, но именуется иначе – «мониторинг информационно-телекоммуникационных сетей и систем». Мониторинг информационно-телекоммуникационных сетей и систем позволяет получать сведения, необходимые для решения конкретных задач ОРД, причем, решаются эти задачи путем «фиксации и наблюдения с применением специальных технических средств с характеристиками электромагнитных и других физических полей, которые возникают при обработке информации в информационных системах и базах данных, и позволяют проходить ее передачам по сетям электрической связи, компьютерным сетям и иным телекоммуникационным системам» [19]. По нашему мнению, включенный в «модельные» нормы текст излишне переполнен деталями, связанными с характеристикой техники, что затрудняет понимание содержания соответствующего ОРМ. Кроме того, само название через понятие «мониторинг» не вполне соответствует определению, поскольку мониторинг подразумевает только систему постоянного наблюдения, но не фиксацию информации и ее применение.

В Законе РК «Об ОРД» схожим оперативно-розыскным мероприятием является «негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации». Оно определено как «негласное снятие специальными техническими средствами и (или) компьютерными программами информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации, производимое при необходимости путем негласного проникновения и (или) обследования». Обращает на себя внимание то обстоятельство, что казахстанский законодатель неоднократно в

рамках определения различных ОРМ использует дефиницию «при необходимости путем негласного проникновения и (или) обследования)». Данное обстоятельство следует отнести, скорее, к недостаткам казахстанского закона «Об ОРД». Во-первых, ОРД предполагает возможность комбинирования различных ОРМ для достижения необходимых целей, что делает сомнительным необходимость синтезирования двух и более самостоятельных мероприятий в одном. Во-вторых, следует учитывать сложности оценки законности проведения такого комбинированного ОРМ, если оно фактически объединяет два и более самостоятельных ОРМ. В-третьих, указание на производство негласного проникновения и (или) обследования «при необходимости» существенным образом размывает принцип строгого санкционирования мероприятий, непосредственно ущемляющих конституционные права граждан. Очевидно, что вопрос «необходимости» должен разрешаться непосредственно при получении соответствующей санкции, а не в процессе осуществления ОРМ.

Анализируя это оперативно-розыскное мероприятие, можно выявить пять взаимосвязанных между собой элементов: снятие, сбор, обработка, накопление и хранение информации. Такая формулировка способа проведения действия представляется нам точной, однако полагаем, что дублирование всех пяти элементов и в понятии, и в его определении является чрезмерным, не соответствующим методологии формулировки понятий (определение должно описывать существенные признаки предметов или раскрывать значение понятия [145, с. 47], а не повторять само понятие). В силу чего полагаем, что действующее название оперативно-розыскного мероприятия излишне громоздкое и было бы целесообразно сделать его более лаконичным, к примеру как «негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств», а остальные детали зафиксировать в определении (либо использовать российский аналог – «получение компьютерной информации»).

Сравнивая два сопоставимых законодательных варианта регламентации анализируемого ОРМ, мы видим как их сходства, так и отличия между ними. Сходства заключаются в том, что в обоих вариантах регламентации требуется

санкция судьи (в Казахстане - прокурора); осуществляются они при помощи технических средств и компьютерных программ; проводятся негласно. Различия же заключаются в том, что Закон РК «Об ОРД» предусматривает каждый этап проведения мероприятия, что, очевидно, придает более четкое понимание содержания самого действия. Более того, казахстанский законодатель закрепил сравнительно расширенный список технических средств, при помощи которых можно получить оперативно значимую информацию.

В данном случае можно выразить предположение, что и в российской модели фактически предполагается снятие информации и с иных устройств, кроме компьютера. Здесь обоснованно отметить, что в России отсутствуют подзаконные нормативные правовые акты, раскрывающие содержание и порядок проведения ПККИ [167, с. 31], по причине чего данное предположение основано исключительно на логическом методе. В современный период развития компьютерной технологии, появления «глобальной паутины» цифровизации, интернет-ресурсов, законодатели обоих государств, зафиксировав соответствующие оперативно-розыскные мероприятия, вряд ли будут связывать его с простейшими формами обращения к компьютерным ресурсам. Полагаем, что проблемы реализации данного ОРМ преимущественно связаны не столько с его законодательной фиксацией, сколько с наличием необходимых профессиональных навыков и умений у оперативных сотрудников.

В рамках исследуемой группы ОРМ, ограничивающих конституционные права личности, полагаем необходимым уделить внимание мероприятиям, которые имеют место в Законе РК «Об ОРД» («негласный аудио- и (или) видеоконтроль лица или места» и «негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами»), но до настоящего времени не имеют аналогов в ФЗ РФ «Об ОРД».

Так, остановимся на специальном оперативно-розыскном мероприятии *«негласный аудио- и (или) видеоконтроль лица или места»*. Данное мероприятие не является новеллой исключительно казахстанского «авторства», поскольку наличествует в законодательстве некоторых стран-участниц СНГ, однако имеет

разные наименования. К примеру, в оперативно-розыскном законе Армении оно именуется как «внутреннее наблюдение», а в Беларуси как «слуховой контроль». Необходимо отметить, что в модельном законе «Об ОРД» также предусмотрено мероприятие «слуховой контроль». Исходя из названий данного ОРМ в законодательстве, указанных трех стран и в Модельном законе, очевидно, что «слуховой контроль» предусматривает исключительно только аудио-фиксацию. Видео-фиксация, как нам представляется, проводится в рамках иного оперативно-розыскного мероприятия, именуемого «наблюдение», поскольку в его определении предусмотрено визуальное и иное восприятие и фиксация, где под «иным восприятием», скорее всего, и подразумевается видеоконтроль.

В Законе РК «Об ОРД» под негласным аудио- и (или) видеоконтролем лица или места понимается «негласный контроль речевой и иной информации, а также действий лица и (или) событий, происходящих в строго определенном месте, производимый при необходимости путем негласного проникновения и (или) обследования, с использованием видео-, аудиотехники либо иных специальных научно-технических средств с одновременной фиксацией их содержания на материальном носителе» [14]. Полагаем, что данная дефиниция вносит достаточную ясность для правоприменителя при проведении соответствующего оперативно-розыскного мероприятия.

Возникают определенные вопросы в отношении трактовки содержания понятия «строго определенное место». Полагаем, что в данном случае, во-первых, законодатель решил не перечислять все объекты, в которых возможно проведение мероприятия, а во-вторых, осуществил акцент на признаке стационарности соответствующего ОРМ (то есть оно санкционируется именно в отношении конкретного места, а не только в отношении конкретных действий).

На современном этапе особенно важным в контексте законодательного регулирования вопросов ОРМ является то, что в пространстве интернета циркулирует огромное количество информации, которое требует срочного реагирования и совершения соответствующих действий. Соответственно, необходимо решать задачи ОРД, причем, осуществлять действия негласно, при

помощи современных специальных технических средств, позволяющих получать и фиксировать достоверную речевую и иную информацию. В системе ОРМ, зафиксированных в российской оперативно-розыскном законодательстве, данное оперативно-розыскное мероприятие фактически проводится в рамках наблюдения (то есть наблюдение с особыми условиями его осуществления). Так, при анализе ст. 8 ФЗ РФ «Об ОРД» обнаруживается то обстоятельство, что на электронное наблюдение не предусмотрена необходимость санкционирования. При этом электронное наблюдение основано на применении специальных технических средств слежения за поведением и действиями подозреваемого лица. Отсюда закономерно предположить, что разновидностью электронного наблюдения является негласная аудио и видеозапись устных разговоров, ведущихся подозреваемыми лицами без использования средств связи. Как указывает в своем исследовании позиций Конституционного Суда РФ А.Е. Чечетин, до 20 % обращений с жалобами на нарушение конституционных прав граждан ра рамках ОРД связаны именно с использованием технических средств для фиксации результатов ОРМ. Вместе с тем, позиция Конституционного Суда РФ к настоящему времени преимущественно ориентирована на то, чтобы использование различных вариантов фиксации ОРМ с помощью технических средств не может расцениваться как подобное нарушение, поскольку оно не связано с посягательством на конфиденциальность, а имеет своей целью исключительно фиксацию самого ОРМ и его результатов. Сам А.Е. Чечетин оценивает соответствующую практику в положительном ключе (хотя, в частности, указывает на недопустимость негласной видеофиксации в жилом помещении без санкционирования), указывая на необходимость упорядочивания данного вопроса [228, с. 5-8].

Несмотря на то обстоятельство, что Российская Федерация в 2022 г. вышла из юрисдикции ЕСПЧ, отдельные его ранее принятые решения свидетельствуют о том, что проблема использования технических средств фиксации при проведении ОРМ является одной из наиболее «болезненных». Так, в деле «Быков против России» было признано нарушение права заявителя на уважение его личной жизни в результате использования радиомикрофона для записи разговора. Причем, запись

производилась в гостевом доме заявителя, на территории его земельного участка, и была осуществлена без предварительного получения судебного разрешения полицейским информатором [63]. По другому делу «Ахлюстин против России» суд также признал нарушение права на частную жизнь в связи с использованием в служебном помещении заявителя аппаратуры негласной аудиозаписи без судебного разрешения [62]. Таким образом, вопрос относительно использования возможностей электронного наблюдения в рамках ОРД требует более детального разрешения, поскольку в данном случае следует учитывать влияние двух разнонаправленных факторов. Во-первых, чрезмерные ограничения в отношении оперативных сотрудников несопоставимы с технической составляющей развития общества, когда элементы нежелательной фиксации тех или иных событий, действий со стороны третьих лиц становятся практически повседневностью (причем, в частной жизни, не связанной с правоохранительной деятельностью). Во-вторых, существенное расширение возможностей практически тотального контроля требует формирования четких критериев (ориентиров) (например, как в рамках предыдущего параграфа был предложен разрешительный порядок применения принудительных мер путем использования «отрицательного признака» - указания на то, что однозначно является недопустимым). Здесь, обращаясь еще раз к проанализированному ОРМ, следует отметить, что казахстанский законодатель включил признак «строго определенное место», что, очевидно, предполагает именно ситуации, в которых остро стоит вопрос о нарушении конфиденциальности частной жизни (а не просто фиксации ОРМ).

Представляет теоретический и практический интерес специальное оперативно-розыскное мероприятие, предусмотренное Законом РК «Об ОРД» и именуемое как *«негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами»*. Причем, его самостоятельность была оформлена сравнительно недавно, посредством внесения изменений в Закон РК «Об ОРД» в 2017 году; до этого оно включалось в оперативно-розыскное мероприятие, связанное с негласным прослушиванием телефонных переговоров. По своему содержанию данное ОРМ подразумевает

получение сведений о дате, времени, продолжительности соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами (пользовательским оборудованием).

По причине отсутствия такого оперативно-розыскного мероприятия в ФЗ РФ «Об ОРД», возникает вопрос относительно того, имеется ли необходимость судебного санкционирования в случаях получения информации об абонентах операторов связи, а также об оказанных им услугах. Достаточно подробно данный вопрос исследовал А.Е. Чечетин, в результате чего он пришел к выводу, что Закон РФ «О связи» не относит «сведения о пользователях и об оказанных им услугах связи» к тайне переписки, телефонных переговоров, почтовых телеграфных и иных сообщений, и не предусматривает получения судебного решения [148, с. 116]. Это непротиворечивый вывод, поскольку ч. 2 ст. 23 Конституции РФ содержит требование относительно санкции судьи только на в отношении действий, затрагивающих тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. В более поздней работе А.Е. Чечетин приводит в качестве подтверждения своей аргументации Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 октября 2003 года № 345-О, на основе которого формулирует вывод, что «...персональные данные абонента в силу своего содержания и механизма появления не могут быть отнесены к сведениям «передаваемым, сохраняемым и устанавливаемым с помощью телефонной аппаратуры», которые Конституционный Суд отнес к тайне телефонных переговоров» [147, с. 97].

В отличие от российского закона «О связи», в казахстанском аналогичном нормативном правовом акте закреплено понятие «служебная информация об абонентах», которое определено как «сведения об абонентах, предназначенные исключительно для целей проведения контрразведывательной деятельности и оперативно-розыскных мероприятий на сетях связи». Данное понятие включает в себя: информацию об абонентских номерах, в том числе сведения об индивидуальных идентификационных номерах (для физических лиц) или бизнес-идентификационных номерах (для юридических лиц) владельцев абонентских

номеров; информацию об идентификационных кодах абонентских устройств сотовой связи, включая сведения об индивидуальных идентификационных номерах (для физических лиц) или бизнес-идентификационных номерах (для юридических лиц) владельцев абонентских устройств сотовой связи; биллинговые сведения (сведения о полученных абонентом услугах); местоположение абонентского устройства в сети в соответствии с требованиями технического регламента; адреса в сети передачи данных; адреса обращения к интернет-ресурсам в сети передачи данных; идентификаторы интернет-ресурса; протоколы сети передачи данных» [26].

Также согласно ч. 4 ст. 36 указанного закона предусмотрено, что получение служебной информации допускается только в соответствии Законом «О связи» и законами РК «Об ОРД», «О контрразведывательной деятельности», «О персональных данных и их защите» [26], соответственно, каких-либо противоречий между данными законодательными актами нет. Вместе с тем, возникает вопрос о правомерности проведения аналогичного данному оперативно-розыскному мероприятию НСД, которое регламентируется УПК РК, как минимум по той причине, что НСД не упоминается в Законе РК «О связи». Данный «дефект» имеет «сквозной» характер, так как речь идет не про один вид, а про все НСД, связанные со связью, по причине чего, несмотря на то что НСД не является непосредственно предметом нашего исследования, считаем необходимым внести дополнение в соответствующие нормы Закона РК «О связи» по осуществлению НСД.

В целом, в контексте последнего рассмотренного ОРМ, предусмотренного казахстанским законодателем, будет обоснованным утверждение, что его выделение, в целом, можно признать допустимым, однако подобная фрагментация ОРМ (при том, что отдельные ОРМ, напротив, представлены в синтезированном варианте) не вполне целесообразна, поскольку соответствующее ОРМ может быть включено в структуру близких по содержанию мероприятий (по аналогии с российским СИТКС).

Таким образом, по итогам сравнительно-правового анализа законодательной фиксации и порядка проведения сопоставимых оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением конституционных прав человека, в Российской Федерации и Республике Казахстан, считаем возможным сформулировать следующие наиболее значимые результаты:

Во-первых, и для российского, и для казахстанского опыта регламентации ОРМ, связанных с ограничением конституционных прав граждан, характерны равнозначные целеполагания, и, в целом, преимущественно схожая практика нормативной регламентации. Анализ вопроса свидетельствует о том, что и для российского, и для казахстанского правоприменителя – сотрудника оперативного подразделения сконструированы основные ориентиры (ограничения), призванные осуществлять необходимое дозирование объема вмешательства в частную жизнь граждан, обусловленное необходимостью решения задач ОРД.

Во-вторых, казахстанская практика оформления и регламентации осуществления соответствующей группы ОРМ в отдельных вопросах требует применения оптимизационных процедур, которые необходимы, в том числе, и для повышения гарантий законности ОРД. В частности, к таким вопросам следует отнести:

– спорность оформления «синтезированных» ОРМ, включающих в себя два самостоятельных мероприятия, каждое из которых фактически предусматривает необходимость самостоятельного санкционирования, а соответственно, и самостоятельной оценки с точки зрения законности его осуществления. Указание в структуре отдельных ОРМ на производство негласного проникновения и (или) обследования «при необходимости» существенным образом размывает принцип строгого санкционирования мероприятий, непосредственно ущемляющих конституционные права граждан, поскольку вопрос «необходимости» должен разрешаться непосредственно при получении соответствующей санкции, а не в процессе осуществления ОРМ;

– прямо противоположная практика чрезмерной фрагментации ОРМ (в частности, обособление отдельного мероприятия как «негласное получение

информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами») в случаях, когда его осуществление организационно-технически исполнимо в рамках иного ОРМ, что свидетельствует о дополнительных методологических неточностях казахстанского законодательства:

– отсутствие (в отличие от ФЗ РФ «Об ОРД» более или менее четких ориентиров, касающихся сроков проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы граждан;

– допустимость отнесения осуществления ОРМ в отношении жилых помещений без соответствующего санкционирования (в российской модели все вопросы, связанные с обследованием жилых помещений, относятся к строго санкционируемому). В рамках досмотра с участием понятых (п. 16 ч. 1 ст. 11 Закона РК «об ОРД»), относящегося к «общим» ОРМ (не требующим санкционирования) указываются, в том числе, и жилые помещения, что следует признать недопустимым. В целом, участие понятых при осуществлении ОРМ (единично в рамках данного мероприятия), спорное само по себе, следует расценивать как своего рода нежелательный компромисс в отношении нарушения прав граждан не неприкосновенность жилища.

В-третьих, в отношении двух сопоставимых ОРМ – «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (ФЗ РФ «Об ОРД») и «негласные проникновение и (или) обследование места» (Закон РК «Об ОРД») целесообразно переименование на *«оперативный осмотр»*, который следует определить как *оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в гласном и негласном не процессуальном осмотре объектов с целью обнаружения документов, следов, предметов, в отношении которых есть основание предполагать их отношение к преступной деятельности, а также получения иной информации, необходимой для решения задач ОРД.*

В-четвертых, исходя из текущей редакции Закона РК «Об ОРД», под *оперативным досмотром* следует понимать *оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в принудительном гласном не процессуальном досмотре объектов, лиц, имущества с целью обнаружения документов, следов, предметов, в*

отношении которых есть основание предполагать их отношение к преступной деятельности, а также получения иной информации, необходимой для решения задач ОРД. Учитывая то обстоятельство, что в ФЗ РФ «Об ОРД» аналог соответствующего ОРМ отсутствует, будет обоснованным предложение относительно его включения в систему ОРМ в рамках российской модели. При этом казахстанскому законодателю следует устранить нежелательный компромисс, связанный с уязвимостью конституционного права на неприкосновенность жилища граждан и отнести ОРМ в условиях жилых помещениях к перечню специальных ОРМ.

*В-пятых, для оптимизации нормативного текста и достижения необходимой степени сопоставимости российского и казахстанского варианта регламентации целесообразно ПТП и СИТКС, закрепленные в ФЗ РФ «Об ОРД» объединить в одно мероприятие под названием «контроль сети электросвязи», определив его как *оперативно-розыскное мероприятие, осуществляемое негласно при помощи специальных технических средств для получения информации, передаваемой лицами по сетям электросвязи.* Соответственно, в Законе РК «Об ОРД» мероприятие «негласный контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи» переименовать на «негласный контроль сети электрической связи» с аналогичным определением.*

*В-шестых, обнаруживается необходимость ФЗ РФ «Об ОРД» в закреплении самостоятельного ОРМ «электронное наблюдение» ввиду отсутствия нормативных предписаний, необходимых для осуществлений данного действия в рамках иных ОРМ. В качестве корреспондирующего изменения в Законе РК «Об ОРД» целесообразно название мероприятия с «негласный аудио- и (или) видеоконтроль лица или места» изменить на «негласный аудио- и (или) видеоконтроль» и определить как *оперативно-розыскное мероприятие, осуществляемое негласно при помощи специальных технических средств в целях получения и фиксации речевой и иной информации, необходимой для решения задач ОРД.**

§ 3. Пути оптимизации законодательного регулирования общих оперативно-розыскных мероприятий

Наименование оперативно-розыскных мероприятий в качестве «общих», в целом, является легальным в отношении оперативно-розыскного законодательства РК и условным (теоретическим) в контексте российского оперативно-розыскного закона. В общем виде под ними понимают ОРМ, имеющие более облегченную процедуру инициирования и проведения, они не связаны с ограничением конституционных прав граждан и, соответственно не требуют санкции суда (в РК – санкции прокурора). Вместе с тем, в ряде случаев в рамках общих ОРМ также возникают определенные коллизии в связи с необходимостью соблюдения конфиденциальности (в частности, когда речь идет о банковской, иной служебной тайне).

Система (перечень) ОРМ в оперативно-розыскных законах Российской Федерации и Республики Казахстан начинается с *опроса* (в Законе РК «Об ОРД» именуется как «опрос лиц»). В законах «Об ОРД» некоторых государств-участников СНГ данное мероприятие называют аналогично ФЗ РФ «Об ОРД», тогда как имеют место и вариативные названия, при которых используется указание на качественное свойство «оперативный» (так, в Законе «Об ОРД» Армении оно именуется «оперативным запросом» и фактически подразумевает два действия - опрос и наведение справок). Вместе с тем, в Законе «Об ОРД» Армении также предусмотрено и ОРМ, которое именуется «поиск оперативной информации», то есть фактически идентичное тому, что пониманием под понятием «наведение справок».

В модельном законе «Об ОРД» рассматриваемое мероприятие называется «опрос граждан». По мнению В.И. Елинского, подобное название мероприятия является неточным, так как необоснованно сужает круг лиц, от которых оперативный сотрудник имеет право получать оперативно-розыскную информацию [95, с. 205]. Мы согласны с данным мнением, поскольку «гражданин» подразумевает только лиц, имеющих гражданство страны, тогда как опрошенными

могут являться также и иностранные граждане, и лица без гражданства. Следует признать верным и замечание А.В. Шахматова, который правильно обозначил определенное сходство в названии оперативно-розыскного мероприятия и действий, которые осуществляются сотрудниками охранных структур [239, с. 173-174]. По этой причине, как мы полагаем, необходимо к понятию «опрос» присоединить качественное свойство «оперативный» (в обоих вариантах законодательной регламентации ОРМ), чем будет более четко обозначена принадлежность мероприятия к сфере оперативно-розыскной деятельности. Подобное замечание уже высказывалось ранее в отношении иных ОРМ, однако такого рода текстуальное решение в ряде случаев представляется действительно необходимым (как раз в ситуациях, когда имеется законодательная полисемия относительно того или иного термина или понятия).

Помимо оперативно-розыскного закона Республики Казахстан, законодательное определение в отношении опроса как вида ОРМ предусмотрено в профильном законе еще двух государств (Таджикистан, Узбекистан). Самостоятельная статья, регламентирующая основание и условия проведения опроса предусмотрена в законодательстве Беларуси, Армении и Молдовы. При этом подобная вариативность законодательной регламентации не может быть признана в качестве принципиального отличия, поскольку сущность опроса, в принципе, достаточно очевидна. Вместе с тем, имеют место вопросы процедурного характера, в частности, касающиеся обязательной явки лица и предоставления информации оперативному сотруднику.

В ч. 5 ст. 15 ФЗ РФ «Об ОРД» предусмотрено, что законные требования должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, обязательны для исполнения физическими и юридическими лицами, к которым такие требования предъявлены. Несмотря на однозначность данного законодательного установления, оно не дает безусловной гарантии, что лицо, в отношении которого требуется осуществление опроса, имеет соответствующую обязанность (равно как и нет четких оснований для утверждения, что у оперативного сотрудника имеются четкие полномочия по данному поводу).

Примечательно, что в Законе РК «Об ОРД» такая норма отсутствует, что, как представляется, усугубляет обозначенную проблему. При этом в Законе РК «Об ОРД» предусмотрено законодательное определение, согласно которому под опросом понимается «сбор фактической информации, имеющей значение для решения задач оперативно-розыскной деятельности, со слов опрашиваемого лица, которое располагает или может располагать ею». Здесь необходимо произвести акцент на таком признаке, определяющем понятие, как указание на «лицо, которое располагает или может располагать ею». В данном случае при буквальном толковании обнаруживается своего рода законодательным императив, поскольку приведенная формулировка позволяет сделать вывод о том, что в ней скрыта специальная обязанность опрашиваемого лица в предоставлении информации. Отчасти это связано со спецификой текстуального восприятия, поскольку фактически иным образом определить понятие опроса достаточно затруднительно. Соответственно, о реальном наличии у лица, в отношении которого инициируется проведение опроса, обязанности явиться к оперативному сотруднику утверждать нельзя.

Недостатки в правовом регулировании ОРМ «опрос» в ФЗ РФ «Об ОРД» нередко становятся предметом анализа исследователей. К примеру, А.Е. Чечетин полагает, что необходимо непосредственно в законе закрепить норму, указывающую на добровольность участия лиц в проведении не только опроса, но и других гласных оперативно-розыскных мероприятий [146, с. 125]. Поддерживая мнение указанного автора, другие ученые предлагают в ФЗ РФ «Об ОРД» включить статьи, предусматривающие перечень прав и обязанностей каждого субъекта ОРД, а, кроме того, в ведомственных нормативных правовых актах дать перечень прав и обязанностей оперативного сотрудника в части организации и тактики ОРД [116, с. 75]. В частности, В.Ф. Луговик обосновывает необходимость принудительного характера ОРМ (вопрос относительно допустимого механизма принуждения при проведении ОРМ был поднят в предыдущих параграфах данной работы).

С.И. Захарцев утверждает, что правильнее говорить «не о согласии лица на опрос и о предоставлении информации, а о соблюдении законности при проведении опроса» [260, с. 184]. Особенностью данного подхода является акцент на соблюдении законности как принципа ОРД, поскольку он предусматривает тотальную обязанность соблюдения нормативных правовых актов всеми субъектами – оперативными аппаратами, государственными органами, юридическими лицами и гражданами, их точного и неуклонного соблюдения и исполнения предписаний в случаях, когда они оказались субъектами оперативно-розыскных отношений [104, с. 14-15]. Вместе с тем, невыполнение обязанности, не получившей объективации в законе, нельзя отнести к нарушению принципа законности, а нормативные предписания, которые обязывали лицо к участию в оперативно-розыскном мероприятии «опрос» отсутствует.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 13 ФЗ РФ «О полиции», полицейские имеют право «вызывать в полицейский участок граждан и должностных лиц по расследуемым уголовным делам и находящимся в производстве делам об административных правонарушениях, а также в связи с проверкой зарегистрированных в установленном порядке заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, *о происшествиях*, разрешение которых отнесено к компетенции полиции; получать по таким делам, материалам, заявлениям и сообщениям, в том числе по поручениям следователя и дознавателя, необходимые *объяснения, справки, документы (их копии)*; подвергать приводу в полицию в случаях и порядке, предусмотренных федеральным законом, граждан и должностных лиц, уклоняющихся без уважительных причин от явки по вызову» [20].

В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 6 Закона РК «Об ОВД», органы внутренних дел имеют право «вызывать физические лица и представителей юридических лиц по находящимся *в производстве материалам и делам*, получать от них *объяснения и показания, документы, их копии*, а при неявке подвергать в установленном порядке приводу» [21].

Из приведенных родственных по своему правовому назначению норм, касающихся полномочий полиции в РФ и РК, следует, что законодатель расширительно толкует возможность вызова граждан, предусматривая категорию «происшествия» (ФЗ РФ «О полиции») либо указывая на широкий круг обстоятельство – «находящиеся в производстве материалы и дела» (Закон РК «Об ОВД»). Под этими указаниями фактически можно понимать возможность осуществления опроса, однако в данном случае проблемным является то обстоятельство, что речь идет исключительно о сотрудниках полиции, являющихся основными, но не единственными уполномоченными на осуществление ОРМ лицами. Как отмечается в теории, если у одного субъекта правоотношений есть какое-либо право, то, в соответствии с принципами юриспруденции, оно должно корреспондировать обязанности другого субъекта правоотношений [219, с. 53]. Кроме того, при выполнении равных по правовому значению функций, как мы полагаем, различные по профессиональной принадлежности субъекты должны обладать равнозначным кругом полномочий.

В целях продолжения сравнительного анализа считаем необходимым обратиться к Федеральному закону «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – ФЗ РФ «Об СПП») и Закону Республики Казахстан «О профилактике правонарушений» (далее – Закон РК «О профилактике»), так как в обоих предусмотрено участие граждан и организаций в профилактике правонарушений. В указанных законах четко закреплено, что граждане в профилактике правонарушений участвуют добровольно (ч. 2 ст. 13 ФЗ РФ «Об СПП», ч. 1 ст. 17 Закон РК «О профилактике»). Вместе с тем, это не может свидетельствовать о противоречии ФЗ РФ «О полиции» и Закону РК «Об ОВД», поскольку вопросы профилактики правонарушений и вопросы пресечения и раскрытия уже совершенных (или совершение которых предполагается) правонарушений или преступлений – общественные отношения совершенно различного порядка.

Одни ученые, как мы уже ранее отметили, предлагают закрепить в оперативно-розыском законе дополнительную норму, конкретизирующую

принцип добровольности участия граждан в проведении не только опроса, но и других гласных оперативно-розыскных мероприятий [146, с. 125], вторые предлагают принять к практическому использованию разработанную ими Методическую рекомендацию по организации и проведению опроса [271, с. 9], третьи усматривают возможность для привлечения к административной ответственности лиц, не явившихся для проведения опроса [219, с. 52].

В целом, с практической точки зрения, мы полагаем, что имеется существенный «соблазн» для того, чтобы обязать лицо являться для опроса под угрозой административной ответственности. Однако, с другой стороны, в работе неоднократно ставился акцент на аксиологии проведения ОРМ, что препятствует тому, чтобы сводить нормативное регулирование исключительно к рациональным потребностям ОРД. На государство возложена обязанность, в соответствии с которой оно должно признавать и гарантировать права и свободы человека, ограждать их от любого незаконного вмешательства или ограничения [112, с. 55]. Кроме того, следует также иметь в виду, что опрос может проводиться не только в отношении лиц, в отношении которых есть основания предполагать об их возможной причастности к тому или иному криминальному инциденту, но и в отношении иных лиц, которые могут лишь обладать тем или иным объемом необходимой информации.

Ранее уже поднимался вопрос использования полиграфа при осуществлении ОРМ, однако в контексте оценки опроса как вида ОРМ данный вопрос требует отдельного упоминания. В связи с распространением применения полиграфа в борьбе с преступностью, некоторые ученые склоняются к тому, что данный метод является не разновидностью опроса, а самостоятельным оперативно-розыскным мероприятием [137, с. 160], другие же считают, что полиграф является видом опроса [71, с. 69; 144, с. 85].

Отметим, что в Российской Федерации в декабре 2010 года было внесено на рассмотрение Законопроект № 478780-5 «О применении полиграфа», однако через два года он был снят с рассмотрения по причине несоблюдения правил внесения законопроекта авторами текста (несоответствие ст. 105 Регламента Госдумы) [45].

Однако до настоящего времени сохраняет свое действие Инструкция № 437 от 28 декабря 1994 г. «О порядке использования полиграфа при опросе граждан». При этом в Республике Казахстан вообще отсутствуют элементы нормативного закрепления процедуры использования полиграфа. Так, казахстанский исследователь Г. Сагынбекова ставила вопрос относительно законодательного оформления процедуры использования полиграфа в связи с тем, что тем самым затрагиваются права и свобода человека. Автор полагает, что в правовом государстве такие принципиально новые средства получения доказательств должны вводиться в практику государственных органов только непосредственно решениями законодательной власти [286].

Нами был проведен опрос практических оперативных сотрудников в Республике Казахстан с целью определения их отношения к полиграфологическому исследованию в качестве самостоятельного оперативно-розыскного мероприятия. В ходе исследования было выяснено, что более 48 % респондентов, основываясь на своем практическом опыте, посчитали нужным добавить «полиграфологическое исследование» в перечень оперативно-розыскных мероприятий, 42 % посчитали, что его не стоит выделять как самостоятельное мероприятие и 10 % затруднились ответить. Сравнительный анализ результатов с данными, полученными в ходе опроса оперативных сотрудников Российской Федерации, свидетельствуют о том, что они значительно разнятся: всего около 25 % российских респондентов посчитали, что «полиграфологическое исследование» может осуществляться как самостоятельное мероприятие, а более 65 % указали, что «полиграфологическое исследование» является разновидностью опроса и около 10 % затруднились с ответом (Приложение № 3).

Ранее мы уже обозначили свою позицию относительно того, что использование полиграфа следует оценивать в качестве специального метода опроса, поскольку фактор наличия данного технического устройства не меняет содержания осуществляемого ОРМ. При этом, безусловно, следует признать, что, в сравнении с «обычным» опросом, полиграфологическое исследование представляет собой более сложное мероприятие, требующее как наличия

специальных навыков, так и выполнения определенных организационно-управленческих решений. В целом, можно обозначить заметное отличие между «обычным» опросом и проведением полиграфологического исследования. Так, основной целью опроса является добывание оперативно значимой информации, а для полиграфологического исследования преимущественно характерна оценка достоверности сообщаемой информации и изучение психологических особенностей объекта исследования. Вместе с тем, самостоятельность каждого ОРМ заключается в том, что каждое из них ориентировано на достижение соответствующих поисково-выявительных целей, которые обусловлены именно получением информации, а не ее подтверждением или опровержением. В этом смысле использование полиграфа «работает» исключительно на верификацию ранее (или параллельно) полученной информации, но не на ее поиск. Соответственно, при объективно существующей необходимости в том, чтобы использование полиграфа имело легальные контуры в рамках профильного закона «Об ОРД», полагаем, что соответствующая процедура должна получить статус метода проведения оперативного опроса.

Следующим значимым оперативно-розыскным мероприятием является «*наведение справок*». В казахстанском оперативно-розыскном законе под наведением справок понимается «получение фактической информации, имеющей значение для решения задач оперативно-розыскной деятельности, путем направления официального запроса соответствующему физическому или юридическому лицу, располагающему или могущему располагать информацией, представляющей интерес». Буквальная трактовка приведенного определения свидетельствует о том, что при наведении справок сотрудники получают информацию одним способом – путем направления официального запроса физическому или юридическому лицу, при этом законодатель не конкретизирует действия до включения еще и изучения соответствующей полученной информации. Вызывает вопросы указание исключительно на факт использования «официального запроса». С учетом того, что ОРД может осуществляться как гласно, так и негласно, а также исходя из разведывательной направленности этой

деятельности и правил конспирации при наведении справок, полагаем, что допустимо и неофициальное получение данных конфиденциального характера [111, с. 90].

На наш взгляд, наиболее точно определяет данное мероприятие Модельный закон «Об ОРД», в котором указывается, что «наведение справок – это получение информации, имеющей значение для решения конкретных задач оперативно-розыскной деятельности, путем направления запроса соответственно юридическому или физическому лицу, располагающему или могущему располагать таковой, а равно и ее получение путем непосредственного ознакомления с соответствующими материальными носителями, в том числе из оперативных, криминалистических и иных баз данных (учетов), информационных систем и других источников» [19].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Модельный закон «Об ОРД» предусматривая ознакомление с материальными носителями, в том числе из оперативных, криминалистических и иных баз данных (учетов), информационных систем и других источников, фактически обоснованно расширяет содержание анализируемого ОРМ. При этом в отдельных теоретических источниках имеются указания на необходимость использования аналогичных источников в наведении справок, при которых возможно получить более оперативно-значимую информацию [78, с. 17]. Кроме того, как справедливо указывается в специальных исследованиях, в современных условиях оперативные сотрудники изучают фактические данные не только посредством вышеперечисленных источников, но также и посредством анализа личных записей и интернет-ресурсов [162, с. 124; 243, с. 24-25].

Включение интернет-ресурсов (социальных сетей) в качестве источников наведения справок к настоящему времени является объективно назревшим решением, поскольку по статистике за 2024 год в России на чуть более 145 млн. человек имеется 130,4 млн. аккаунтов в социальных сетях [280], в Казахстане же из 20 млн. человек социальными сетями пользуются 14 млн [281]. Учитывая специфику функционирования интернет-ресурсов с тотально высокой скоростью

распространения и тиражирования информации (равно как и возможности ее получения даже с удаленных аккаунтов) закономерно предположение о том, что та или иная информация о преступнике или о преступлении дает возможность оперативным сотрудникам с надлежащей скоростью реагировать и принимать необходимые решения.

В ходе наведения справок сотрудников оперативных подразделений преимущественно интересует информация фактографического характера (о месте регистрации, составе семьи, используемом автотранспорте, наличии и составе банковских вкладов, недвижимости и др.) [161, с. 32]. В целом ряде случаев наведение справок, несмотря на то что оно отнесено к системе общих ОРМ, сопряжено с закономерным сопротивлением со стороны носителей той или иной информации, поскольку данное ОРМ может существенным образом нарушить право на конфиденциальность тех или иных сведений (например, тайну банковского вклада и банковских операций).

При этом оперативные сотрудники при оформлении запросов нередко свои действия обосновывают отдельными положениями законодательства, которые касаются ограничения распространения отдельных видов информации, техническими и правовыми погрешностями [197, с. 144]. Этому во многом способствует отсутствие норм в оперативно-розыскных законах РФ и РК, касающихся механизма допустимого ограничения неприкосновенности частной, личной и семейной тайны, закрепленных в Конституциях указанных государств.

Согласно позиции А.Ю. Шумилова «ограничение конкретного конституционного права того или иного человека на тайну частной жизни допустимо на основании предписаний ФЗ РФ «Об ОРД». Причем разглашения не произойдет, так как изменится только форма их хранения: сведения трансформируются в служебную тайну, которую оперативник обязан хранить» [153, с. 100]. По мнению других исследователей, для получения сведений, касающихся частной либо профессиональной тайны, необходим официальный запрос суда, прокуратуры, органов предварительного следствия в связи с находящимися в их производстве уголовными делами [79, с. 92-93, 93, с. 204]

(соответственно, в отношении сотрудников оперативных подразделений они такую возможность исключают).

Для решения данной проблемы считаем необходимым включить норму об обязательности подписания руководителем органа, осуществляющего ОРД, запроса, в котором требуется конфиденциальные сведения, в ФЗ РФ «Об ОРД» и в Закон РК «Об ОРД». При этом, как совершенно справедливо указывают исследователи, нередко, получая информацию в процессе наведения справок, оперативные сотрудники даже не подозревают, что получают сведения, доступ к которым возможен только с согласия суда [226, с. 17-24]. В данном случае следует отметить, что, к примеру, ч. 5 ст. 26 ФЗ РФ «О банках и банковской деятельности» прямо указывает на судебный порядок истребования соответствующей информации, если она необходима для достижения целей ОРД [31]. Как отмечает Е.Н. Яковец, «...в части, касающейся получения сведений, которые содержат банковскую тайну, наведение справок имеет интрузивный (затрагивающий личную тайну) характер, в связи с чем оно требует разрешения суда» [247, с. 301].

Анализируя сопоставимые оперативно-розыскные мероприятия, именуемые как «*сбор образцов для сравнительного исследования*» (ФЗ РФ «Об ОРД») и «*получение образцов*» (Закон РК «Об ОРД»), отметим, что в Законе РК «Об ОРД» данное оперативно-розыскное мероприятие понимается как «изъятие и фиксация материальных носителей информации, отображающих свойства живого человека, трупа, животного, вещества, предмета, имеющего значение для решения задач ОРД». Этимология указанных наименований соответствующих ОРМ указывает на то, что они предполагают различные по содержательной компоненте действия. Так, целью ОРМ, предусмотренного ФЗ РФ «Об ОРД», является сравнительное исследование, тогда как целью ОРМ, зафиксированного в Законе РК «Об ОРД» является изъятие и фиксация материальных носителей информации. Вместе с тем, полагаем, что логика внутреннего содержания действий, которые составляют соответствующие ОРМ, в целом, практически идентична, так как в обеих ситуациях речь идет о процессе получения информации относительно идентичной природы сопоставляемых объектов.

Причем, в ОРД нередко возникают задачи, при которых необходимо установить природу того или иного объекта, а также его тождественность (сопоставимость) с тем или иным фрагментом, частью. В связи с этим многие ученые предлагают переименовать мероприятие на «сбор образцов» [95, с. 206] или «сбор образцов для не процессуального (оперативно-розыскного) исследования» [146, с. 133], которое, в принципе, схоже с «получением образцов», закрепленном в Законе РК «Об ОРД». В данной ситуации, как мы полагаем, тоже имеет место тот случай, когда упоминание о не процессуальном характере действий, составляющих содержание ОРМ, является необходимым для разграничения со смежными видами правоохранительной деятельности.

Что касается другого оперативно-розыскного мероприятия, которое именуется как *«исследование предметов и документов»*, то в Модельном законе «Об ОРД» оно представляется как «исследование предметов, документов и иных объектов». При этом специалисты ОРД оценивают соответствующее «модельное» наименование в положительном ключе, поскольку круг исследования определен шире за счет использования указания на «иные объекты», не подпадающие под понятие предметов и документов, что позволяет «...не сужать круг исследуемых объектов до конкретных случаев» [67, с. 34].

В Законе РК «Об ОРД» отсутствует полностью идентичное наименование, которое соответствовало бы ОРМ в виде исследования предметов и документов. Контекстный анализ позволяет сделать вывод, что данному мероприятию соответствует предусмотренное Законом РК «Об ОРД» «обнаружение, негласная фиксация и изъятие следов противоправных деяний, их предварительное исследование», так как действия, включающие «обнаружение, негласную фиксацию и изъятие» можно, в целом, отнести к тому, что именуется как «сбор или получение» (то есть фактически относится к ОРМ «получение образцов»). По содержанию сопоставляемые ОРМ схожи в российской и казахстанской модели регламентации, а отличия заключаются в том, что российский вариант не подразумевает негласные методы; в свою очередь, в казахстанском варианте

отсутствует указание на предметы и документы для исследования, закрепленные в Модельном и российском оперативно-розыскных законах.

Соответственно, можно сделать вывод, что казахстанский законодатель произвел обособление данного ОРМ от ОРМ, именуемого «получение образцов» за счет указания на негласность фиксации, что, на наш взгляд, не является достаточным основанием для выделения самостоятельного оперативно-розыскного мероприятия (метод не может формировать новое содержание). Таким образом, на наш взгляд, целесообразно мероприятие, именуемое «обнаружение, негласная фиксация и изъятие следов противоправных деяний» отнести к мероприятию «получение образцов», закрепив в его определении, что фиксация может проводиться как гласно, так и негласно, а действие «предварительное исследование» переименовать на «исследование предметов, документов и иных объектов».

Необходимо остановится на оперативно-розыскных мероприятиях, которые согласно ст. 8 ФЗ РФ «Об ОРД» требуют решения руководителя органа, осуществляющего ОРД. К данному кругу ОРМ относятся: проверочная закупка, оперативный эксперимент, контролируемая поставка и оперативное внедрение. Примечательно, что в Законе РК «Об ОРД» соответствующее условие (наличие решения руководителя) отсутствует: тем не менее, в нем предусмотрены аналогичные по своему содержанию ОРМ: оперативный закуп; применение модели поведения, имитирующей преступную деятельность; контролируемая поставка и внедрение (Приложение № 2). В данном случае примечательно, что Закон РК «Об ОРД» не предусматривает разрешительные механизмы со стороны руководителей оперативных подразделений в отношении проведения общих ОРМ (хотя, исходя из текста самого закона следует, что соответствующее требование может иметь место на уровне ведомственных документов руководителей соответствующих органов, осуществляющих ОРД). Как указывают исследователи вопроса, «организация внутреннего взаимодействия осуществляется руководителем ежедневно в процессе осуществления управленческих функций» [217, с. 216]. Указание на необходимость разрешения руководителя непосредственно в Законе РК «Об ОРД»

имеет место в отношении только особого порядка проведения отдельных специальных ОРМ: случаи, не терпящие отлагательства – ч. 7 ст. 12 Закона РК «Об ОРД» и случаи, связанные с угрозой жизни, здоровью, собственности отдельных лиц при наличии их заявления или согласия (ч. 6 ст. 12 Закона РК «Об ОРД»). Причем, в обоих случаях требуется последующее уведомление прокурора в течение 24 часов. Остальные вопросы регулируются на уровне ведомственных актов, в том числе, и имеющих ограничительный гриф для служебного пользования.

Остановимся на каждом оперативно-розыскном мероприятии более подробно. В отношении ОРМ «проверочная закупка» можно указать, что это единственный случай, когда имеет место легальная дефиниция соответствующего мероприятия в РФ, однако содержится она не в ФЗ РФ «Об ОРД», а в ст. 49 Федерального закона РФ «О наркотических средствах и психотропных веществах». Под ним понимается «оперативно-розыскное мероприятие, при котором с ведома и под контролем органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, допускается приобретение наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также инструментов или оборудования» [32]. Фактически это своего рода дополнительный аргумент к тому, что, во-первых, наличие легальной дефиниции не приводит к снижению элемента «закрытости» ОРД, а во-вторых, проверочная закупка, как оперативно-розыскное мероприятие, имеет более широкую сферу применения [129, с. 82], и может быть не только действенным средством в борьбе с распространением наркотических средств и психотропных веществ, но и проводится применительно к находящимся в гражданском обороте и к изъятым из него предметам, в частности, оружию, драгоценным камням, металлам и др. [111, с. 93]. Соответственно, складывается явная методологическая неточность, при которой фактически применяется метод аналогии (который не характерен для публичных отраслей правового регулирования). Кроме того, данный метод (даже с учетом его погрешностей) не может быть применен в отношении иных ОРМ, поскольку отсутствуют частные варианты их определения в нормативных правовых актах, касающихся отдельных аспектов ОРД.

В свою очередь, согласно п. 14 ст. 1 Закона РК «Об ОРД», оперативный закуп – «это создание ситуации мнимой сделки, в которой с ведома органа, осуществляющего ОРД, и под его контролем возмездно приобретаются без цели потребления или сбыта предметы у изучаемого лица в целях получения информации о вероятной преступной деятельности». Данное определение, во-первых, обладает необходимой степенью универсальности (поскольку применимо в отношении любых вещей и предметов, как находящихся в свободном обороте, так и изъятых из него). Во-вторых, акцентируется сущность мероприятия, заключающаяся в обусловленной задачами ОРД имитацией сделки («мнимая сделка»), которая дополнительно усиливается указанием на то, что соответствующие действия совершаются «без цели потребления или сбыта».

Как правило, наличие легального определения понятия существенно меняет вектор теоретических исследований, поскольку они начинают строиться именно в отношении соответствующего законодательного определения. Соответственно, отсутствие необходимого понятия в законе всегда стимулирует научную мысль к поиску его наиболее благополучных вариантов. В частности, в российской науке имеется значительный массив авторских определений понятия, которые рекомендуется к использованию в качестве возможной законодательной формулировки. В частности, предлагается определять проверочную закупку (оперативный закуп) как «возмездное приобретение товара или иных материальных объектов с целью выявления, пресечения или раскрытия преступной деятельности лица либо его представителя, сбывающих данные материальные объекты» [143, с. 194]. В другом авторском варианте соответствующая дефиниция представлена как «искусственное создание оперативником (оперативным подразделением) ситуации приобретения товара (без цели потребления или сбыта) при наличии оперативной информации о влекущих уголовную ответственность нарушениях законодательства РФ, регулирующего, финансовую, хозяйственную, предпринимательскую или торговую деятельность» [85, с. 47]. Данное определение, безусловно, может быть отнесено исключительно к доктринальному варианту, поскольку является нетипичным для законодательных конструкций.

Кроме того, явным недостатком является перечисление видов деятельности, в отношении которой предполагается ее незаконный характер. Ни оборот наркотических средств или психотропных веществ, ни оборот оружия и т.д. к данному определению фактически не относятся (при этом проверочная закупка часто производится именно в отношении данных веществ и предметов).

По мнению А.Е. Чечетина, проверочная закупка заключается в «легендированном совершении мнимой сделки купли-продажи с лицом, в отношении которого имеются сведения о том, что оно подготавливает, совершает или совершило преступление с целью выявления, документирования и пресечения его противоправной деятельности, а также для решения других задач ОРД» [147, с. 171]. Схожее определение сформулировал и А.Г. Маркушин, который считает, что проверочная закупка состоит в «легендированном приобретении материальных объектов и услуг либо совершении мнимой сделки с целью выявления, предупреждения и пресечения преступной деятельности проверяемого субъекта или решения иных задач (например, сбор образцов для сравнительного исследования)» [118, с. 159].

В целом, каждое определение по своему содержанию, так или иначе соответствуют трактовке понятия анализируемого ОРМ, а отличия преимущественно связаны с использованием тех или иных текстовых комбинаций (синонимов, дополнительных признаков и т.д.). Вместе с тем, как мы полагаем, указание на понятие «мнимая сделка» (как в казахстанском профильном законе «Об ОРД») является более предпочтительным, нежели использование указания на «легендирование». В качестве основного аргумента, как мы полагаем, следует указать то обстоятельство, что «легендирование» является своего рода тактическим приемом, который используется не только в рамках проверочной закупки, но и иных ОРМ, что не позволяет «точечно» использовать его исключительно в рамках определения понятия анализируемого ОРМ. Так, в частности, в специальных исследованиях формулируются авторские определения и иных понятий через признак «легендирование»: «оперативное внедрение – это оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в легендированном вводе и продвижении

сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел или лиц, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, в криминогенную среду...» [248, с. 8].

Кроме того, следует признать, что термин «легендирование» относится к специальной терминологии ОРД, использование которой на уровне закона не является благополучным решением (как минимум, для сохранения традиционного «ореола» закрытости ОРД). Наконец, легендирование фактически предполагает определенный механизм предварительных действий, которые необходимо совершить для того, чтобы создать иллюзию, ввести в заблуждение изучаемое лицо, а проверочная закупка в большей степени направлена на фиксацию факта того, что лицо причастно (не причастно) к тому или иному виду преступной деятельности. Как указывается в специальных исследованиях, легендирование представляет собой введение в заблуждение относительно различных обстоятельств объективной действительности [214, с. 113]. При этом совершенно справедливо определение легендирования в качестве средства ОРД, при котором используются факты и вымышленные сведения в целях осуществления дезинформирующих действий и мероприятий [172, с. 256].

Соответственно, полагаем, что предложенное казахстанским законодателем определение «оперативного закупа» («проверочной закупки»), в целом, является логически обоснованным и полным, отражающим содержание соответствующего ОРМ, но не позволяющим «обнаруживать» некоторые специфические приемы ОРД, в связи с чем оно может быть рекомендовано к имплементации в российское оперативно-розыскное законодательство.

Здесь следует также отметить, что в УПК РК предусмотрено аналогичное оперативному заупу НСД, именуемое «негласный контрольный закуп». Основным отличием «оперативного закупа» от «негласного контрольного закупа» является то обстоятельство, что он определен Законом РК «Об ОРД» как общее мероприятие (что позволяет проводить его гласно, с зашифровкой цели, либо без цели вовсе) [128, с. 125]. Что касается НСД, то их специфика заключается в совершении исключительно негласных действий, что существенно повышает

степень ограничительного воздействия в отношении прав и свобод человека. В этом смысле НСД представляют собой более выраженное вмешательство в сферу прав и законных интересов человека, что неизбежно ставит вопрос о достаточном механизме их обеспечения [188, с. 58-59].

Следующим сложным оперативно-розыскным мероприятием, сопряженным, как правило, с использованием различных технических и иных средств является *оперативный эксперимент* [96, с. 24]. Как мы уже неоднократно указали, отсутствие легального определения понятия всегда стимулирует науку к выработке более или менее соответствующих формулировок, которые могли бы быть отражены в нормативном акте. Понятие оперативного эксперимента не является здесь исключением [181, с. 52; 204, с. 278]. Причем, в отношении оперативного эксперимента соответствующие предложения являются особенно настойчивыми, поскольку специфика данного ОРМ сопряжена с высоким риском провокации и вмешательства в сферу прав и законных интересов граждан, в силу чего вопросы законности оперативного эксперимента нередко становятся предметом рассмотрения высших судебных инстанций.

Так, в одном из Определений Конституционного Суда РФ было отказано в рассмотрении жалобы гр-на Сорокина С.В., в отношении которого было осуществлено ОРМ в виде оперативного эксперимента (изготовлен муляж наркотического средства, что, по мнению заявителя, привело к провокации преступления и нарушило его конституционные права). При этом Конституционным Судом РФ было специально отмечено, что «проведение – исходя из целей, задач и существа оперативно-розыскной деятельности – в надлежащем порядке оперативного эксперимента, опирающегося на обоснованные предположения о наличии признаков противоправного деяния и относительно его субъектов, не может расцениваться как провокация преступления» [65].

Модельный закон «Об ОРД» определяет его как «искусственное создание обстановки, максимально приближенной к реальности, с целью вызвать определенное событие либо воспроизведение события или проведение определенных опытов в полностью управляемых условиях и под контролем органа,

осуществляющего ОРД, с вовлечением лица, в отношении которого имеются данные о противоправной деятельности, без уведомления его об участии в оперативном эксперименте, в целях подтверждения совершения данным лицом противоправных действий, а также предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия менее тяжкого преступления против собственности, порядка осуществления экономической деятельности, общественной безопасности и здоровья населения, тяжкого, особо тяжкого преступления или преступления, могущего нанести вред национальной безопасности» [19]. В данном случае следует признать еще один вариант не в полной мере функционального определения, при котором попытка чрезмерной детализации приводит к тому, что снижается роль реально значимых признаков (в частности, спорной является необходимость перечисления круга преступных деяний, поскольку это больше относится к условиям проведения данного ОРМ, а не к его содержанию).

К тому же в приведенном определении одним из способов достижения цели оперативного эксперимента указывается «вызов определенного события», что можно расценить как провоцирование совершения преступления. При этом Модельный закон «Об ОРД» не содержит соответствующую норму-запрет в отношении провокации преступления, однако Конвенция по правам человека (ст. 6) закрепляет право на справедливое судебное разбирательство, в том числе при сборе, анализе и оценки доказательств [49]. Согласно ст. 5 ФЗ «Об ОРД», оперативным подразделениям запрещено «подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация)» [25] (аналогичный запрет содержится и в Законе РК «Об ОРД»).

Следует согласиться с учеными, считающими, что в оперативном эксперименте речь должна идти исключительно о моделировании условий, благоприятствующих решению конкретных задач ОРД [107, с. 117]. Соответственно, любое указание в отношении какого-либо ожидаемого результата («вызвать событие», «воспроизвести событие» и т.п.) является нежелательным, поскольку оно фактически проецирует соответствующую деятельность на

выявительный результат (который, следует учитывать, может и не подтвердить предположения).

Как правило, рассматриваемое действие проводится для выявления замышляемых и пресечения подготавливаемых преступлений [146, с. 119]. При этом, в соответствии со ст. 8 ФЗ РФ «Об ОРД», «проведение оперативного эксперимента допускается только в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших» [13]. Таким образом, оперативный эксперимент можно определить, как *оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в моделировании и наблюдении ситуации, позволяющей органам, осуществляющим ОРД, производить контроль известного и неизвестного лица с целью пресечения преступления*. Это определение не является безоговорочным, претендующим на включение в качестве легального, но оно акцентирует основные признаки оперативного эксперимента.

Отметим, что Закон РК «Об ОРД» не предусматривает аналогичное наименование оперативно-розыскного мероприятия, но указывает в перечне так называемых «общих ОРМ» оперативно-розыскное мероприятие под названием «применение модели поведения, имитирующей преступную деятельность». При этом примечательно, что в данном случае имеет место ситуация, когда казахстанский законодатель отказался от легальной дефиниции понятия (оно упоминается лишь единожды в перечне общих ОРМ). Соответственно, в данном случае элементы активности имеют место уже в казахстанской науке, стремящейся восполнить недостающие элементы конкретизации. Так, А.Д. Финк в отношении данного ОРМ поясняет, что оно представляет собой «процесс разработки модели реальной ситуации и выполнения экспериментов с целью понять, как будет реально изменяться ситуация. Имитация заключается в демонстрации, внешнем изображении негласным сотрудником или конфиденциальным помощником, осуществляющими ОРД, принадлежности к преступной среде» [141, с. 72].

По мнению М.П. Сысалова, «мероприятие заключается в имитации, то есть демонстрации, внешнем изображении негласным сотрудником или конфиденциальным помощником органов, осуществляющих ОРД, принадлежности к преступной среде, противоправной деятельности с целью внедрения в эту среду для решения оперативно-розыскных задач. Кроме того, модель поведения, имитирующая преступную деятельность, может применяться негласным сотрудником или конфиденциальным помощником органов, осуществляющим ОРД, при проведении оперативно-розыскных мероприятий, связанных с необходимостью легендированного под преступную деятельность воздействия на объекты ОРД» [137, с. 149]. В других работах по данному вопросу указывается, что анализируемое ОРМ «заключается в воспроизведении с возможной точностью подражания привычкам, вкусам, образу жизни, манере поведения, в том числе и преступного, определенной преступной среды или какой-либо группы (сообщества)» [88, с. 43]. Фактически в данных определениях, отражающих смысл законодательного решения о включении соответствующего ОРМ в перечень, можно усмотреть, в том числе и признаки такого ОРМ, как «внедрение». Полагаем, что в исследуемом аспекте имеются некоторые неточности, поскольку «оперативный эксперимент» представляет собой элементы моделирования ситуации, которая может иметь место не только в связи с необходимостью имитации преступной деятельности.

Таким образом, в анализируемой казахстанской модели ОРМ речь идет о поведении лица, тогда как при проведении оперативного эксперимента предусматривается также создание конспиративных организации или учреждений [139, с. 339] (в казахстанском варианте регламентации это относится к самостоятельному ОРМ). Следовательно, понятие оперативного эксперимента существенно более широкое, нежели применение модели поведения, имитирующей преступную деятельность. Как мы уже указали, казахстанский законодатель посчитал нужным выделить «создание конспиративных предприятий и организаций» в качестве самостоятельного оперативно-розыскного мероприятия. Аналогичное решение предлагал Н.П. Водько [82, с. 217], однако с данным

мнением не согласился ряд ученых, поскольку в п. 5 ч. 1 ст. 15 ФЗ РФ «Об ОРД» содержится норма, предусматривающая возможность создания предприятия, учреждения, организации и подразделения, необходимых для решения задач ОРД [146, с. 121]. При этом мы в полной мере согласны с В.А. Гусевым, что «создание легендированного предприятия», в отличие от всех мероприятий, «не имеет познавательной направленности, а представляет собой действие обеспечивающего характера, создающее условия для эффективного проведения оперативно-розыскного мероприятия» [89, с. 82]. Здесь мы вновь обнаруживаем подтверждение ранее уже указанного обстоятельства: в казахстанском профильном Законе «Об ОРД» имеет место методологическая неточность в виде смешивания ОРМ и оперативно-розыскных методов.

Фактически, исходя из выявленных признаков и действующей в Законе РК «Об ОРД» системе ОРМ, под применением модели поведения, имитирующей преступную деятельность, следует понимать оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в моделировании поведения негласным сотрудником или конфиденциальным помощником, позволяющее органам, осуществляющим ОРД, производить контроль известного и неизвестного лица с целью пресечения преступления. Вместе с тем, мы в большей степени склоняемся к тому, что соответствующие действия в большей степени относятся к методу ОРД, нежели к отдельному ОРМ.

Таким образом, отличительным признаком анализируемого ОРМ является то, что при имитировании преступного поведения целью фактически является внедрение в преступную среду, тогда как Закон РК «Об ОРД» предусматривает «внедрение» в качестве самостоятельного мероприятия. Кроме того, до 2019 года в УПК РК предусматривалось комбинированное НСД «негласные внедрение и (или) имитация преступной деятельности», что может быть косвенным подтверждением их смежного характера (полагаем, что второе фактически являлось методом осуществления первого).

Полагаем, что, в строгом, смысле, следует признать, что казахстанская система ОРМ не содержит сопоставимого аналога с ОРМ, именуемым

«оперативный эксперимент», что является явным пробелом ввиду самостоятельного значения данного мероприятия (как например, в указанном ранее примере судебной практики с использованием муляжа наркотического средства). Иные ОРМ даже при условии их комбинации не дают возможности воспроизведения оперативного эксперимента в его содержательно-структурном аспекте. Несмотря на то, что, как отметил А.Ю. Шумилов, выраженный активный элемент деятельности при оперативном эксперименте содержит для оперативных сотрудников опасность нарушения законности [158, с. 106], в целом ряде случаев именно оперативный эксперимент является наиболее действенной мерой для выявления и фиксации преступного поведения (в первую очередь – взяточничества). В этом смысле совершенно справедливы указания исследователей, что «основанием проведения «оперативного эксперимента» является не общая предположительная информация о возможном противоправном поведении лица, а предварительное установление наличия противоправного поведения должностного лица с целью получения информации о том, что оно инициативно требует или, более того, вымогает взятку, т.е. совершает приготовление к преступлению» [174, с. 85].

В данном случае мы вплотную подходим к значимому аспекту, который к настоящему времени по-разному решается в российском и казахстанском законодательстве. Так, предусмотрев в ФЗ РФ «Об ОРД» оперативный эксперимент в качестве самостоятельного ОРМ, российский законодатель не устанавливает ответственности за случаи провокации преступления (за исключением провокации взятки или коммерческого подкупа в ст. 304 УК РФ). Напротив, казахстанский законодатель, не включив в законодательный перечень ОРМ оперативный эксперимент, Законом РК от 6 октября 2020 г. № 365-VI дополнил УК РК составом ст. 412-1 «Провокация преступления», который расширил спектр ответственности за провокационную деятельность наряду со ст. 417 «Провокация коммерческого подкупа или взяточничества» [43]. Целесообразность подобного решения, в частности, была разъяснена в рамках указания Генпрокурора, согласно которому

были выявлены неоднократные случаи провокации преступления со стороны оперативных сотрудников [53].

Полагаем, подобное решение в российском законодательстве (помимо ранее обоснованной необходимости включения отдельных специальных условий проведения ОРМ в перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния, по аналогии с казахстанским УК РК) позволило бы сформировать более завершённую систему регламентации ОРД, поскольку сбалансировало бы разрешительные и ограничительные механизмы, усилило бы аксиологическую составляющую ОРД. Причем, в данном случае решающее значение имеет именно акцент законодателя, который дает в рамках конкретных частных случаев разрешить вопрос на предмет законности и ответственности при ее нарушении. Следует отметить, что в рамках недавних российских диссертационных исследований (относящихся к уголовно-правовой отрасли, но затрагивающих вопросы ОРД) настоятельно рекомендуется криминализация общего состава провокации преступления (а не только в отношении взяточничества и коммерческого подкупа) [256, с. 12-13], в некоторых работах в положительном ключе отмечается, в том числе и опыт Казахстана [254, с. 9-10].

В списке оперативно-розыскных мероприятий ФЗ РФ «Об ОРД» и Закона РК «Об ОРД» важное место занимает *контролируемая поставка*. Следует учитывать, что данное мероприятие нередко осуществляется на границе государств, в связи с чем в механизм его осуществления в обязательном порядке включается необходимость учета данного фактора. Подобный вариант оперативно-розыскных мероприятий впервые был регламентирован в Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, которая была принята 19 декабря 1988 года. Контролируемая поставка как оперативно-розыскное мероприятие к настоящему времени имеет непосредственную регламентацию в законах Российской Федерации и Республике Казахстан, касающихся противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществах. В целом, предметно-видовая обособленность отдельно взятого ОРМ является допустимой формой фиксации его содержания (в частности,

по отношению к отдельным ОРМ имеется указание на категорию или иные специальные признаки преступления). Вместе с тем, спецификация в отношении контролируемой поставки исключительно в рамках наркотических средств и психотропных веществ является, на наш взгляд, недостаточно оптимальным использованием потенциала данного ОРМ.

В этом смысле фиксация в Законе РК «Об ОРД» дефиниции «контролируемой поставки» в более расширительной трактовке нам представляется верным решением. Так, она определяется как «способ получения информации о признаках преступной деятельности путем установления контроля за поставкой, покупкой, продажей, перемещением предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, а также являющихся объектами или орудиями преступных посягательств» [14]. Соответственно, в определение мероприятия включены четыре этапа, при которых осуществляется контроль: поставка, покупка, продажа и перемещение. Необходимо добавить, что данное мероприятие проводится негласно, поскольку гласность приведет к распространению информации о намерении проведения контролируемой поставки до правонарушителя. Мнение об обязательном добавлении признака негласности данному оперативно-розыскного мероприятию поддерживается некоторыми учеными [118, с. 186; 131, с. 98].

ФЗ РФ «Об ОРД» не предусматривает определение контролируемой поставки, однако в 2018 году был принят Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», где содержится глава 67 «Контролируемая поставка», в которую входят две статьи, предусматривающие проведение контролируемой поставки (ст. 390), а также осуществление изъятия и замену товаров (ст. 391) [37]. Это фактически снимает вопрос о порядке проведения контролируемой поставки, причем, определение и порядок проведения данного мероприятия закреплено в едином «Таможенном кодексе Евразийского экономического союза».

Вместе с тем, это не снизило внимание исследователей к трактовке данного ОРМ и к формулировке авторских вариантов дефиниции. Так, некоторые ученые полагают, что контролируемая поставка осуществляет контроль за незаконным перемещением через таможенную границу Таможенного союза или Государственную границу РФ только наркотических средств [235, с. 19]. Другие акцентируют внимание на вышеуказанном аспекте, касающемся недопущения ограничения круга объектов, в отношении которых осуществляется контролируемая поставка: в отношении незаконного перемещения наркотических средств и психотропных веществ, взрывчатых веществ, предметов культурного и исторического наследия, драгоценных камней и драгметаллов, стратегического сырья, предметов контрабанды и др. Есть также мнение, что контролируемая поставка подразумевает комплекс оперативно-розыскных и иных мероприятий, закрепленных национальным законодательством [218, с. 56]. Во-первых, на законодательном уровне в п. 13 ст. 6 ФЗ РФ «Об ОРД», а также в п. 6 ч. 1 ст. 11 Закона РК «Об ОРД» рассматриваемое мероприятие определено в качестве самостоятельного оперативно-розыскного мероприятия. Во-вторых, в ФЗ РФ «Об ОРД» и в Законе РК «Об ОРД» перечень оперативно-розыскных мероприятий является «закрытым», следовательно, указание на «иные мероприятия» методологически ошибочно.

Некоторые также считают, что контролируемой поставкой можно называть искусственно созданную ситуацию, при которой оперативное подразделение передает товар, находящийся под наблюдением, потребителю, чтобы эффективно выявить, пресечь и расследовать преступную деятельность [85, с. 122]. В данном случае авторы смешивают сразу три оперативно-розыскных мероприятия: контролируемую поставку, проверочную закупку и оперативный эксперимент. Во-первых, указание на «искусственное создание ситуации» подразумевает оперативный эксперимент; во-вторых, «передача» товара фактически содержит признаки проверочной закупки.

Считаем, что, с учетом сформулированных замечаний контролируемую поставку можно определить как *оперативно-розыскное мероприятие*,

закрывающееся в негласном контроле за поставкой и перемещением товаров, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, в целях выявления причастных к ним лиц и пресечения преступления. Данное определение подходит и ФЗ РФ «Об ОРД» и Закону РК «Об ОРД». Кроме того, следует отметить два значимых обстоятельства. Во-первых, непосредственное указание российского законодателя на необходимость утверждения контрольной поставки (равно как оперативного эксперимента и оперативного внедрения) руководителем оперативного подразделения (ст. 8 ФЗ РФ «Об ОРД») представляется более верным решением, поскольку инструктивные оговорки (как имеет место в нормативной практике РК) заметным образом нивелируют необходимость более тщательного планирования и проведения данных ОРМ. Во-вторых, учитывая то обстоятельство, что в ходе контролируемой поставки может быть допущена как виновная, так и невиновная утрата перемещаемых предметов и веществ, последняя ситуация является дополнительным аргументом к ранее обоснованной необходимости формулировки отдельного обстоятельства, исключающего преступность деяния в УК РФ. В отдельных исследованиях также приводятся дополнительные аргументы в пользу соответствующего законодательного решения: в ходе контролируемой поставки оперативные сотрудники нередко совершают деяния, формально подпадающие под признаки преступления (в частности, перемещают наркотические средства) [276, с. 6].

Следующим оперативно-розыскным мероприятием, требующим ведомственного санкционирования, является «*оперативное внедрение*». В монографии А.Е. Чечетина отмечено, что оперативное внедрение нормативно закреплено в Наставлении об основах организации и тактики ОРД ОВД, в котором его определяют как основанное на легендированном вводе сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел и лиц, оказывающих им содействие [146, с. 108-109]. В Законе РК «Об ОРД» соответствующее ОРМ именуется как «внедрение» и определено как «негласное внедрение работника органа, осуществляющего ОРД, либо сотрудничающего с ним конфиденциального помощника в окружении объекта оперативного интереса для решения задач ОРД».

В данном случае следует отметить логические неточности, допущенные казахстанским законодателем, поскольку основное понятие («внедрение») определено через тождественное (также «внедрение»). В свою очередь, в Модельном законе «Об ОРД» определено, что оперативное внедрение – это «проникновение в преступную группу сотрудника органа, осуществляющего ОРД, или лица, оказывающего ему содействие на конфиденциальной основе, для решения задач ОРД».

Таким образом, определение «внедрения» в Законе РК «Об ОРД» практически ничем не отличается от «оперативного внедрения» Модельного закона «Об ОРД». Различия заключаются в том, что казахстанский законодатель в определении мероприятия использовал термин «негласный», а Модельный закон «Об ОРД» фиксирует дефиницию посредством термина «проникновение». Многие ученые полагают, что во внедрении необходимо уделять особое внимание легендированию [128, с. 107]. Вместе с тем, как мы указывали ранее, использование данного термина в легальном аспекте (на уровне законодательного акта) является нежелательным. В целом, как мы полагаем, легендирование относится исключительно к приему осуществления ОРМ, когда оно фактически в той или иной форме может быть отнесено к значительной группе действий, имеющих более усложненный характер исполнения. Так, в частности, Ю.П. Гармаев предлагает использование приема легендирования, в том числе, и при осуществлении оперативного эксперимента для выявления коррупционных преступлений (здесь имеются отдельные аспекты, связанные с необходимостью исключения провокации преступления, но мы не будем здесь их акцентировать) [182, с. 1-10]. Соответственно, помимо ранее сформулированных возражений относительно использования данного понятия в рамках легальных формулировок, полагаем, что в качестве дополнительного аргумента можно также отметить, что его указание в рамках одних ОРМ и отсутствие соответствующего указания в рамках других может приводить к дополнительным теоретическим дискуссиям, которые фактически не связаны с определением непосредственно формы и содержания соответствующих ОРМ. Данное утверждение можно исключить в

отношении ведомственных актов (наставлений, инструкций и т.д.), однако на уровне профильного законодательства, полагаем, достаточно указания на гласный или негласный характер соответствующего ОРМ.

Сравнивая регламентацию анализируемого ОРМ в оперативно-розыскных законах РФ и РК, можно заметить их сходство в родовой принадлежности к определенному характеру действий, с помощью которых данное мероприятие реализуется. Тем не менее, у них есть и отличительные признаки. В ФЗ РФ «Об ОРД» для проведения оперативного внедрения обязательным условием является решение руководителя органов, осуществляющих ОРД (аналогичное требование предусмотрено не только в оперативном внедрении, но и в проверочной закупке, контролируемой поставке и оперативном эксперименте), тогда как в Законе РК «Об ОРД» отсутствует соответствующий императив. Учитывая то обстоятельство, что оперативное внедрение является весьма трудоемкими и в целом, может быть сопряжено с ограничением конституционных прав граждан, полагаем, что было бы целесообразно предусмотреть аналогичную норму в Законе РК «Об ОРД».

Отметим также, что в УПК РК ранее было предусмотрено НСД «негласное внедрение и (или) имитация преступной деятельности» (исключено в соответствии с Законом РК от 27.12.19 г. № 292-VI) [41], которое фактически представляло собой суммирование двух оперативно-розыскных мероприятий («внедрение» и «применение модели поведения, имитирующей преступную деятельность»). В самостоятельной статье 251 УПК РК (к настоящему времени исключенной) были предусмотрены только правила проведения указанного НСД, которые сводились к следующему: 1) обязательное письменное согласие лица на осуществление рассматриваемого НСД; 2) запрет на совершение действий или бездействий, связанных с угрозой жизни, здоровью человека, собственности за исключением случаев необходимой обороны, задержания лица, совершившего посягательство, крайней необходимости, обоснованного риска в соответствии с положениями УК РК; 3) постоянное согласованное информирование следователя или дознавателя; 4) по окончании проведения НСД оперативные подразделения

должны были предоставить дознавателю, следователю все имеющиеся материалы в опечатанном виде с сопроводительным письмом.

Анализируя ныне исключенные в УПК РК условия проведения негласного внедрения и (или) имитации преступной деятельности, мы усматриваем возможность использования отдельных аспектов отмененных законодательных конструкций в рамках регламентации в Законе РК «Об ОРД». Так, в ч. 4 ст. 18 ФЗ РФ «Об ОРД» указывается, что, лицо, сотрудничающее с органами, осуществляющими ОРД, совершает противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, при этом возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности. Реализация подобных «дозволительных» практик, в целом, возможна исключительно по основаниям, предусмотренным в Уголовном законе Российской Федерации, и в пределах существующих уголовно-процессуальных процедур [140, с. 195]. Несмотря на то, что уголовный закон, в целом, содержит круг обстоятельств, исключающих преступность деяния (как мы уже ранее указывали, в УК РК имеется также «специальное основание», применимое в отношении ОРМ и НСД), полагаем, дополнительное упоминание о нем непосредственно в тексте Закона РК «Об ОРД» не было бы излишним.

А.Ю. Шумилов в определение оперативного внедрения, помимо легендированного ввода, включил также приобретение оперативно-розыскным органом конфиденциального источника [158, с. 69], то есть вербовку лица. Необходимо отметить, что для вербовки лица Закон РК «Об ОРД» предусматривает самостоятельное оперативно-розыскное мероприятие «установление гласных и негласных отношений с гражданами, использование их в оперативно-розыскной деятельности». Полагаем, что включение в оперативное внедрение действий по вербовке лица, а также выделение его в качестве самостоятельного мероприятия (как в Законе РК «Об ОРД») ошибочно, поскольку предусмотрена статья по содействию граждан органам, осуществляющим ОРД (ст.17 ФЗ РФ «Об ОРД», ст. 13 Закон РК «Об ОРД»).

Одни считают, что оперативное внедрение проводится тогда, когда другие оперативно-розыскные возможности были исчерпаны или не достигли поставленной цели [248, с. 8; 178, с. 286]. Полагаем, что это в большей степени относится к неоднократно упомянутым аксиологическим аспектам оперативно-розыскной деятельности, поскольку на нормативном уровне соответствующее ограничение не установлено (и вряд ли имеет место целесообразность такого установления).

Имеются также определения данного ОРМ как «конспиративного внедрения штатного сотрудника органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, или оказывающего ему конфиденциальное содействие лица в криминально-криминогенную среду или на соответствующие объекты для сбора разведывательных данных о лицах, фактах и обстоятельствах, необходимых для решения задач борьбы с преступностью, обеспечения безопасности личности, общества и государства от преступных посягательств и иного конспиративного содействия решению задач оперативно-розыскной деятельности» [196, с. 29]. Здесь не совсем ясно указаны субъекты оперативного внедрения («штатный сотрудник органа, осуществляющий ОРД»), поскольку оперативно-розыскной закон не предусматривает такой субъект; соответственно, автор, скорее всего, имеет в виду штатного негласного сотрудника, исполняющего свои обязанности [114, с. 64]. Кроме того, данное определение недостаточно лаконично за счет включения в него указания на задачи ОРД, в целом, которые дублировать в каждом отдельно взятом определении ОРМ нецелесообразно.

Резюмируя приведенную аргументацию, считаем, что оперативное внедрение следует понимать как *оперативно-розыскное мероприятие, основанное на конспиративном вводе сотрудника оперативно-розыскного органа или лица, оказывающего ему конфиденциальное содействие в криминогенную среду или на соответствующие криминогенные объекты в целях сбора сведений о лицах, фактах и об обстоятельствах, необходимых для решения задач ОРД*. Данное определение подходит также мероприятию «внедрение», закрепленному в Законе РК «Об ОРД».

В целом, в рамках данного параграфа рассмотрено подавляющее большинство общих ОРМ, предусмотренных в ФЗ РФ «Об ОРД» и в Законе РК «Об ОРД». При этом был преимущественно произведен акцент на тех ОРМ, которые имеют те или иные отличительные аспекты законодательной регламентации в законодательстве обеих стран. Так, в частности, в рамках исследований проведения такого ОРМ, как отождествление личности (в Законе РК «Об ОРД» содержится легальное определение данного понятия) преимущественно акцентируется внимание не столько на специфике его правового регулирования, сколько на достаточности существующих тактических приемов и использовании доступных технических средств и ресурсов. Что касается, к примеру, применения служебно-розыскных собак (выделено в отдельное ОРМ в Законе РК «Об ОРД»), то ранее в работе аргументировалась необходимость разграничения ОРМ и методов ОРД, что позволяет отнести данное действие именно к методу, а не к отдельному ОРМ. В данном случае следует вновь воспроизвести вывод, сформулированный в конце предыдущего параграфа диссертации, что Закон РК «Об ОРД» допускает как нежелательное синтезирование отдельных ОРМ в рамках одного, так и методологически необоснованную их фрагментацию (применение служебно-розыскных собак, равно как и ряд других упомянутых в Законе РК «Об ОРД» ОРМ являются к тому иллюстрацией).

Таким образом, осуществив сравнительный анализ сопоставимых общих ОРМ в российском и казахстанском оперативно-розыскном законодательстве, можно сформулировать следующие основные выводы:

Во-первых, оценивая специфику регламентации общих ОРМ в российском и казахстанском оперативно-розыскном законодательстве, явно обращает на себя внимание приверженность российского законодателя к более традиционным формам ОРМ (как в плане наименования, так и в содержательном компоненте). Напротив, в казахстанском профильном законе имеет место использование достаточно специфических наименований, которые нередко приходится сопоставлять с одноименными аналогами традиционных ОРМ, равно как и не вполне обоснованное выделение в качестве ОРМ действий, которые по своему

содержанию в большей степени соответствуют оперативно-розыскным методам (в частности, применение служебно-розыскных собак).

Во-вторых, явным пробелом казахстанского профильного закона «Об ОРД» является отсутствие самостоятельного ОРМ, обладающего признаками оперативного эксперимента. Учитывая отсутствие препятствий для единообразной дефиниции данного понятия в российском и казахстанском варианте регламентации, полагаем, что его следует определить как *оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в моделировании и наблюдении ситуации, позволяющей органам, осуществляющим ОРД, производить контроль известного и неизвестного лица с целью пресечения преступления.*

В-третьих, в целях обеспечения баланса интересов ОРД и законных интересов граждан и организаций, а также снижения рисков чрезмерного вмешательства в поведенческие механизмы контролируемых лиц при проведении оперативного эксперимента в УК РФ следует включить общий состав преступления, предусматривающий ответственность за провокацию преступления (по аналогии со ст. 412-1 УК РК «Провокация преступления»). Это позволит усилить аксиологическую составляющую ОРД в совокупности с решениями, сформулированными в предыдущих структурных частях диссертационной работы.

В-четвертых, для уточнения признаков ОРМ, именуемого как «контролируемая поставка», его следует определить (как в российском, так и в казахстанском варианте) как *оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в негласном контроле за поставкой и перемещением товаров, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, в целях выявления причастных к ним лиц и пресечения преступления.* При этом возможность утраты перемещаемых товаров является дополнительным аргументом к тому, чтобы законодательно предусмотреть причинение соответствующего вреда в структуре самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния (целесообразность дополнения УК РФ подобным обстоятельством, аналогичным ст. 37-1 УК РК была обоснована в предыдущих параграфах работы)

В-пятых, оперативное внедрение (в казахстанском варианте – «внедрение») следует понимать как *оперативно-розыскное мероприятие, основанное на конспиративном вводе сотрудника оперативно-розыскного органа или лица, оказывающего ему конфиденциальное содействие в криминогенную среду или на соответствующие криминогенные объекты в целях сбора сведений о лицах, фактах и об обстоятельствах, необходимых для решения задач ОРД.*

В-шестых, следует признать, что основной целью опроса является добывание оперативно значимой информации, а для полиграфологического исследования преимущественно характерна оценка достоверности сообщаемой информации и изучение психологических особенностей объекта исследования по причине чего полиграфологическое исследование не обладает признаком самостоятельного ОРМ и может рассматриваться исключительно как метод проведения оперативного опроса для верификации ранее или параллельно полученных данных.

В-седьмых, возможность указания в определениях оперативно-розыскных мероприятий признака «легендирование» представляется спорной и нежелательной, поскольку это связано с чрезмерной детализацией тактических приемов и методов, используемых в ОРД, которые в профильном законодательстве не имеют необходимости и без надобности снижают элемент «закрытости», свойственный ОРД.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное сравнительно-правовое исследование позволило выявить как заметные схожие подходы к регламентации оперативно-розыскных мероприятий в России и Казахстане, так и целый ряд более или менее принципиальных отличий. Сопоставление двух национальных моделей регулирования вопросов осуществления оперативно-розыскных мероприятий позволило обнаружить существенный потенциал для возможной гармонизации законодательства обеих стран в целях более эффективного достижения задач ОРД. Оценивая специфику регламентации большинства ОРМ в российском и казахстанском оперативно-розыском законодательстве, была обнаружена явная приверженность российского законодателя к более «традиционным» формам ОРМ (как в плане наименования, так и в содержательном компоненте). Напротив, в казахстанском профильном законе имеет место использование достаточно специфических наименований, которые нередко приходится сопоставлять с одноименными аналогами «традиционных» ОРМ, равно как и не вполне обоснованное выделение в качестве ОРМ действий, которые по своему содержанию в большей степени соответствуют оперативно-розыскным методам (в частности, применение служебно-розыскных собак).

Поскольку ОРД представлена в виде суммирования всего комплекса оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных законодательством, содержание каждого отдельно взятого мероприятия должно иметь четко очерченные законом «границы» допустимого вмешательства в частную жизнь граждан, которые позволят снизить конфликтогенность оперативно-розыскной деятельности. Решению данной задачи в максимальной степени может способствовать наличие легальных дефиниций в тексте профильного законодательства «Об ОРД». В ходе теоретического анализа наиболее предпочтительного варианта законодательного оформления понятия «оперативно-розыскное мероприятие», обосновано, что в нем должны содержаться следующие необходимые признаки»: 1) указание на четкую нормативно-правовую основу;

2) наличие упоминания о «субъектном факторе»; 3) упоминание о сочетании гласных и негласных методах осуществления мероприятия; 4) четкое указание на цель самого мероприятия, соответствующую их поисково-выявительному характеру; 5) согласованность каждого конкретного мероприятия с общими целями и задачами ОРД; 6) акцент на специфике оперативно-розыскного мероприятия, которая заключается в том, что оно не только проводится, но и инициируется особым образом.

Основные теоретические выводы по диссертации:

«Перечневый» метод упоминания ОРМ в оперативно-розыском законодательстве нельзя признать удовлетворительным решением, так как он препятствует формированию четкой системы ОРМ. Необходимо преодоление различной степени анонимизации понятий оперативно-розыскных мероприятий в российском и казахстанском законодательстве об ОРД, поскольку только данное решение позволит констатировать наличие законодательно оформленной системы ОРМ и снизит риски чрезмерного субъективного усмотрения правоприменителя. Соответственно, наиболее оптимальным решением будет сочетание перечневого метода с обязательной легальной дефиницией и детализацией основных условий проведения каждого ОРМ (отчасти имеет место в казахстанском оперативно-розыском законе) [3-М]. Соответственно, систему оперативно-розыскных мероприятий предложено определить как *законодательно оформленную и исчерпывающую комплектацию различных видов разрешенных оперативно-розыскных мероприятий, имеющих качественно отличное содержание, основания и условия их осуществления, не находящиеся в отношении соподчинения и предполагающих возможность их комбинации при реализации ОРД* [5-А].

В качестве основных критериев классификации ОРМ обоснованы: 1) форма проведения ОРМ, в рамках которой выделяются: а) только гласные; б) как гласные, так и негласные; в) только негласные); 2) свобода инициирования и проведения (условия проведения), позволяющая выделить свободно инициируемые (не требующие решения руководителя оперативного

подразделения или санкционирования со стороны суда (в российском варианте) или прокурора (в казахстанском варианте)) и иницируемые с ограничениями (требующими надлежащих методов согласования и санкционирования).

Необходимость частичного преодоления анонимизации отдельных понятий и категорий, связанных с осуществлением оперативно-розыскных мероприятий не может сопровождаться чрезмерным раскрытием на уровне закона специальных процессуальных и тактических вопросов ОРД. Оптимальная модель оперативного законодательства должна быть построена по принципу «золотой середины», лишенной чрезмерной анонимизации, равно как и защищенной от обнаружения методов, приемов работы, непосредственно характеризующих ОРД. Так, в частности, возможность указания в определениях оперативно-розыскных мероприятий признака «легендирование» признана спорной и нежелательной, поскольку связана с чрезмерной детализацией тактических приемов и методов, используемых в ОРД, которые без надобности снижают элемент «закрытости», свойственный ОРД.

В качестве специальных вопросов, которые требуют нового решения на уровне российского и казахстанского профильного законодательства об ОРД, обозначены: 1) обособление института осуществления ОРМ в случаях, не терпящих отлагательства; 2) синтез основных положений, касающихся оперативно-розыскного иммунитета в рамках отдельной статьи профильного закона об ОРД; 3) закрепление положений, касающихся принудительных мер в оперативно-розыскных законодательствах Российской Федерации и Республики Казахстан [8-А].

Так, для нейтрализации рисков снижения инициативности, а также применения мер дисциплинарной и иной правовой ответственности к руководителям оперативных подразделений, требуется уточнение оснований (в рамках отдельных инструкций), по факту которых допускается проведение оперативно-розыскных мероприятий в случаях, не терпящих отлагательств.

При оформлении перечня основных субъектов «оперативно-розыскного иммунитета» следует исходить из основополагающего принципа, что он по

своему объему должен быть гораздо более ограниченным, нежели уголовно-процессуальный иммунитет. Следует учесть специфику оперативно-розыскного иммунитета адвоката и его ограниченность исключительно обстоятельствами, составляющими адвокатскую тайну. Одновременно для казахстанского законодателя весьма востребовано решение относительно прозрачности проведения специальных оперативно-розыскных мероприятий в отношении прокурорских работников для продления специфического конфликта интересов (поскольку именно они санкционируют проведение данных ОРМ) [13-М].

Проведенный теоретический анализ показал, что до настоящего времени вопрос относительно законодательной фиксации мер принудительного характера в законодательстве об ОРД не решен, равно как сами вопросы допустимости и границ применения данных мер. Исследование вопроса показало, что наиболее оптимальным будет метод «отрицательного признака», когда непосредственно в профильном законе об ОРД будут перечислены меры принуждения, которые недопустимы в рамках осуществления оперативно-розыскных мероприятий, что предполагает допустимость иных мер, не включенных в соответствующий перечень.

Рекомендации совершенствованию уголовного и оперативно-розыскного законодательства

Учитывая различное «правовое поле», функционирующее в Российской Федерации и Республике Казахстан, можно сформулировать только базовое общее определение понятия «оперативно-розыскное мероприятие», которое целесообразно представить как *«действия, иницилируемые и проводимые уполномоченными на то субъектами, в соответствии с требованиями нормативных правовых актов, основанные на применении гласных и негласных методов и средств и направленные на получение и реализацию информации, необходимой для достижения целей и задач ОРД»*. При этом соответствующее определение в Законе РК «Об ОРД» должно быть дополнено указанием *«... не подпадающие под признаки негласных следственных действий, осуществляемых*

в стадии досудебного производства по уголовным делам в соответствии с Уголовно-процессуальным законодательством Республики Казахстан» (что необходимо для учета различной правовой природы ОРМ и НСД [4-А], к настоящему времени установленной казахстанским законодателем) [14-А].

Проведение оперативно-розыскных мероприятий всегда в большей или меньшей степени сопряжено с конфликтом публичных и частных интересов, что является допустимым в связи с необходимостью решения задач противодействия преступности. Аксиологический аспект оперативно-розыскной деятельности до настоящего времени слабо отражен в нормах профильного законодательства, по причине чего обоснованным выглядит предложение о разработке обособленного этического стандарта в отношении сотрудников оперативных подразделений, в котором содержались бы нравственно-ценностные ориентиры в отношении каждого отдельно взятого ОРМ (равно как в отношении всего построения ОРД). Необходимы также дополнительные гарантии, в частности, нейтрализация уголовно-правового конфликта, который может возникнуть при причинении вреда охраняемым интересам граждан и организаций в ходе осуществления ОРД. В связи с чем, УК РФ, по аналогии со ст. 35 УК РК следует дополнить новым обстоятельством, исключающим преступность деяния, - причинение вреда при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий с необходимым набором условий правомерности. Кроме того, в целях обеспечения баланса интересов ОРД и законных интересов граждан и организаций, а также снижения рисков чрезмерного вмешательства в поведенческие механизмы контролируемых лиц при проведении оперативного эксперимента в УК РФ следует включить общий состав преступления, предусматривающий ответственность за провокацию преступления (по аналогии со ст. 412-1 УК РК «Провокация преступления»).

Сравнительное исследование продемонстрировало, что и для российского, и для казахстанского правоприменителя – сотрудника оперативного подразделения сконструированы основные ориентиры (ограничения), призванные осуществлять необходимое дозирование объема вмешательства в частную жизнь граждан, обусловленное необходимостью решения задач ОРД. Вместе с тем

казахстанская практика регламентации ОРМ, связанных с ограничением конституционных прав граждан, выглядит менее последовательной по следующим причинам: 1) оформление «синтезированных» ОРМ, включающих в себя два самостоятельных мероприятия, каждое из которых предусматривает необходимость самостоятельного санкционирования и оценки с точки зрения законности его осуществления; 2) чрезмерная фрагментация ОРМ в случаях, когда его осуществление организационно-технически исполнимо в рамках иного ОРМ; 3) отсутствие (в отличие от ФЗ РФ «Об ОРД») более или менее четких ориентиров, касающихся сроков проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы граждан; 4) допустимость осуществления ОРМ в отношении жилых помещений без соответствующего санкционирования (в российской модели все вопросы, связанные с обследованием жилых помещений, относятся к строго санкционируемым). Так, в рамках досмотра с участием понятых (п. 16 ч. 1 ст. 11 Закона РК «об ОРД»), относящегося к «общим» ОРМ (не требующим санкционирования) указываются, в том числе, и жилые помещения, что следует признать недопустимым. В целом, участие понятых при осуществлении ОРМ (единично в рамках данного мероприятия), спорное само по себе, следует расценивать как своего рода нежелательный компромисс в отношении нарушения прав граждан не неприкосновенность жилища.

По результатам сопоставительного анализа сформулирован вывод, что «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (ФЗ РФ «Об ОРД») и «негласные проникновение и (или) обследование места» (Закон РК «Об ОРД») целесообразно переименование на *«оперативный осмотр»*, который следует определить как *оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в гласном и негласном не процессуальном осмотре объектов с целью обнаружения документов, следов, предметов, в отношении которых есть основание предполагать их отношение к преступной деятельности, а также получения иной информации, необходимой для решения задач ОРД* [11-А].

Исходя из текущей редакции Закона РК «Об ОРД», под *оперативным досмотром* следует понимать *оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в принудительном гласном не процессуальном досмотре объектов, лиц, имущества с целью обнаружения документов, следов, предметов, в отношении которых есть основание предполагать их отношение к преступной деятельности, а также получения иной информации, необходимой для решения задач ОРД.* Поскольку в ФЗ РФ «Об ОРД» аналог соответствующего ОРМ отсутствует, обосновано предложение относительно его включения в систему ОРМ в рамках российской модели. При этом казахстанскому законодателю следует устранить нежелательный компромисс, связанный с уязвимостью конституционного права на неприкосновенность жилища граждан и отнести ОРМ в условиях жилых помещениях к перечню специальных ОРМ [11-А].

В качестве одного из частных элементов гармонизации российского и казахстанского оперативно-розыскного законодательства также обоснована целесообразность объединения ПТП и СИТКС, закрепленных в ФЗ РФ «Об ОРД», в одно мероприятие под названием *«контроль сети электросвязи»*, определив его как *оперативно-розыскное мероприятие, осуществляемое негласно при помощи специальных технических средств для получения информации, передаваемой лицами по сетям электросвязи.* Параллельно в Законе РК «Об ОРД» мероприятие «негласный контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи» переименовать на *«негласный контроль сети электрической связи»* с аналогичным определением. Кроме того, выявлена необходимость ФЗ РФ «Об ОРД» в закреплении самостоятельного ОРМ *«электронное наблюдение»*, а в качестве корреспондирующего изменения в Законе РК «Об ОРД» целесообразно название мероприятия с *«негласный аудио- и (или) видеоконтроль лица или места»* изменить на *«негласный аудио- и (или) видеоконтроль»* и определить как *оперативно-розыскное мероприятие, осуществляемое негласно при помощи специальных технических средств в целях получения и фиксации речевой и иной информации, необходимой для решения задач ОРД* [10-А].

Пробелом казахстанского профильного закона «Об ОРД» признано отсутствие самостоятельного ОРМ, обладающего признаками оперативного эксперимента. При этом оперативный эксперимент по результатам исследования определен как *оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в моделировании и наблюдении ситуации, позволяющей органам, осуществляющим ОРД, производить контроль известного и неизвестного лица с целью пресечения преступления.*

Для уточнения признаков ОРМ, именуемого как «контролируемая поставка», предложено определить его (и в российском, и в казахстанском варианте) как *оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в негласном контроле за поставкой и перемещением товаров, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, в целях выявления причастных к ним лиц и пресечения преступления.* В свою очередь, оперативное внедрение (в казахстанском варианте – «внедрение») предложено понимать как *оперативно-розыскное мероприятие, основанное на конспиративном вводе сотрудника оперативно-розыскного органа или лица, оказывающего ему конфиденциальное содействие в криминогенную среду или на соответствующие криминогенные объекты в целях сбора сведений о лицах, фактах и об обстоятельствах, необходимых для решения задач ОРД.*

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ИСТОЧНИКОВ)*Нормативные правовые акты стран-участниц СНГ и другие официальные документы*

[1]. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020]. – Москва: Проспект, 2022. – 120 с.

[2]. Конституция Республики Казахстан : [принята на всенародном референдуме 30.08.1995 года]. – Алматы: Юрист, 2021. – 39 с.

[3]. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 21.10.2024).

[4]. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 02.10.2024 N 340-ФЗ) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. (дата обращения: 21.10.2024).

[5]. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.09.2024 г.) [Электронный ресурс] // Сайт «online.zakon.kz». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252#pos=5;-106 (дата обращения: 21.10.2024).

[6]. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (по сост. на 01.10.2023). – URL: [Электронный ресурс] // Сайт «online.zakon.kz». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 20.12.2024).

[7]. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 02.10.2024 N 340-ФЗ) [Электронный ресурс] // СПС

КонсультантПлюс. – Режим доступа:
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=336787&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.8933568893907304#07376197133682698> (дата обращения: 21.10.2024).

[8]. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.12.2024 г.) [Электронный ресурс] // Сайт «online.zakon.kz». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 12.12.2024).

[9]. Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 года № 4651-VI (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.08.2024 г.) [Электронный ресурс] // Сайт «online.zakon.kz». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178 (дата обращения: 21.10.2024).

[10]. Уголовный процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129 (в редакции Закона КР от от 16 мая 2024 года № 86) [Электронный ресурс] // Сайт «Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики». – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112308> (дата обращения: 21.10.2024).

[11]. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. 14.10.2024) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 21.10.2024).

[12]. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.10.2024 г.) [Электронный ресурс] // Сайт «online.zakon.kz». – Режим доступа https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31577399 (дата обращения: 21.10.2024).

[13]. Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022 N 638-ФЗ) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=330818&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.6725908416319781#04560353826378243> (дата обращения: 21.10.2024).

[14]. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Республики Казахстан от 15 сентября 1994 года № 154-ХІІІ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.12.2024 г.) [Электронный ресурс] // Сайт «online.zakon.kz». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1003158&pos=4;-88#pos=4;-88 (дата обращения: 20.12.2024).

[15]. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Республики Таджикистан от 25 марта 2011 года № 687 (в редакции Закона РТ от 18.07.2017г. № 1447) [Электронный ресурс] // Сайт Министерства внутренних дел Республики Таджикистан. – Режим доступа: <https://vkd.tj/index.php/ru/zakony-respubliki-tadzhikistan/87-zakon-respubliki-tadzhikistan-ob-operativno-rozysknoj-deyatelnosti> (дата обращения: 21.10.2024).

[16]. Об оперативно-розыскной деятельности :Закон Республики Узбекистан от 25 декабря 2012 года № ЗРУ-344 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13.03.2024 г.) [Электронный ресурс] // Сайт «online.zakon.kz». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31318434&pos=5;-106#pos=5;-106 (дата обращения: 21.10.2024).

[17]. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 года № 307-З «» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.02.2023 г.) [Электронный ресурс] // Сайт «online.zakon.kz». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39712070 (дата обращения: 21.10.2024).

[18]. Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» принят на десятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ : постановление от 6 декабря 1997 года №10-12 [Электронный ресурс] // База данных: Законодательство стран СНГ. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=30969 (дата обращения: 21.10.2024).

[19]. Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности (новая редакция)»: [принят на двадцать седьмом пленарном заседании

Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ постановлением № 27-6 от 16 ноября 2006 года] [Электронный ресурс] // Сайт «online.zakon.kz». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30161811#pos=0;0. (дата обращения: 21.10.2024).

[20]. О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 08.08.2024 N 232-ФЗ) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 21.10.2024).

[21]. Об органах внутренних дел Республики Казахстан : Закон Республики Казахстан от 23 апреля 2014 года № 199-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.07.2024 г.) [Электронный ресурс] // Сайт «online.zakon.kz». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31538985 (дата обращения: 21.10.2024).

[22]. Об авторском праве и смежных правах : Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 года №262-з [Электронный ресурс] // База данных: Законодательство стран СНГ. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=43409 (дата обращения: 21.10.2024).

[23]. Об авторском праве и смежных правах : Закон Республики Казахстан от 10 июня 1996 года № 6-I (с изменениями и дополнениями по состоянию на 08.06.2024 г.) [Электронный ресурс] // Сайт online.zakon.kz. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005798#pos=69;-151 (дата обращения: 21.10.2024).

[24]. О противодействии терроризму : Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023 N 287-ФЗ) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 21.10.2024).

[25]. О связи : Федеральный закон от 07.07.2003 N 126-ФЗ (от 04.08.2023 N 473-ФЗ (ред. 14.11.2023) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=326371&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.8861953449686799#036258681275616> (дата обращения: 21.10.2024).

[26]. О связи : Закон Республики Казахстан от 5 июля 2004 года № 567-ІІ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.09.2024 г.) [Электронный ресурс] // Сайт «online.zakon.kz». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1049207 (дата обращения: 21.10.2024).

[27]. О почтовой связи : Федеральный закон от 17.07.1999 N 176-ФЗ (ред. от 19.12.2023 N 602-ФЗ) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=301417&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.5083835734911162#0266703162922703> (дата обращения: 21.10.2024).

[28]. О почте : Закон Республики Казахстан от 9 апреля 2016 года № 498-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.08.2024 г.) [Электронный ресурс] // Сайт «online.zakon.kz». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=34933247 (дата обращения: 21.10.2024).

[29]. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23.06.2016 N 182-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976/ (дата обращения: 21.10.2024).

[30]. О профилактике правонарушений : Закон Республики Казахстан от 29 апреля 2010 года № 271-ІV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.06.2024 г.) [Электронный ресурс] // Сайт «online.zakon.kz». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30657323 (дата обращения: 21.10.2024).

[31]. О банках и банковской деятельности» : Федеральный закон от 02.12.1990 N 395-1 (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения: 21.10.2024).

[32]. О наркотических средствах и психотропных веществах : Федеральный закон 08.01.1998 N 3-ФЗ (ред. от 25.12.2023 N 670-ФЗ) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/ (дата обращения: 21.10.2024).

[33]. О наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими : Закон Республики Казахстан от 10 июля 1998 года № 279-І (с изменениями и дополнениями по состоянию на 08.06.2024 г.) [Электронный ресурс] // Сайт «online.zakon.kz». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1009806 (дата обращения: 21.10.2024).

[34]. О прокуратуре : Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года № 155-VII (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.09.2023 г.) [Электронный ресурс] // Сайт «online.zakon.kz». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31771762&pos=3;-106#pos=3;-106 (дата обращения: 21.10.2024).

[35]. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024 N 83-ФЗ) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (дата обращения: 21.10.2024).

[36]. О статусе судей в Российской Федерации : Закон РФ от 26 июня 1992 года № 3132-1 (ред. от 10.07.2023 N 286-ФЗ) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (дата обращения: 21.10.2024).

[37]. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации :

Федеральный закон от 03.08.2018 N 289-ФЗ (ред. от 26.02.2024 N 26-ФЗ.) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304093/ (дата обращения: 21.10.2024).

[38]. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля : Федеральный закон от 26.12.2008 N 294-ФЗ (ред. от 08.08.2024 N 310-ФЗ) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83079/ (дата обращения: 21.10.2024).

[39]. Об утверждении Этического кодекса сотрудников правоохранительных органов, органов гражданской защиты и государственной фельдъегерской службы Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями от 17.11.2023 г.) : Указ Президента Республики Казахстан от 2 января 2023 года № 81 [Электронный ресурс] // Сайт «online.zakon.kz». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32946803&pos=2;-106#pos=2;-106 (дата обращения: 21.10.2024).

[40]. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовно-процессуального законодательства : Закон Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 233-V [Электронный ресурс] // Сайт «online.zakon.kz». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31576217 (дата обращения: 21.10.2024).

[41]. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и усиления защиты прав личности : Закон Республики Казахстан от 27 декабря 2019 года № 292-VI [Электронный ресурс] // online.zakon.kz. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=39975530#pos=1;-16 (дата обращения: 21.10.2024).

[42]. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам оперативно-розыскной деятельности : Закон Республики Казахстан от 17 июля 2009 года № 187-IV [Электронный ресурс] // Сайт «Әділет». – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000187_ (дата обращения: 20.12.2024).

[43]. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия коррупции : Закон Республики Казахстан от 6 октября 2020 года № 365-VI [Электронный ресурс] // Сайт «Әділет». – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000365> (дата обращения: 21.10.2024).

[44]. Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: утверждена совместным ведомственным актом от 27 сентября 2013 года № 776/703/509/507/18 20/42/535/398/68; Приказ МВД России от 1 апреля 2014 года № 199 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного, оперативно-розыскного мероприятия, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» и др.

[45]. О применении полиграфа : проект Федерального закона N 478780-5 [ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 24.12.2010] [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим обращения: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=82508#03324489142818765> (дата обращения: 21.10.2024).

[46]. О проекте Рекомендаций по сближению и гармонизации законов государств-членов ОДКБ об оперативно-розыскной деятельности: постановление ПА ОДКБ от 26 ноября 2015 г. № 8-14 [Электронный ресурс] // Парламентская Ассамблея ОДКБ. – Режим доступа:

http://www.paodkb.ru/upload/iblock/51a/p_14b_rekomendatsii_operativno_razysknaaya-deyatelnost (дата обращения: 21.10.2024).

[47]. О проекте модельного Соглашения о сотрудничестве государств – членов ОДКБ в сфере оперативно-разыскной деятельности : постановление Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс] // Парламентская Ассамблея Организации Договора о коллективной безопасности. – Режим доступа: http://www.paodkb.ru/upload/iblock/d6c/p_4c_soglashenie-ord.docx (дата обращения: 21.10.2024).

[48]. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод: [заключена в Риме 4 ноября 1950 г.: ред. от 13 мая 2004 г.] // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 20. – Ст. 2143.

[49]. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. ратифицирована: Российской Федерацией 30 марта 1998 года ФЗ № 54-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 14. – Ст. 1514.

[50]. Об утверждении Правил проведения негласных следственных действий : Совместный приказ Министра финансов Республики Казахстан от 12 декабря 2014 года № 565, Начальника Службы государственной охраны Республики Казахстан от 15 декабря 2014 года № 146, Председателя Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции от 18 декабря 2014 года № 62, Председателя Комитета национальной безопасности Республики Казахстан от 18 декабря 2014 года № 416 и Министра внутренних дел Республики Казахстан от 12 декабря 2014 года № 892 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14.05.2020 г.) [Электронный ресурс] // Сайт «online.zakon.kz». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31652864#pos=0;100 (дата обращения: 21.10.2024).

[51]. Об утверждении Правил приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований (с изменениями и дополнениями по состоянию на

13.02.2024 г.) : Приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 года № 89. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 23 сентября 2014 года № 9744 [Электронный ресурс] // Сайт «Әділет». – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14W0009744> (дата обращения: 21.10.2024).

[52]. Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : Приказ МВД России от 26.06.2020 N 460 (ред. от 02.05.2023) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449972/ (дата обращения: 21.10.2024).

[53]. Указание Генерального Прокурора Республики Казахстан в порядке статьи 35 Конституционного закона РК «О Прокуратуре» «Установлены факты, когда сотрудники допускали провокацию преступления, заведомо создавалась обстановка, приводящая к совершению другим лицом уголовного правонарушения или к соучастию в нем» (декабрь 2022 года) [Электронный ресурс] // Сайт «online.zakon.kz». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38625048 (дата обращения: 21.10.2024).

[54]. О санкционировании негласных следственных действий : Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 декабря 2020 года № 5 [Электронный ресурс] // Сайт «Әділет». – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P200000005S> (дата обращения: 21.10.2024).

[55]. О сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации: Соглашение [Электронный ресурс] // Официальный сайт: Исполнительный комитет СНГ. – Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=866> (дата обращения: 21.10.2024).

Судебная практика

[56]. Обобщение судебной практики по вопросу «Применение некоторых норм уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан об обеспечении прав и свобод граждан в уголовном процессе» (неприкосновенность личности, частной жизни, жилища; тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений) (Надзорная судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Казахстан, 2010) [Электронный ресурс] // Сайт «online.zakon.kz». – Режим доступа: online.zakon.kz. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30783586 (дата обращения: 21.10.2024).

[57]. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тибилова Алана Джандеровича на нарушение его конституционных прав положениями частей первой и второй статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2018 г. № 842-О.

[58]. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» жалобе гражданки И. Г. Черновой: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г. № 86-О.

[59]. Кассационное определение судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 13.12.2012 № 48-О12-110.

[60]. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козлова Александра Константиновича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подпунктом 1 пункта 2 части первой статьи 7 и частью восьмой статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.02.2020 № 322-О.

[61]. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.03.2017 № 568-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки

Побединской Александры Юрьевны на нарушение ее конституционных прав ч. 3 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

[62]. Постановление ЕСПЧ по делу «Ахлюстин против России» от 7 ноября 2017 г. – § 39 [Электронный ресурс] // Сайт Министерства внутренних дел по Республике Марий Эл. – Режим доступа: <https://12.xn--b1aew.xn--p1ai/document/16430666> (дата обращения: 21.10.2024).

[63]. Постановление ЕСПЧ по делу «Быков против России» от 10 марта 2009 г. // Прецеденты Европейского Суда по правам человека по России, 2010. – № 7. – С. 28-42. – § 80-83 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕСПЧ. – Режим доступа: http://european-court.ru/uploads/ECHR_Вуков_v_Russia_10_03_2009.pdf (дата обращения: 21.10.2024).

[64]. Определение Конституционного Суда РФ от 25.05.2017 N 988-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кучера Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 5 - 15 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=502718#035645842111185266> (дата обращения: 21.10.2024).

[65]. Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 N 319-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сорокина Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] // Сайт Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27022020-n-319-o/> (дата обращения: 21.10.2024).

Учебные пособия, учебники и монографии

[66]. Аверьянова Т.В. Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма, 2013. – 928 с.

[67]. Агарков А.В. Дефиниции оперативно-розыскных мероприятий: сравнительный анализ и законодательное закрепление: монография / А.В. Агарков; Федер. служба исполн. наказаний, Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний. – Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2017. – 92 с.

[68]. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности: сборник научных трудов / под общ. ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. – Москва: ИНФРА-М., 2017. – 530 с.

[69]. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: ок. 11000 синоним. рядов. / З.Е. Александрова. – 11-е изд., перераб. и доп. – Москва: Рус. яз., 2001. – 568 с.

[70]. Аتماжитов В.М. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности: научный доклад / В.М. Аتماжитов, В.Г. Бобров. – Москва: Изд-ль Шумилова И. И., 2003. – 24 с.

[71]. Ахмедов А.Г. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / А.Г. Ахмедов, Т.О. Бозиев [и др.]. – Санкт-Петербург: ООО «ВиТ-Принт», 2011. – 256 с.

[72]. Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Е.Ю. Бархатова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2016. – 272 с.

[73]. Батаев И.А. Уголовно-процессуальный аспект использования результатов оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие / И. А. Батаев. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. – 124 с.

[74]. Бахта А.С. Федеральный закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / А.С. Бахта, Е.В. Буряков [и др.] / под ред. А.С. Бахты. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД РФ, 2013. – 240 с.

[75]. Белый А.Г. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учеб. / А.Г. Белый, Ю.Ф. Кваша, [и др.] / под ред. Ю.А. Агафонова, Ю.Ф. Кваши. – Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2007. – 305 с.

[76]. Бобров В.Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий: лекция / В. Г. Бобров. – Москва: Академия управления МВД России, 2003. – 64 с.

[77]. Борисов А.Б. Большой юридический словарь / А.Б. Борисов. – Москва: Книжный мир, 2010. – 848 с.

[78]. Вагин О.А. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов: учебно-практическое пособие / О.А. Вагин, А.П. Исиченко, Г. Х. Шабанов. – Москва: Изд. дом Шумиловой И. И., 2006. – 119 с.

[79]. Вагин О.А. Постатейный комментарий к Федеральному закону № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» / О. А. Вагин, А. П. Исиченко, А. Е. Чечетин. – Москва: Деловой двор, 2008. – 218 с.

[80]. Виноградов С.Н. Логика: учебник для средней школы / С.Н. Виноградов, А.Ф. Кузьмин. 8-е изд. – Москва: Учпедгиз, 1954. – 175 с.

[81]. Водько Н.П. Оперативно-розыскная политика Российской Федерации: монография / Н. П. Водько. – Москва: МГЭУ, 2018. – 188 с.

[82]. Водько Н.П. Правовые и организационные основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью: моногр. / Н.П. Водько. – Москва: Московский институт МВД России, 2002. – 344 с.

[83]. Галиев С.Ж. Комментарий к Закону Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» / С.Ж. Галиев, О.Е. Сапарин – Алматы: Жеті жарғы, 1998. – 96 с.

[84]. Галиев С.Ж. Методические рекомендации по предупреждению и раскрытию краж скота / С.Ж. Галиев, Е.О. Беркишев и др. – г. Костанай: Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Штракбека Кабылбаева, 2021. – 29 с.

[85]. Голубовский В.Ю. Оперативно-розыскная деятельность: Словарь-справочник / В.Ю. Голубовский. – Москва: Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, 2001; Издательство «Лань», 2001. – 384 с.

[86]. Горяинов К.К. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». Комментарий / К.К. Горяинов, Ю.Ф. Кваша, К.В. Сурков / под ред. П.Г. Пономарева. – Москва: Новый Юрист, 1997. – 576 с.

[87]. Григорьев В.И. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебно-наглядное пособие / В.И. Григорьев. – Алматы: ЮРИСТ, 2007. – 76 с.

[88]. Григорьев В.И. Понятия и термины по оперативно-розыскной и административной деятельности: толковый словарь / В.И. Григорьев, В. С. Плетнев. – Алматы: Жеті Жарғы, 2007. – 128 с.

[89]. Гусев В.А. Права оперативных подразделений полиции: законодательство и практика: монография / В.А. Гусев. – Москва: Издательский дом Шумиловой И. И., 2014. – 127 с.

[90]. Гусев В.А. Теория оперативно-розыскных процедур: монография / В.А. Гусев, В.Ф. Луговик. – Москва: Проспект, 2019. – 336 с.

[91]. Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности / Е.А. Доля. – Москва: Спарк, 1996. – 111 с.

[92]. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: монография / Е.А. Доля. – Москва: Проспект, 2020. – 376 с.

[93]. Дубоносов Е.С. Оперативно-розыскная деятельность: учебник и практикум для СПО / Е.С. Дубоносов. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2019. – 379 с.

[94]. Евстратиков Б.М. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (правовой анализ): монография / Б.М. Евстратиков, С.И. Захарцев, В.Н. Медведев, В. П. Сальников / под общей редакцией В. П. Сальникова. – Санкт-Петербург: Фонд «Университет». 2005. – 256 с.

[95]. Елинский В.И. Основы методологии теории оперативно-розыскной деятельности: монография / В.И. Елинский. – Москва: Изд-ль Шумилова И.И. 2001. – 228 с.

[96]. Жданов С.П. Участие специалиста в проведении оперативно-розыскных мероприятий: проблемы теории и современной практики: монография / С.П. Жданов. – Москва: Проспект, 2018. – 160 с.

[97]. Железняк Н.С. «Черные дыры» и «белые пятна» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: юридические и лингвистические аспекты: монография / Н.С. Железняк, А.Д. Васильев. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2009. – 164 с.

[98]. Железняк Н.С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: монография / Н.С. Железняк. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. – 332 с.

[99]. Железняк Н.С. Законодательное регулирование оперативно-розыскной деятельности в зарубежных странах: научно-практический комментарий / Н.С. Железняк. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2007. – 244 с.

[100]. Железняк Н.С. Проект Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» / Н.С. Железняк. – Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2012. – 77 с.

[101]. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия: теория и практика: монография / С.И. Захарцев, под ред. В.П. Сальникова. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. – 257 с.

[102]. Захарцев С.И. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: монография / С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенко, В.П. Сальников. – Москва: Норма, 2017. – 400 с.

[103]. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия: общие положения / С.И. Захарцев. – Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2004. – 257 с.

[104]. Каймульдинов Е.Е. Гарантии соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности по законодательству Республики Казахстан: научно-практическое пособие / Е.Е. Каймульдинов, Ш. Ш. Шаяхметов. – Костанай: ТОО «Костанайский печатный двор», 2005. – 80 с.

[105]. Каймульдинов Е.Е. Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности в Республике Казахстан: сборник нормативных актов и документов / Е.Е. Каймульдинов, П.В. Волошин, А.Б. Исин. – Костанай: КСТУ им. академика З. Алдмажара, 2008. – 138 с.

[106]. Калугин А.Г. Особенности доказывания по уголовным делам о незаконном сбыте наркотических средств / А.Г. Калугин. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2003. – 74 с.

[107]. Кваша Ю.Ф. Законодательные основы оперативно-розыскной деятельности: курс лекций / Ю.Ф. Кваша, К.В. Сурков, Н.Н. Васильев / под ред. Ю.Ф. Кваши. – Москва: Москва, 2005. – 1725 с.

[108]. Киселев А.П. Комментарий к Федеральному закону от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» / А.П. Киселев, О.А. Васильев, Ю.В. Белянинова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2018. – 155 с.

[109]. Климов И.А. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / И.А. Климов, Е.С. Дубоносов / под ред. И.А. Климова. – Москва: ЮНИТИДАНА, 2014. – 383 с.

[110]. Когамов М.Ч. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан 2014 года. – Том 2. Особенная часть / М.Ч. Когамов. – Алматы: Жеті Жарғы, 2015. – 944 с.

[111]. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации обзоров практики Европейского Суда по правам человека / О.А. Вагин, Б.Я. Гаврилов [и др.] / отв. ред. В.С. Овчинский; вступ. ст.

В.Д. Зорькина. – 3-е изд., доп. и перераб. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 576 с.

[112]. Конституция Республики Казахстан. Научно-практический комментарий / Х.А. Абишев, М.Т. Алимбеков [и др.]. – Алматы: Раритет, 2010. – 400 с.

[113]. Кузнецов Е.В. Принцип целесообразности как основа совершенствования оперативно-розыскного законодательства: монография / Е.В. Кузнецов, В.Н. Шиханов. – Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России, 2012. – 128 с.

[114]. Лапин Е.С. Оперативно-розыскная деятельность: учебник и практикум для СПО / Е.С. Лапин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Изд-во Юрайт, 2019. – 337 с.

[115]. Луговик В.Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации: авторский проект / В.Ф. Луговик. – Омск: Омская юридическая академия, 2014. – 96 с.

[116]. Луговик В.Ф. Правовой статус оперуполномоченного при проведении оперативно-розыскных мероприятий: монография / В.Ф. Луговик, С.М. Лугович. – Москва: ИНФРА-М, 2018. – 156 с.

[117]. Малько А.В. Юридическая энциклопедический словарь / А.В. Малько, В.В. Нырков [и др.] / под ред. А.В. Малько. – 2-е изд. – Москва: Проспект, 2017. – 1136 с.

[118]. Маркушин А.Г. Оперативно-розыскная деятельность: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / А.Г. Маркушин. – 5-е изд., перераб., и доп. – Москва: Изд-во Юрайт, 2019. – 342 с.

[119]. Медиев Р.А. Негласные следственные действия в теории и практике органов уголовного преследования Республики Казахстан: монография / Р.А. Медиев, Г.Ж Сулейманова. – Актобе: Актюбинский юридический институт МВД РК им. М. Букенбаева, 2017. – 200 с.

[120]. Михайлов В.И. Контролируемая поставка как оперативно-розыскная операция: учебно-практическое пособие / В.И. Михайлов. – Москва: Издательский Дом Шумилова И.И., 1998. – 96 с.

[121]. Мулдахметов А.К. Альбом схем по ОРД. Общая часть: учебное пособие / А.К. Мулдахметов, С.В. Паташков, Т.Б. Токалов, А.Ч. Уразалиев, Ж.М. Чокин. – Алматы: АЮИ МВД РК, 1999. – 164 с.

[122]. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. проф. А.Е. Чечётин. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. – 304 с.

[123]. Новая философская энциклопедия. В 4 томах / В.С. Степин, А.А. Гусейнов [и др.]. – Москва: Мысль, 2010. – 2816 с.

[124]. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация: монография / С.С. Овчинский / под ред. А. С. Овчинского, В. С. Овчинского. – 2-е изд., доп. – Москва: ИНФРА-М, 2020. – 415 с.

[125]. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов / под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 26-е изд., перераб. и доп. – Москва: ООО «Изд-во Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2010. – 736 с.

[126]. Омелин В.Н. Институт оперативно-розыскных мероприятий в оперативно-розыском законодательстве (теоретический и правовой аспекты): монография / В.Н. Омелин, Р.Х. Пардилов. – Москва: ВНИИ МВД России, 2007. – 145 с.

[127]. Павличенко Н.В. Диссертационное исследование: технологии подготовки: монография / Н.В. Павличенко. – Москва: Проспект, 2019. – 368 с.

[128]. Паташков С.В. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие / С.В. Паташков, Ж.М. Чокин, Е.Е. Каймульдинов. – Алматы: «Юный полиграфист», 2002. – 259 с.

[129]. Петров В.В. Правовое регулирование осуществления оперативно-розыскных мероприятий по противодействию незаконному обороту наркотиков:

монография / В.В. Петров. – Москва: Издательский дом Шумиловой И.И., 2005. – 131 с.

[130]. Плетнев В.С. Оперативно-розыскная деятельность: Курс лекций / В.С. Плетнев. – Алматы: КазГЮА, 2001. – 192 с.

[131]. Пудаков Е.Р. Основы оперативно-розыскных мероприятий / Е.Р. Пудаков. – Уфа: БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТиСО», 2016. – 138 с.

[132]. Рахмаджонзода Р.Р. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе Республики Таджикистан: научно-практическое пособие / Р.Р. Рахмаджонзода, А.Л. Арипов, Н.М. Самиев, А.М. Махмадализода, М.А. Касимова. – Душанбе: «Эр-Граф», 2019. – 60 с.

[133]. к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / Д.В. Ривман. – Санкт-Петербург: Питер, 2003. – 235 с.

[134]. Синилов Г.К. Введение в оперативно-розыскную психологию: учебное пособие / Г.К. Синилов. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 48 с.

[135]. Словарь иностранных слов / под. ред. А.Г. Спиркиным [и др.]. – 9-е изд., испр. – Москва: Русский язык, 1982. – 608 с.

[136]. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой [и др.]. – 3-е изд., стереотип. – Москва: Изд-во «Русский язык». – Т. 3. П-Р. – 1987. – 752 с.

[137]. Сысалов М.П. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебник / М.П. Сысалов. – Алматы: Юридическая литература, 2004. – 338 с.

[138]. Тамбовцев А.И. Эволюция оперативно-розыскных мероприятий: монография / А.И. Тамбовцев, Н.В. Павличенко. – Москва : Академия управления МВД России, 2021. – 160 с.

[139]. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / О.А. Вагин, К.К. Горяинов [и др.] / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2020. – 762 с.

[140]. Федоров А.В. Правовое регулирование содействия гражданам органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность / А.В. Федоров, А.В. Шахматов. – Санкт-Петербург: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 338 с.

[141]. Финк Д.А. Общие оперативно-розыскные мероприятия: учебно-практическое пособие / Д.А. Финк. – Астана: Казахский гуманитарно-юридический университет, 2016. – 231 с.

[142]. Фирсов О.В. Правовые основы оперативно-розыскных мероприятий: учебное пособие / О.В. Фирсов. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 208 с.

[143]. Халиков А.Н. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / А.Н. Халиков. – 2-е изд. – Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2017. – 324 с.

[144]. Холодный Ю.И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений (генезис и правовые аспекты): монография / Ю.И. Холодный. – Москва: «Мир безопасности», 2000. – 160 с.

[145]. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография / А.Ф. Черданцев. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 320 с.

[146]. Чечетин А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий: монография / А.Е. Чечетин. – Москва: Издательский дом Шумиловой И. И., 2006. – 180 с.

[147]. Чечетин А.Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий: монография / А.Е. Чечетин. – Санкт-Петербург: СПб ун-т МВД России, 2016. – 232 с.

[148]. Чечетин А.Е. Оперативно-розыскные мероприятия и права личности: монография / А.Е. Чечетин. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2006. – 148 с.

[149]. Чечетин А.Е. Оперативно-розыскные мероприятия: понятие, сущность, структура: Препринт / А.Е. Чечетин. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2004. – 49 с.

[150]. Шатохин И.Д. Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности: монография / И.Д. Шатохин, А.Е. Чечетин. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2020. – 206 с.

[151]. Шматов М.А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук / М.А. Шматов - Волгоград: Изд-во Волгогр. акад. МВД России, 2001. – 228 с.

[152]. Шумилов А.Ю. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С постатейным приложением нормативных актов и документов / А. Ю. Шумилов. – Москва, 1999. – 263 с.

[153]. Шумилов А.Ю. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / А. Ю. Шумилов. – 7-е изд., доп. и перераб. – Москва: Издательский дом Шумиловой И.И., 2007. – 375 с.

[154]. Шумилов А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учебник для вузов / А.Ю. Шумилов. – 3-е изд., доп. и перераб. – Москва: Издательский дом Шумиловой И. И., 2008. – 391 с.

[155]. Шумилов А.Ю. Новая редакция оперативно-розыскного закона России: Открытый проект: научно-справочное пособие / А.Ю. Шумилов. – Москва: Издательский дом И. И. Шумиловой, 2004. – 32 с.

[156]. Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскной словарь / А.Ю. Шумилов. – Москва: РИО Российской таможенной академии, 2018. – 216 с.

[157]. Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная деятельность в схемах: наглядное пособие / А. Ю. Шумилов. – Москва: Издатель Шумилова И. И., 1998. – 79 с.

[158]. Шумилов А.Ю. Юридические основы оперативно-розыскных мероприятий: учеб. пособие / А.Ю. Шумилов. – Москва: Издатель Шумилова И.И., 1999. – 128 с.

[159]. Юдин Е.Г. Основы проведения оперативно-розыскных мероприятий в уголовно-исполнительной системе России: авторский курс лекций / Е.Г. Юдин, А.В. Гусев, Л.Е. Щетнев. – Иваново: ФСИН Владимирский юридический институт, 2008. – 244 с.

[160]. Агарков А.В. Проблемы отечественного оперативно-розыскного законодательства и предложения по их разрешению с учетом опыта некоторых стран СНГ / А.В. Агарков // Пенитенциарная наука. – 2021. – Т. 15. – № 1 (53). – С. 85–95.

[161]. Агарков А.В. Проблемы правового регулирования осуществления оперативно-розыскного мероприятия «наведение справок» / А.В. Агарков, Ю. Ф. Королев // Вестник Владимирского юридического института. – 2018. – № 4 (49). – С. 31-34.

[162]. Агарков А.В. Содержание оперативно-розыскного мероприятия «наведение справок» в современных условиях / А.В. Агарков // Вестник Кузбасского института. – 2018. – № 2 (35). – С. 121-127.

[163]. Атмажитов В.М. О направлениях развития теории оперативно-розыскной деятельности / В.М. Атмажитов / под общ. ред. К.К. Горяинова, В. С. Овчинского // Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности: сборник научных трудов. – Москва: ИНФРА-М, 2017. – С. 107-129.

[164]. Атмажитов В.М. О некоторых направлениях развития теории оперативно-розыскной деятельности / В.М. Атмажитов // Оперативник (сыщик). – 2015. – № 1 (42). – С. 19-27.

[165]. Атмажитов В.М. Оперативно-розыскные мероприятия: актуальные вопросы теории и практики / В.М. Атмажитов, В.Г. Бобров // Оперативно-розыскные мероприятия: актуальные вопросы теории и практики: матер. научно-практического семинара. – Москва: Акад. упр. МВД России, 2005. – С. 3-18.

[166]. Ахпанов А.Н. О правовой природе и разграничении оперативно-розыскных мероприятий и негласных следственных действий / А. Н. Ахпанов, А. Л. Хан // Вестник Института законодательства РК. – 2018. – № 3 (52). С. 45-53.

[167]. Баженов С.В. Оперативно-розыскное мероприятие «Получение компьютерной информации» / С. В. Баженов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2017. – № 2 (65). – С. 31-33.

[168]. Баранов А.М. Досудебное расследование: сыск, расследование, процесс / А.М. Баранов // Актуальные вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Омск: ОмЮА, 2015. – С. 41-45.

[169]. Баранов А.М. Закон об ОРД: вчера, сегодня, завтра / А.М. Баранов // Актуальные вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Омск: ОмЮА, 2012. – С. 144-150.

[170]. Батурин С.С. Процедура проведения оперативно-розыскных мероприятий в случаях, которые не терпят отлагательства / С.С. Батурин // Оперативник (сыщик). – 2013. – № 4 (37). – С. 42-45.

[171]. Бачурин С.Н. Критические замечания и предложения по проекту Закона РК «О внесении изменения и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства» (по вопросам оперативно-розыскной деятельности) / С.Н. Бачурин, К.Т. Сыздыков, Т.М. Ержанов // Хабаршы-Вестник Карагандинской академии МВД РК им. Б. Бейсенова. – 2011. – № 4. – С. 41-43.

[172]. Бертовская Н.Л. Тактическое дезинформирование как средство оперативно-розыскной и следственной деятельности / Н.Л. Бертовская // Проблемы в российском законодательстве. – 2010. – № 2. – С. 253-258.

[173]. Богданов А.В. Применение полиграфа в оперативно-розыскной деятельности / А.В. Богданов, Е.Н. Хазов // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 2. – С. 63-65.

[174]. Бухаров Н.Н. Значение оперативной информации при выявлении взяточничества / Н.Н. Бухаров, О.Б. Таулан // Научный портал МВД России. – 2011. – № 1. – С. 80-86.

[175]. Бушков Д.В. Основания ограничения права на тайну личной корреспонденции история и тенденции развития / Д.В. Бушков // Современное право. – 2014. – № 12 (1). – С. 48-52.

[176]. Вагин О.А. Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, к которым применяется особый порядок производства по уголовным делам / О. А. Вагин // Оперативник (сыщик). – 2006. – № 2 (7). – С. 19-23.

[177]. Васюков В.Ф. Некоторые вопросы получения компьютерной информации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности / В. Ф. Васюков // Оперативник (сыщик). – 2018. – № 2 (55). – С. 20-23.

[178]. Ващенко О.Ю. Сущность оперативного внедрения как оперативно-розыскного мероприятия в оперативно-розыскной деятельности / О.Ю. Ващенко // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2011. – № 1-1. – С. 281-286.

[179]. Введенский А.Ю. Действия по выявлению и раскрытию преступлений в сфере экономики, не входящие в перечень оперативно-розыскных мероприятий / А.Ю. Введенский // Бизнес в законе. – 2013. – № 6. – С. 140-143.

[180]. Гавриков Е.В. Прослушивание телефонных переговоров в случаях, не терпящих отлагательства / Е.В. Гавриков // Закон и право. – 2020. – № 3. – С. 145-146.

[181]. Гаврилов Б.Я. Проверочная закупка и оперативный эксперимент: грань между оперативно-розыскным мероприятием и провокацией преступления / Б.Я. Гаврилов // Труды Академии управления МВД России. – 2012. – № 2 (22). – С. 50-53.

[182]. Гармаев Ю.П. Инициативный легендированный оперативный эксперимент: эффективная борьба с коррупцией без провокационно-подстрекательских действий / Ю.П. Гармаев // Полицейская деятельность. – 2019. – № 2. – С. 1-10.

[183]. Герасименко Е.В. Оперативно-розыскной иммунитет адвоката / Е.В. Герасименко // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 1. – С. 91–96.

[184]. Глушков М.Р. Документирование полицейского расследования в США / М.Р. Глушков // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 2. – С. 212–222.

[185]. Глушков Е.Л. О некоторых проблемах при осуществлении оперативно-розыскной деятельности / Е.Л. Глушков, А.Б. Свистильников // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2018. – № 1. – С. 49-52.

[186]. Горяинов К.К. Инициативный авторский проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» / К.К. Горяинов, О.А. Вагин, А.П. Исиченко, О.Г. Ковалев / сост. В.Ф. Луговик // Современные подходы к правовому регулированию оперативно-розыскной деятельности: инициативные авторские проекты Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». – Омск: ОмЮИ, 2006. – С. 80–90.

[187]. Гусев В.А. «Параллельная реальность» принуждения в оперативно-розыскной деятельности / В.А. Гусев // Оперативник (сыщик). – 2015. – № 3 (44). – С. 40-45.

[188]. Данилова Н.А. Некоторые аспекты обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве / Н.А. Данилова, Т.Г. Николаева // Вестник университета прокуратуры Российской Федерации. – 2018. – № 6 (68). – С. 58-61.

[189]. Дорош Е.Ю. Понятие и признаки принуждения в оперативно-розыскной деятельности / Е.Ю. Дорош // Закон и право. – 2022. – № 6. – С. 139-143.

[190]. Дорош Е.Ю. Совершенствование регулирования мер государственного принуждения, направленных на обеспечение проведения оперативно-розыскных мероприятий / Е.Ю. Дорош // Юридическая наука. – 2022. – № 3. – С. 74-79.

[191]. Ерошенков Н.В. Проблемы применения полиграфных устройств в оперативно-розыскной деятельности и уголовном судопроизводстве /

Н.В. Ерошенков // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2018. – № 2. – С. 15-19.

[192]. Железняк Н.С. О необходимости судебного санкционирования оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых в неотложном порядке / Н.С. Железняк // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2016. – 3 (24). – С. 5-7.

[193]. Зажицкий В.И. О проекте Оперативно-розыскного кодекса Российской Федерации / В.И. Зажицкий // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 51–55.

[194]. Захарцев С.И. Новые фантомы оперативно-розыскной деятельности: оперативно-розыскная характеристика и оперативно-розыскной кодекс / С. И. Захарцев, Н. О. Кирюшкина // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 91-104.

[195]. Ивенин В.О. Об уголовно-правовом обеспечении оперативно-розыскной деятельности в зарубежном законодательстве // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2018. – № 2. Т. 1. – С. 163-174.

[196]. Колташев Ю.В. О понятии оперативного внедрения / Ю.В. Колташев // Оперативник (сыщик). – 2007. – № 2 (11). – С. 25-29.

[197]. Кольцов Д.В. Запрос как форма реализации оперативно-розыскного мероприятия «Наведение справок» (на примере подразделения ЭБиПК МВД России) / Д.В. Кольцов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 2 (78). – С. 144-150.

[198]. Кузнецов Е.В. Оперативно-розыскные мероприятия как универсальные методы познания действительности / Е.В. Кузнецов // Сибирский юридический вестник. – 2012. – № 1 (56). – С. 80-85.

[199]. Куликова Ю.В. Исполнение закона как обстоятельство, исключающее преступность деяния / Ю.В. Куликова / Всероссийская научно-практическая конференция курсантов, слушателей, студентов, адъюнктов и соискателей «Состояние и перспективы борьбы с преступностью в России»: Юридические

дисциплины. Сборник материалов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. института МВД России, 2007, Ч. 1. – С. 215-216.

[200]. Лаврентьев В.А. Использование компаративистского подхода при изучении иммунитетов в оперативно-розыскной деятельности / В.А. Лаврентьев // Исследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2018. – № 2 (20). – С. 117–121.

[201]. Луговик В.Ф. Иммунитет прокуроров: административно-правовой и оперативно-розыскной аспекты / В.Ф. Луговик, В.А. Лаврентьев // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2023. – № 1 (59). – С. 90-95.

[202]. Луговик В.Ф. Оперативно-розыскной иммунитет: проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности / В.Ф. Луговик // Оперативно-розыскное право – 2020. – № 1 (2). – С. 3-5.

[203]. Луговик В.Ф. Концепция и новации проекта оперативно-розыскного кодекса / В. Ф. Луговик // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2015. – № 4 (59). – С. 73-75.

[204]. Маматов В.Г. Оперативный эксперимент в борьбе с преступностью: вопросы теории и практики / В.Г. Маматов / под общ. ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского // Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности: сборник научных трудов. – Москва: ИНФРА-М, 2017. – С. 273-278.

[205]. Машков С.А. Актуальные наименования технических оперативно-розыскных мероприятий / С. А Машков // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2015. – № 2 (8). – С. 174-181.

[206]. Михайлов В.И. Выполнение профессиональных функций как обстоятельство, исключающее преступность деяния / В.И. Михайлов // Уголовное право. - 2002. – № 2. – С. 51-54.

[207]. Николук В.В. Квазиконтроль суда за проведением оперативно-розыскных мероприятий / В.В. Николук, В.А. Виноградова // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 1 (65). – С. 122-130.

[208]. Нургалиев Б.М. Казахстанский уголовный процесс: вчера, сегодня, завтра / Б.М. Нургалиев, К.С. Лакбаев, А.К. Кусаинова // Концепт. – 2014. – № 4. – С. 1-8.

[209]. Омелин В.Н. О законодательных условиях проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан / В.Н. Омелин // Закон и право. – 2019. – № 10. – С. 144-146.

[210]. Омелин В.Н. О проведении оперативно-розыскных мероприятий в случаях, не терпящих отлагательства / В.Н. Омелин // закон и право. – 2019. – № 3. – С. 112-114.

[211]. Омелин В.Н. О системе оперативно-розыскных мероприятий / В.Н. Омелин / под общ. ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского // Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности: сборник научных трудов. – Москва: ИНФРА-М, 2017. – С. 188-206.

[212]. Омелин В.Н. Соотношение оперативно-розыскных мероприятий и иных смежных оперативно-розыскных действий / В.Н. Омелин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2016. – № 6. – С. 9-12.

[213]. Осипенко А.Л. Новое оперативно-розыскное мероприятие «Получение компьютерной информации»: содержание и основы осуществления / А.Л. Осипенко // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. – № 3. – С. 83-90.

[214]. Павличенко Н.В. Предпосылки формирования частной теории негласности раскрытия и расследования преступлений / Н.В. Павличенко // Правовая парадигма. – 2017. – Т 6. – № 2. – С. 109-116.

[215]. Павличенко Н.В. Оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс: вопросы сближения и взаимопроникновения / Н.В. Павличенко, А.И. Тамбовцев // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 2 (49). – С. 9-15.

[216]. Павличенко Н.В. Перспективы развития оперативно-розыскного законодательства (анализ проекта Федерального Закона «оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации») / Н.В. Павличенко, А.С. Самоделкин //

Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 3 (33). – С. 90-96.

[217]. Самоделкин А.С. Место и роль руководителей оперативных подразделений в координации оперативно-розыскной деятельности / А.С. Самоделкин // Общество и право. – 2016. – № 1 (55). – С. 215-220.

[218]. Селезнева Е.А. Понятие контролируемой поставки наркотиков / Е.А. Селезнева // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2005. – Серия 9. – Вып. 4., ч. 1. – С. 55-57.

[219]. Сенчихин С.П. Некоторые вопросы правового регулирования проведения оперативно-разыскного мероприятия «Опрос» / С.П. Сенчихин, В.К. Зникин // Оперативник (сыщик). – 2018. – № 1 (54). – С. 50-54.

[220]. Соловей Ю.П. О совершенствовании законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации / Ю.П. Соловей // 15 лет Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Омск: Омский юридический институт, 2010. – С. 3-8.

[221]. Субботина Е.С. Проблемные вопросы правового регулирования проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека / Е.С. Субботина // Вестник Белгородского юридического университета МВД России. – 2008. – № 1-2. – С. 50-54.

[222]. Тесников А.И. Классификация оперативно-розыскных мероприятий и ее значение в решении тактических задач оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства / А.И. Тесников / отв. ред. В.М. Аتماжитов // Оперативно-розыскные мероприятия: актуальные вопросы теории и практики: материалы научно-практического семинара. – Москва: Академия управления МВД России, 2005. – С. 42-47.

[223]. Фролов В. Ю. Этический кодекс оперативного работника органов внутренних дел: инициативный авторский проект / В. Ю. Фролов, Б.И. Нефедов, Е.А. Митрофанов, А.Е. Чечетин // Информационное и правовое обеспечение

деятельности органов внутренних дел: межвузовский сборник научных трудов. – Ч. 2. – Омск: Высшая школа милиции МВД РСФСР, 1991. – С. 132-139.

[224]. Фролов В.Ю. Закон РСФСР «Об оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел» (инициативный авторский проект) / В.Ю. Фролов, А.Е. Чечетин, В.С. Пенкин, Е.А. Митрофанов / Информационное и правовое обеспечение деятельности органов внутренних дел: межвузовский. сборник научных трудов – Ч. 2. – Омск: Высшая школа милиции МВД РСФСР, 1991. – С. 119-131.

[225]. Хайретдинова М.Д. О некоторых проблемах формулирования дефиниций в российском законодательстве / М.Д. Хайретдинова / под ред. проф. В.М. Баранова и доц. М.А. Пшеничнова // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей. – Ч. 2. – Вып. 9. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003. – С. 131-144.

[226]. Холопова Е.Н. Служебная тайна при проведении оперативно-розыскного мероприятия «Наведение справок» (на примере деятельности оперативных подразделений пограничных органов) / Е.Н. Холопова, А.В. Дегтярёв, О.С. Люлин // Оперативник (Сыщик). – 2018 – № 3(56). – С. 17–24.

[227]. Червонюк В.И. Оперативно-розыскные мероприятия: инструментальная ценность, правовая определенность норм закона / В.И. Червонюк // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 5. – С. 228-232.

[228]. Чечетин А.Е. Конституционный Суд Российской Федерации об использовании специальных технических средств в оперативно-розыскной деятельности / А.Е. Чечетин // Преступность в сфере информационно-телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2014. – С. 5-8.

[229]. Чечетин А.Е. Современная оперативно-розыскная деятельность и принуждение / А.Е. Чечетин // Оперативник (сыщик). – 2015. – № 1 (42). – С. 37-42.

[230]. Чечетин А.Е. Актуальные проблемы обеспечения прав личности в оперативно-розыскной деятельности уголовного розыска / А. Е. Чечетин // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 1 (49). – С. 125-134.

[231]. Чечетин А.Е. Некоторые вопросы теории оперативно-розыскных мероприятий / А. Е. Чечетин / под общ. ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского / Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности: сборник научных трудов – Москва: ИНФРА-М, 2017. – С. 171-188.

[232]. Чечетин А.Е. Права личности и оперативно-розыскная деятельность / А.Е. Чечетин, И.Д. Шатохин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 1 (81). – С. 171-181.

[233]. Чечетин А.Е. Проблемы соблюдения прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий (по материалам Конституционного Суда Российской Федерации) / А.Е. Чечетин // Оперативно-розыскное противодействие организованной преступности (посвящается памяти профессора Д.В. Ривмана): программа региональной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: СПб ун-т МВД России, 2017. – 22 с.

[234]. Чечетин А.Е. Проект законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий / А.Е. Чечетин // Полицейское право. – 2006. – № 4. – С. 82-87.

[235]. Чистова Л.Е. Контролируемая поставка наркотиков как часть оперативно-тактической комбинации при расследовании уголовных дел по их контрабанде / Л.Е. Чистова // Оперативник (сыщик). – 2015. – № 4 (45). – С. 17-20.

[236]. Чумаров С.А. Оперативно-розыскное задержание: Необходима легализация / С.А. Чумаров, Н. С. Железняк // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 2 (32). - С. 134-139.

[237]. Шахматов А.В. К вопросу правового регулирования перечня оперативно-розыскных мероприятий стран-участниц СНГ / А.В. Шахматов,

А.М. Карл // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. – С. 236-243.

[238]. Шахматов А.В. Оперативно-розыскная информация как один из основных элементов оперативно-розыскной деятельности / А. В. Шахматов, П. Ф. Телепнев / Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: материалы международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: СПб ун-т МВД России, 2016. – С. 250-254.

[239]. Шахматов А.В. Совершенствование оперативно-розыскного законодательства: состояние, проблемы, перспективы развития / А.В. Шахматов / Оперативно-розыскное противодействие организованной преступности (памяти профессора Д.В. Ривмана): материалы региональной научно-практической конференции. – Ч. 2. – Санкт-Петербург: СПб ун-т МВД России, 2015. – С. 170–175.

[240]. Шашин Д.Г. Оперативный осмотр в тактике оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / Д.Г. Шашин // Научный портал МВД России. – 2017. – № 4. – С. 84-91.

[241]. Шевелев Н.С. Система оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых в ходе раскрытия и расследований преступлений / Н.С. Шевелев // Общество и право. – 2010. – № 3 (30). – С. 276-278.

[242]. Шкабин Г.С. Зарубежный опыт уголовно-правового обеспечения оперативно-розыскной деятельности / Г.С. Шкабин // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2017. – № 4. – С. 15-18.

[243]. Шмидт А.А. Структурный анализ оперативно-розыскного мероприятия «наведение справок» / А.А. Шмидт // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2019. – № 17-1. – С. 24-25.

[244]. Шумилов А.Ю. Инициативный авторский проект Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» / А.Ю. Шумилов / сост. В.Ф. Луговик // Современные подходы к правовому регулированию оперативно-

розыскной деятельности: инициативные авторские проекты Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». – Омск: ОмЮИ, 2006. – С. 7-36.

[245]. Щербаченко А.К. К вопросу о гласном оперативном осмотре / А.К. Щербаченко, И.П. Напханенко // Юрист-Правоведъ. – 2013. – № 6 (61). – С. 74-78.

[246]. Яковец Е.Н. Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений как «интрузивное» оперативно-розыскное мероприятие / Е.Н. Яковец // Эпомен. – 2021. – № 60. – С. 260-279.

[247]. Яковец Е.Н. О содержании оперативно-розыскных мероприятий «опрос» и «наведение» справок / Е.Н. Яковец // Научный журнал «Эпомен». – 2020. – № 49. – С. 290-308.

Диссертации и авторефераты диссертаций

[248]. Абдуллаева Н.Д. Оперативное внедрение в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Абдуллаева Наргиз Джаббаровна. – Иркутск, 2007. – 22 с.

[249]. Аганесян А.Н. Теоретические и правовые основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений: автореф. дис...канд.юрид. наук: 12.00.09 / Аганесян Артур Львович. – Владимир, 2005. – 24 с.

[250]. Берестовенко А.Л. Международное сотрудничество по противодействию международной преступности: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Берестовенко Алексей Леондович. – Москва, 2018. – 215 с.

[251]. Вагурин Д.В. Контроль и запись переговоров в уголовно-процессуально и оперативно-розыскной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Вагурин Дмитрий Владимирович. – Москва, 2009. – 29 с.

[252]. Василенко Г.Н. Административно-правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид наук: 12.00.14 / Василенко Глеб Николаевич. – Москва, 2005. – 28 с.

[253]. Городилов А.А. Права и свободы личности в оперативно-розыскной деятельности и меры прокурорского надзора за их соблюдением: автореф. дис...канд. юрид наук: 12.00.09 / Городилов Анатолий Алексеевич. – Калининград, 2006. – 24 с.

[254]. Дизер О.А. Провокация преступления: уголовно-правовой аспект: автореф. дис...канд. юрид наук: 12.00.08 / Дизер Ольга Александровна. – Омск, 2022. – 23 с.

[255]. Ермолаев И.Е. Использование в процессе доказывания видеоматериалов, полученных при проведении оперативно-розыскных мероприятий: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ермолаев Игорь Евгеньевич. Иркутск, 2006. – 185 с.

[256]. Жарких И.А. Провокация преступления в уголовном праве России: автореф. дис...канд. юрид наук: 12.00.08 / Жарких Ирина Андреевна. – Москва, 2021. – 32 с.

[257]. Жаров С.Н. Оперативно-розыскная деятельность в России: организация, методы, правовое регулирование (историко-юридическое исследование): автореф. дис...докт. юрид наук: 12.00.01 / Жаров Сергей Николаевич. – Екатеринбург, 2010. – 58 с.

[258]. Железняк Т.А. Проблемы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности: автореф. дис...канд.юрид. наук: 12.00.09 / Железняк Татьяна Ивановна. – Иркутск, 2007. – 23 с.

[259]. Железняк И.Н. Полномочия субъектов оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: автореф. дис...канд.юрид наук: 12.00.09 / Железняк Игорь Николаевич. – Иркутск, 2008. – 19 с.

[260]. Захарцев С.И. Теория и правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Захарцев Сергей Иванович. – Санкт-Петербург, 2004. – 397 с.

[261]. Зникин В.К. Использование оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис ... канд.юрид наук: 12.00.09 / Зникин Валерий Колоссович. – Томск, 1998 г. – 23 с.

[262]. Зникин В.К. Научные основы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений: автореф. дис...докт. юрид. наук: 12.00.09 / Зникин Валерий Колоссович. – Нижний Новгород, 2006. – 60 с.

[263]. Иванов В.И. Судебный контроль за осуществлением оперативно-розыскных мероприятий: автореф. дис...канд. юрид наук: 12.00.09 / Иванов Виталий Иванович. – Омск, 2011. – 24 с.

[264]. Каймульдинов Е.Е. Принципы оперативно-розыскной деятельности (по материалам Республики Казахстан): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Каймульдинов Ерлан Ертаевич. – Костанай., 2005. – 213 с.

[265]. Кузнецов Е.В. Теоретические основы формирования отрасли оперативно-розыскного права: автореф. дис ... канд.юрид наук: 12.00.12 / Кузнецов Евгений Викторович. – Волгоград, 2014. – 26 с.

[266]. Махмутов Т.Т. Соблюдение и гарантии обеспечения прав и законных интересов субъектов оперативно-розыскных отношений: автореф. дис...канд.юрид наук: 12.00.09 / Махмутов Талгат Тулебаевич. – Тюмень, 2007. – 26 с.

[267]. Парманасов А.Д. Законодательное регулирование оперативно-розыскной деятельности в странах – участниках Евразийского экономического союза (по материалам органов внутренних дел): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 / Парманасов Айбек Джээналиевич. – Санкт-Петербург, 2018. – 26 с.

[268]. Парманасов А.Д. Законодательное регулирование оперативно-розыскной деятельности в странах – участниках Евразийского экономического союза (по материалам органов внутренних дел): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 / Парманасов Айбек Джээналиевич. – Санкт-Петербург, 2018. – 263 с.

[269]. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная политика по обеспечению экономической безопасности Республики Таджикистан: проблемы теории, методологии и практики (историко-правовой и общетеоретический анализ): дис.

... д-ра. юрид. наук: 12.00.01 / Рахимзода Рамазон Хамро. – Душанбе, 2018. – 581 с.

[270]. Сурков К.В. Оперативно-розыскное законодательство России: пути совершенствования и развития: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Сурков Константин Викторович. – Москва, 1997. – 432 с.

[271]. Урлис М.Ю. Совершенствование нормативного правового регулирования опроса, осуществляемого оперативно-розыскными подразделениями таможенных органов России: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Урлис Михаил Юрьевич. – Люберцы, 2012. – 25 с.

[272]. Федоров А.В. Уголовно-процессуальный институт неприкосновенности прокурорских работников и реализация гарантий прокурорской неприкосновенности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Федоров Александр Вячеславович. Санкт-Петербург, 1995. – 16 с.

[273]. Шаймуханов А.Д. Совершенствование и развитие оперативно-розыскного законодательства Республики Казахстан: автореф. д-ра юрид. наук: 12.00.12 / Шаймуханов, Ахметкали Дюсетаевич. – Караганда, 2008. – 42 с.

[274]. Шахматов А.В. Агентурная работа в оперативно-розыскной деятельности (теоретико-правовое исследование российского опыта): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Шахматов Александр Владимирович. – Санкт-Петербург, 2005. – 438 с.

[275]. Шевелев С.Н. Использование оперативно-розыскных возможностей в раскрытии и расследовании преступлений против собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Шевелев Николай Сергеевич. – Краснодар, 2010. – 27 с.

[276]. Шевораков А.Н. Правовая характеристика контролируемой поставки как оперативно-розыскного мероприятия, осуществляемого Федеральной службой безопасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 20.02.03 / Шевораков Анатолий Николаевич. – Москва, 2005. – 29 с.

[277]. Ярцева А.В. Использование в доказывании информации, передаваемой по техническим каналам связи: правовые и тактико-

криминалистические аспекты : автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ярцева Анна Владимировна. – Ростов на Дону, 2012. – 26 с.

Электронные ресурсы

[278]. Lietuvos Respublikos baudžiamojo ko dekso (2000): Įstatymas 2000 m. rugsėjo 26 d. Nr. VIII 1968. Vilnius. // Valstybės žinios, 2000-10-25, Nr. 89 2741. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.etar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.2B866DFF7D43> (дата обращения: 20.12.2024).

[279]. Банчук А. Негласные следственные действия в проекте УПК РК. [Электронный ресурс] // Сайт «online.zakon.kz». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34302158 (дата обращения: 21.10.2024).

[280]. Борисова Л. Цифровая Россия 2024: интернет и социальные сети в цифрах. [Электронный ресурс] // Сайт «Блог manufact». Режим доступа: <https://blog.manufact.pro/2024/07/01/digital-russia-2024/> (дата обращения: 20.12.2024).

[281]. Количество интернет-пользователей в Казахстане [Электронный ресурс] // Сайт «The tenge». Режим доступа: <https://the-tenge.kz/articles/internet-i-kazakhstan> (дата обращения: 20.12.2024).

[282]. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за 2023 и 2024 годы [Электронный ресурс] // Сайт «МВД Российской Федерации». – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751> (дата обращения: 25.12.2024).

[283]. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2024 года. – Режим доступа: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8773> (дата обращения: 21.10.2024).

[284]. Показатели преступности России за 2021 и 2022 годы [Электронный ресурс] // Сайт «Генеральная прокуратура Российской Федерации Портал

правовой статистики». – Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 01.12.2024).

[285]. Савинов А.В. Причинение вреда при исполнении служебных или профессиональных функций // Подготовлен для системы Консультант Плюс. 2013. Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения 20.12.2024).

[286]. Сагынбекова Г. Полиграф как источник доказательств [Электронный ресурс] // Сайт «online.zakon.kz». Режим доступа: <https://www.zakon.kz/221763-poligraf-kak-istochnik-dokazatelstv-g..html> (дата обращения: 21.10.2024).

[287]. Сведения об основных показателях деятельности правоохранительных органов Республики Казахстан за 12 мес. 2015 г. [Электронный ресурс] // Информационный сервис Комитет по правовой статистике и специальным учётам Генеральной прокуратуры Республика Казахстан. – Режим доступа: https://qamqor.gov.kz/portal/page/portal/POPageGroup/Services/Pravstat?_piref36_258157_36_223082_223082.__ora_navigState=page%3Dmode_report%26currPage%3D2%26eventSubmit_doNext%3D%25D0%2594%25D0%25B0%25D0%25BB%25D1%258C%25D1%2588%25D0%25B5%2B%253E%253E&_piref36_258157_36_223082_223082.__ora_navigValues= (дата обращения: 21.10.2024).

[288]. Сведения об основных показателях по зарегистрированным уголовным правонарушениям за 2021-2024 годы [Электронный ресурс] // Сайт «Портал органов правовой статистики и специальных учетов». – Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/indicators> (дата обращения: 25.12.2024).

[289]. Экспертное заключение Расширенной рабочей группы при Министре внутренних дел Российской Федерации по дальнейшему реформированию органов внутренних дел Российской Федерации по проекту федерального закона № 831609-6 «Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации», внесенное депутатом Государственной Думы А. А. Агеевым. [Электронный ресурс] // Сайт «Оперативно-розыскная деятельность». – Режим доступа: <https://ordrf.ru/review/> (дата обращения 21.10.2024).

ПЕРЕЧЕНЬ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ

Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации и Комитетом по контролю в сфере образования и науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, а также входящих в международные информационные ресурсы Web of Science (Clarivate Analytics) и Scopus (Elsevier):

[1-А]. Карл А.М. Сущность осуществления оперативно-розыскных мероприятий по Модельному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» и оперативно-розыскных законодательств государств-участников СНГ: сравнительно-правовой анализ [Текст] / А.М. Карл // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2019. – № 1 (41) – С. 207-216; ISSN 2412-141 X.

[2-А]. Карл А.М. Исторические основы зарождения оперативно-розыскных мероприятий в Казахском ханстве [Текст] / А.М. Карл // ЫҒЫЛЫМ = Наука: Костанайская академия МВД РК им. Ш. Кабылбаева. – 2019. – № 1(60). – С. 125-129; ISSN 2306-451 X.

[3-М]. Шахматов А.В., Карл А.М. К вопросу о законодательном регулировании перечня оперативно-розыскных мероприятий в Российской Федерации и Республике Казахстан [Текст] / А.В. Шахматов, А.М. Карл // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – № 2 (35). – С. 97-102; ISSN 2542-1735.

[4-А]. Карл А.М. Соотношение негласных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий [Текст] / А.М. Карл // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 3 (83). – С. 144-151; ISSN 2071-8284.

[5-А]. Карл А.М. О видах оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных законодательством Российской Федерации и Республики Казахстан [Текст] / А.М. Карл // Вестник Калининградского филиала Санкт-

Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 4 (58). – С. 108-112; ISSN 2227-7226.

[6-А]. Карл А.М. Сущность оперативно-розыскных мероприятий и розыскных мер в Республике Казахстан: сравнительно-правовой анализ [Текст] / А.М. Карл // Журнал правовых и экономических исследований. – 2022. – № 4. – С. 138-142; ISSN 1995-1248.

[7-М]. Карл А.М., Мухамеджанов Е.О., Биекенов Н.А., Бекмуханбетов М., Беркишев Е.О. Problems of Countering the Criminal Subculture in the Penitentiary System of Kazakhstan [Текст] / А.М. Карл, Е.О. Мухамеджанов, Н.А. Биекенов, М. Бекмуханбетов, Е.О. Беркишев // Pakistan Journal of Criminology. – 2024 (01-14). – Vol. 16, No. 03. – С. 1-14; ISSN 2074-2738.

[8-А]. Карл А.М. Теоретическая модель законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий [Текст] / А.М. Карл // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – № 4. – С. 156-162; ISSN 2073-3305.

Статьи, тезисы докладов и сообщений, опубликованные в иных рецензируемых научных журналах и изданиях:

[9-А]. Карл А.М. Захват лиц, подозреваемых в совершении преступлений, органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность [Текст] / А.М. Карл // Актуальные проблемы науки и практики: Материалы VI Международной научно-практической конференции Гатчинские чтения 2019 (г. Гатчина, 17-18 мая 2019 г.). – Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2019. – Т. 1. – С. 326-329;

[10-А]. Карл А.М. Оперативно-розыскные мероприятия в странах-участниц Евразийского экономического союза [Текст] / А.М. Карл // Актуальные проблемы юридической науки и практики. VI Ежегодные научные чтения: в 2-х томах. Т. 2: Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 20 ноября 2019 г.). – Санкт-Петербург: АНО ВО «СЮА», 2019. – С. 76-80;

[11-А]. Карл А.М. О некоторых оперативно-розыскных мероприятиях Республики Казахстан [Текст] / А.М. Карл // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной: материалы всероссийской научно-практической

конференции / сост. М.Л. Родичев (г. Санкт-Петербург, 28 ноября 2019 г.). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. – С. 113-115;

[12-А]. Карл А.М. К вопросу о проведении сбора образцов для сравнительного исследования [Текст] / А.М. Карл // Криминалистика – наука без границ: традиции и новации: материалы всероссийской научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 1 ноября 2019 г.). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. – С. 389-392;

[13-М]. Шахматов А.В., Карл А.М. К вопросу правового регулирования перечня оперативно-розыскных мероприятий стран-участниц СНГ [Текст] / А.В. Шахматов, А.М. Карл // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции (г. Краснодар, 18 октября 2019 г.). – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. – С. 236-243;

[14-А]. Карл А.М. О необходимости законодательного определения оперативно-розыскного мероприятия в Республике Казахстан [Текст] / А.М. Карл // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: материалы региональной научно-практической конференции / сост.: А.А. Сарсенова, Э.Х. Мамедов (г. Санкт-Петербург, 6 декабря 2019 г.). – Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2020. – С. 74-78;

[15-М]. Шахматов А.В., Карл А.М. Оперативно-розыскное мероприятие, связанное с компьютерной информацией, в Российской Федерации и Республике Казахстан [Текст] / А.В. Шахматов, А.М. Карл // Новеллы права, экономики и управления 2019: в 2 т.: сборник научных трудов по материалам V международной научно-практической конференции (г. Гатчина, 22 ноября 2019 г.). – Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2020. – Т. 1. – С. 230-234;

[16-М]. Родичев М.Л., Литвиненко А.Н., Карл А.М., Ахметов Т.Ч. Inadmissibility of Information Disclosure concerning the Implementation of the Operational-search Activity: Shortcomings of Legal Regulation [Текст] /

М.Л. Родичев, А.Н. Литвиненко, А.М. Карл, Т.Ч. Ахметов // CLOSA 2021 - VII International scientific-practical conference «Criminal law and operative search activities: problems of legislation, science and practice» (Москва, 23 апреля 2021 г.). – 2021. – С. 93-97;

[17-М]. Шахматов А.В., Карл А.М. К вопросу соответствия понятия оперативно-розыскного мероприятия государств-участников СНГ Модельному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» [Текст] / А.В. Шахматов, А.М. Карл // Эффективность международно-правового регулирования и преодоление кризисных явлений в международном праве. – Санкт-Петербург: Изд-во Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2021. – С. 189-195;

[18-А]. Карл А.М. Оперативно-розыскная деятельность и принуждение [Текст] / А.М. Карл // Деятельность оперативных подразделений: теория и практика / сост. А.Г. Гришин (г. Санкт-Петербург, 19 ноября 2019 г.). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – С. 25-27;

[19-А]. Карл А.М. О соответствии оперативно-розыскных мероприятий стран-участниц СНГ Модельному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» [Текст] / А.М. Карл // Парадигма современной науки глазами молодых: сборник материалов XV международной науч.-практ. Конференции (г. Костанай, 12 апреля 2021 г.). – Костанай: «ЧелГУ» Костанайский филиал, 2021. – С. 93-95;

[20-А]. Шахматов А.В., Карл А.М. К вопросу проведения оперативно-розыскного мероприятия «опрос» [Текст] / А.В. Шахматов, А.М. Карл // «Шумиловские чтения – 2022»: сборник материалов международной науч.-практ. конференции (г. Москва, 25 ноября 2022 г.). – Москва: Научные труды Российской таможенной академии, 2022. – С. 66-69.

Законодательное определение понятия оперативно-розыскного мероприятия в оперативно-розыскных законах стран-участниц СНГ и модельного закона «Об оперативно-розыскной деятельности»

№	Законы	Название и определение понятия оперативно-розыскного мероприятия
1.	Модельный закон от 16.11.2006 года постановление № 27-6 «Об оперативно-розыскной деятельности»	оперативно-розыскные мероприятия – установленная национальным законом система мер, осуществляемая гласно и негласно уполномоченными государственными органами в целях решения задач оперативно-розыскной деятельности
2.	Федеральный закон от 12.08.1995 года N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»	оперативно-розыскные мероприятия
3.	Закон Республики Казахстан от 15.09.1994 года № 154-ХІІІ «Об оперативно-розыскной деятельности»	оперативно-розыскные мероприятия
4.	Закон Республики Беларусь от 15.07.2015 года № 307-З «Об	оперативно-розыскное мероприятие – способ действия, применяемый органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, при выполнении задач

	оперативно-розыскной деятельности»	оперативно-розыскной деятельности в целях получения сведений в соответствии с настоящим Законом
5.	Закон Кыргызской Республики от 16.10.1998 года № 131 «Об оперативно-розыскной деятельности»	оперативно-розыскные мероприятия
6.	Закон Республики Армения от 19.11.2007 года №ЗР-223 «Об оперативно-розыскной деятельности»	оперативно-розыскные мероприятия
7.	Закон Азербайджанской Республики от 28.10.1999 года №728-IQ «Об оперативно-розыскной деятельности»	оперативно-розыскные меры
8.	Закон Республики Таджикистан от 25.03.2011 года № 687 «Об оперативно-розыскной деятельности»	оперативно-розыскные мероприятия – установленная законодательством Республики Таджикистан система мер, применяемая гласно или негласно органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в целях решения задач оперативно-розыскной деятельности
9.	Закон Республики Узбекистан	оперативно-розыскные мероприятия

	от 25.12.2012 года №ЗРУ-344 «Об оперативно-розыскной деятельности»	
10.	Закон Республики Молдова от 29.03.2012 года №59 «О специальной розыскной деятельности»	специальные розыскные мероприятия

Виды негласных следственных действий и аналогичные им оперативно-розыскные мероприятия в Республике Казахстан

Негласные следственные действия		Оперативно-розыскные мероприятия		
1.	Негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места (ст. 242 УПК РК)	1.	Негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места (п.1 ч.3 ст. 11 Закона «Об ОРД»)	Специальные ОРМ
2.	Негласные контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи (ст. 243 УПК РК)	2.	Негласные контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи (п.2 ч.3 ст. 11 Закона «Об ОРД»)	
3.	Негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 244 УПК РК)	3.	Негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (п.3 ч.3 ст. 11 Закона «Об ОРД»)	
4.	Негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации (ст. 245 УПК РК)	4.	Негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации (п.4 ч.3 ст. 11 Закона «Об ОРД»)	
5.	Негласный контроль почтовых и иных отправлений (ст. 246 УПК РК)	5.	Негласный контроль почтовых и иных отправлений (п.5 ч.3 ст. 11 Закона «Об ОРД»)	
6.	Негласные проникновение и (или) обследование места (ст. 247 УПК РК)	6.	Негласные проникновение и (или) обследование места (п.6 ч.3 ст. 11 Закона «Об ОРД»)	
7.	Негласное наблюдение за лицом или местом (ст. 248 УПК РК)	7.	Наблюдение (п.18 ч.2 ст. 11 Закона «Об ОРД»)	Общие ОРМ
8.	Негласный контрольный закуп (ст. 250 УПК РК)	8.	Оперативный закуп (п.10 ч.2 ст. 11 Закона «Об ОРД»)	

**Результаты опроса сотрудников оперативных подразделений МВД
Российской Федерации и Республики Казахстан**

		оперативные подразделения МВД РФ				В се го	%	оперативные подразделения МВД РК				В се го	%	Общий результат	
		ГУ МВД Росси и по г. Са нкт- Пете рбург у и Лени нград ской облас ти	Упра влени е МВД Росси и по Забай кальс кому краю	ГУ МВ Д Росси и по Алт айск ому краю	ГУ МВ Д Росси и по Кем еров ской обла сти			Депар тамент поли ции МВД Респ убли ки Каза хстан по г. Нур- Султан	ДУ ИС МВД Д Рес пуб лик и Каз ахст ан по г. Нур - Султан	Депар тамент поли ции МВД Респ убли ки Каза хстан по г. Кост анай ской обла сти	ДУИ С МВД Респ убли ки Каза хстан по г. Кост анай ской обла сти			В се го	%
Количество сотрудников, принявших участие в анкетировании:															
		35	30	30	25	1 2 0		25	25	25	25	1 0 0		2 2 0	
Вопросы и варианты ответов:															
1.	Считаете ли Вы, что перечень оперативно-розыскных мероприятий, закрепленный в законодательстве, отвечает потребностям практики?														
1. 1.	Да	12	10	15	8	4 5	37 ,5 0 %	10	9	6	5	3 0	30 %	7 5	34 ,1 0 %
1. 2.	Нет	15	16	10	13	5 4	45 %	12	10	16	17	5 5	55 %	1 0 9	49 ,6 0 %
1. 3.	Затрудня юсь ответить	7	3	5	4	1 9	15 ,8 0 %	2	6	3	2	1 3	13 %	3 2	14 ,5 0 %
1. 4.	Иное	1	1			2	1, 70 %	1			1	2	2 %	4	1, 80 %
2.	Считаете ли Вы необходимым закрепить понятия каждого оперативно-розыскного мероприятия в Законе об ОРД?														
2. 1.	Да	25	21	24	14	8 4	70 %	15	18	15	14	6 2	62 %	1 4 6	66 %
2. 2.	Нет	8	7	6	8	2 9	24 ,2 0 %	8	6	7	8	2 9	29 %	5 8	26 ,3 0 %

7.	Считаете ли Вы целесообразным закрепить применение служебно-розыскных собак в Законе об ОРД? (для сотрудников МВД Российской Федерации)															
7.1.	Да	4	6	4	8	2	18,3 0 %									
7.2.	Нет	27	22	25	17	9	75,8 0 %									
7.3.	Затрудняюсь ответить	4	2	1		7	5,9 0 %									
8.	Возникают ли сложности при осуществлении «оперативного эксперимента»? (для сотрудников МВД Российской Федерации)															
	Возникают ли сложности при осуществлении «применения модели поведения, имитирующей преступную деятельность»? (для сотрудников МВД Республики Казахстан)															
8.1.	Да:															
8.1.1.	Отсутствие законодательного определения	26	21	23	20	9	75,0 %	19	17	18	15	6	69,9 %	1	72,3 0 %	
8.1.2.	Большое количество жалоб от граждан на органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность	9	9	7	5	3	25,0 %	6	6	7	9	2	28,8 %	5	26,4 0 %	
8.1.3.	Злоупотребление своими полномочиями и нарушение конституционных прав								2			2	2,0 %	2	0,9 0 %	
8.1.4.	Создают трудности молодым оперативным работникам при осуществлении оператив										1	1	1,0 %	1	0,4 0 %	

	но-розыскного мероприятия														
8.2.	Иное														
8.3.	Нет														
8.4.	Затрудняюсь ответить														
9.	Считаете ли Вы необходимым в обязательном порядке сопровождать проведение «контролируемой поставки» оперативными сотрудниками?														
9.1.	Да	15	16	13	14	58	48,30%	12	15	17	18	62	62%	120	54,50%
9.2.	Нет	14	11	15	11	51	42,50%	13	9	8	4	34	34%	85	38,70%
9.3.	Затрудняюсь ответить	6	3	2		11	9,20%		1		3	4	4%	15	6,80%
10.	На Ваш взгляд, при проведении каких оперативно-розыскных мероприятий на практике чаще всего затрагиваются права граждан?														
10.1.	Опрос; Опрос лиц														
10.2.	Наведение справок														
10.3.	Сбор образцов для сравнительного исследования; Получение образцов														
10.4.	Проверочная закупка; Оперативный закуп	15	13	12	9	49	11,0%	12	6	15	9	42	10,20%	91	10,70%
10.5.	Наблюдение														
10.6.	Получение компьютерной информации;	115	78	85	71	349	79,0%	85	79	77	82	323	78,40%	853	78,80%

	перегово ров;														
	Негласны е контроль, перехват и снятие информа ции, передаю щейся по сетям электрич еской (телеком муникац ионной) связи														
1 0. 1 0.	Оператив ный эксперим ент; Примене ние модели поведени я, имитиру ющей преступн ую деятельн ость	12	10	12	9	4 3	9, 80 %	11	14	9	13	4 7	11 ,4 0 %	9 0	10 ,5 0 %
1 1.	Как Вы считаете, есть ли разница в проведении оперативно-розыскных мероприятий от аналогичных им негласных следственных действий, если да, то какие? (для сотрудников МВД Республики Казахстан)														
1 1. 1.	Да							15	12	14	14	5 5	55 %		
1 1. 2.	Нет							12	10	11	12	4 5	45 %		
1 2.	Как Вы считаете, при проведении оперативно-розыскных мероприятий, по какой причине нарушаются права граждан?														
1 2. 1.	Несовер шенство оператив но- розыскно го законода тельства	21	15	17	14	6 7	55 ,8 0 %	20	16	18	14	6 8	68 %	1 3 5	61 ,4 0 %
1 2. 2.	Слабая професси ональная подготов ка оператив ных сотрудни ков, в том	12	11	12	11	4 6	38 ,3 0 %	4	7	6	9	2 6	26 %	7 2	32 ,7 0 %

	числе слабое знание уголовного, уголовно - процессуального и оперативно-розыскного законодательства														
1 2. 3.	Ошибки, допускаемые при отборе кадров в оперативные подразделения	2	4	1		7	5,90 %	1	2	1	2	6	6 %	13	5,90 %
1 3.	Как соотносятся понятия «оперативно-розыскные мероприятия» и «методы ОРД»?														
1 3. 1.	Они тождественны	6	4	4	3	17	14,20 %	6	4	5	1	16	16 %	33	15 %
1 3. 2.	Методы являются частью оперативно-розыскных мероприятий	17	14	15	10	56	46,70 %	10	13	9	11	43	43 %	99	45 %
1 3. 3.	Оперативно-розыскные мероприятия являются частью методов	6	5	3	4	18	15 %	4	3	7	2	16	16 %	34	16 %
1 3. 4.	Методы – это оперативно-розыскные действия, которые не входят в законодательный перечень оперативно-	5	5	7	6	23	19,20 %	4	5	2	9	20	20 %	43	20 %

	розыскных мероприятий														
1 3. 5.	Затрудняюсь ответить	1	2	1	2	6	5 %	1		2	2	5	5 %	1 1	5 %
1 4.	Считаете ли Вы необходимым закрепить принудительные меры (задержание, личный досмотр, изъятие) в ФЗ РФ «Об ОРД» по примеру УПК РФ? (для сотрудников МВД Российской Федерации)														
1 4. 1.	Да	18	14	13	9	5	45 %								
1 4. 2.	Нет	6	10	12	8	3	30 ,0 0 %								
1 4. 3.	Затрудняюсь ответить	11	6	5	8	3	25 %								
1 4. 4.	Иное														
1 5.	Считаете ли Вы, что перечисленные оперативно-розыскные мероприятия: 1) обнаружение, негласная фиксация и изъятие следов противоправных деяний, их предварительное исследование; 2) преследование лица, готовящего, совершающего или совершившего преступление, и его задержание; 3) осуществление с участием понятых личного досмотра задержанных лиц, изъятия находящихся при них вещей и документов, могущих относиться к преступной деятельности, а также досмотра жилых помещений, рабочих и иных мест, досмотра транспортных средств необходимо закрепить в самостоятельной главе Закона РК «Об ОРД» в качестве принудительных мер по примеру УПК РК? (для сотрудников МВД Республики Казахстан)														
1 5. 1.	Да							12	8	10	13	4	43 %		
1 5. 2.	Нет							11	13	5	3	3	32 %		
1 5. 3.	Затрудняюсь ответить							2	4	10	9	2	25 %		
1 5. 4.	Иное														
1 6.	Считаете ли Вы целесообразным унифицировать правовую регламентацию оперативно-розыскных мероприятий в оперативно-розыскных законах стран-участниц СНГ?														
1 6. 1.	За	25	15	19	17	7	63 ,4 0 %	21	17	18	14	7	70 %	1 4 6	66 ,4 0 %
1 6. 2.	Против	4	7	5	3	1	15 ,8 0 %	2	5	4	7	1	18 %	3 7	16 ,8 0 %
1 6. 3.	Затрудняюсь ответить	6	8	6	5	2	20 ,8 0 %	2	3	3	4	1	12 %	3 7	16 ,8 0 %

1 6. 4.	Иное														
1 7.	Стаж работы в оперативной службе:														
1 7. 1.	менее 1 года		2	3	1	6	5 %		2	1	1	4	4 %	1 0	4, 60 %
1 7. 2.	до 3 лет	2	6	2	4	1 4	11 ,7 0 %		3	1	5	9	9 %	2 3	10 ,4 0 %
1 7. 3.	до 5 лет	5	10	5	4	2 4	20 %	5	1	6	7	1 9	19 %	4 3	19 ,5 0 %
1 7. 4.	до 10 лет	16	6	12	7	4 1	34 ,2 0 %	12	10	10	7	3 9	39 %	8 0	36 ,4 0 %
1 7. 5.	более 10 лет	12	6	8	9	3 5	29 ,1 0 %	8	9	7	5	2 9	29 %	6 4	29 ,1 0 %